

Эта ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ КНИГА научит тебя говорить ПО-БОЛГАРСКИ!

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТОЙ КНИГИ. Тренируйся:

1. Различать на слух болгарскую речь (слушая mp3-запись и видя текст).
2. Читать вслух, вырабатывая привычку правильно говорить по-болгарски.
3. Узнавать перевод слов и фраз (из русского текста, не листая словарь).
4. Проверять правильность своего перевода

(Если все болгарские слова тебе известны, то закрой листком русский перевод и попробуй без запинки вслух перевести фразы этой книги (а затем, открывая русскую фразу, проверяй свой перевод).

аудио-книга

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Астрид ЛИНДГРЕН

КАРЛСОН, КОЙТО ЖИВЕЕ НА ПОКРИВА

превод от шведски Ран Босилек

В град Стокхолм, на една съвсем обикновена улица, в една съвсем обикновена къща живее най-обикновено шведско семейство с фамилното име Свантесон. Това семейство се състои от един най-обикновен баща, от една най-обикновена майка и от три най-обикновени деца — Босе, Бетан и Дребосьчето.

— Аз съвсем не съм най-обикновено момче — казва Дребосьчето.

Но това, разбира се, не е истина. На света има толкова много момчета, които са на седем години, които имат сини очи и чипо носле, и немити уши, и скъсани на коленете панталонки, та не трябва ни най-малко да се съмняваме: Дребосьчето е най-обикновено момченце.

Босе е на петнайсет години и стои с по-голямо желание пред футболната врата, отколкото пред черната дъска. Значи и той е най-обикновено момченце.

Бетан е на четиринайсет години и нейните коси са досущ като на другите най-обикновени момичета.

И в цялата къща има само едно необикновено същество — това е Карлсон от покрива. Да, той живее на покрива и това само по себе си е вече необикновено. Може би в другите градове да не е така, но в Стокхолм почти никога не се е случвало някой да живее на покрива, и то в отделна малка къщичка. А, представете си, Карлсон живее тъкмо там.

Карлсон е малко, дебеличко, самоуверено човече.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Астрид ЛИНДГРЕН

МАЛЫШ И КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЁТ НА КРЫШЕ

Перевод со шведского А. ЛУНГИНОЙ

В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живет самая обыкновенная шведская семья по фамилии Свантесон. Семья эта состоит из самого обыкновенного папы, самой обыкновенной мамы и трех самых обыкновенных ребят – Боссе, Бетан и Малыша.

– Я вовсе не самый обычный малыш, – говорит Малыш.

Но это, конечно, неправда. Ведь на свете столько мальчишек, которым семь лет, у которых голубые глаза, немытые уши и разорванные на коленках штанишки, что сомневаться тут нечего: Малыш – самый обычный мальчик.

Боссе пятнадцать лет, и он с большей охотой стоит в футбольных воротах, чем у школьной доски, а значит – он тоже самый обычный мальчик.

Бетан четырнадцать лет, и у нее косы точь-в-точь такие же, как у других самых обычных девочек.

Во всем доме есть только одно не совсем обычное существо – Карлсон, который живет на крыше. Да, он живет на крыше, и одно это уже необыкновенно. Быть может, в других городах дело обстоит иначе, но в Стокгольме почти никогда не случается, чтобы кто-нибудь жил на крыше, да еще в отдельном маленьком домике. А вот Карлсон, представьте себе, живёт именно там.

Карлсон – это маленький толстенький самоуверен-

При това умее да лети. Всеки умее да лети със самолет и вертолет, но едничък Карлсон умее да лети самичък. Достатъчно е да натисне копчето на корема си и тозчас едно малко чудновато моторче забръмчава на гърба му. Докато перката се завърти както трябва, Карлсон стои една минута неподвижен. Но щом моторът заработи с пълна сила, Карлсон се издига, полетява с леко поклащане и си дава такъв важен и достолепен вид, сякаш е някой директор — разбира се, ако можете да си представите директор с перка на гърба.

Карлсон си живее прекрасно в своята малка къщичка на покрива. Вечер сяда на стълбата пред входа, пуши с луличка и гледа звездите. Разбира се, от покрив звездите се виждат по-добре, отколкото от прозорец, и затова може само да се учудваме, че толкова малко хора живеят по покривите.

Изглежда, че обитателите на къщата просто не се досещат да се заселят на покрива. Те не знаят, че Карлсон си има там къщичка, защото тя е скътана зад големия комин. Пък и щяха ли възрастните да обърнат внимание на някаква си там къщурка, дори и да се спънха в нея?

Веднъж един коминочистач съгледа неочаквано Карлсоновата къщичка. Той се учуди и си рече:

„Я гледай!... Къщичка?... Не може да бъде! Кой ще построи къщичка на покрива?... Отде ли се е взела тук?“.

После коминочистачът се зае с комина, забрави за къщичката и никога вече не си спомни за нея.

Дребосьчето се радваше много, че се запозна с Карлсон. Щом Карлсон долетеше при него, започваха необикновени приключения. Изглежда, и на Карлсон беше приятно да се запознае с Дребосьчето. Защото, каквото и да се приказва, не е много приятно да живееш сам-самичък в малка къщичка, и то такава, за която никой нищо не е чувал. Тъжно е, ако няма кой да ти извика: „Здравей, Карлсон!“, когато прелиташ наблизо.

Те се запознаха през един от ония злополучни дни, в които да си малък не е много весело, макар че обикновено да си малък е чудесно нещо. Дребосьчето беше любимец на цялото семейство и

най-човечек, и към тому же он умеет летать. На самолетах и вертолетах летать могут все, а вот Карлсон умеет летать сам по себе. Стоит ему только нажать кнопку на животе, как у него за спиной тут же начинает работать хитроумный моторчик. С минуту, пока пропеллер не раскрутится как следует, Карлсон стоит неподвижно, но когда мотор заработает вовсю, Карлсон взмывает ввысь и летит, слегка покачиваясь, с таким важным и достойным видом, словно какой-нибудь директор, — конечно, если можно себе представить директора с пропеллером за спиной.

Карлсону прекрасно живется в маленьком домике на крыше. По вечерам он сидит на крылечке, покуривает трубку да глядит на звезды. С крыши, разумеется, звезды видны лучше, чем из окон, и поэтому можно только удивляться, что так мало людей живет на крышах.

Должно быть, другие жильцы просто не догадываются поселиться на крыше. Ведь они не знают, что у Карлсона там свой домик, потому что домик этот спрятан за большой дымовой трубой. И вообще, станут ли взрослые обращать внимание на какой-то там крошечный домик, даже если и споткнутся о него?

Как-то раз один трубочист вдруг увидел домик Карлсона. Он очень удивился и сказал самому себе:

— Странно... Домик?.. Не может быть! На крыше стоит маленький домик?.. Как он мог здесь оказаться?

Затем трубочист полез в трубу, забыл про домик и уж никогда больше о нем не вспоминал.

Малыш был очень рад, что познакомился с Карлсоном. Как только Карлсон прилетал, начинались необычайные приключения. Карлсону, должно быть, тоже было приятно познакомиться с Малышом. Ведь что ни говори, а не очень-то уютно жить одному в маленьком домике, да еще в таком, о котором никто и не слышал. Грустно, если некому крикнуть: "Привет, Карлсон!", когда ты пролетаешь мимо.

Их знакомство произошло в один из тех неудачных, дней, когда быть Малышом не доставляло никакой радости, хотя обычно быть Малышом чудесно. Ведь Малыш — любимец всей семьи, и каждый балует

всеки го гледаше колкото можеше. Но през тоя ден всичко вървеше с главата надолу. Майка му го сълча, че е скъсал пак панталоните си, Бетан му извика: „Избърши си носа!“, а татко му се разсърди, дято се върна късно от училище.

— Шляеш се по улиците! — каза татко му.

„Шляеш се по улиците!“ Ама татко му не знае, че на връщане Дребосъчето срещна едно кученце. Мило, прекрасно кученце, което подуши Дребосъчето и замаха приветливо опашка, сякаш искаше да стане негово кученце.

Ако зависеше от Дребосъчето, желанието на кученцето тозчас би се изпълнило. Но бедата беше в това, че майка му и баща му в никакъв случай не искаха да държат куче във щастие. А освен това иззад ъгъла се появи изведнъж някаква си лелка и завика: „Рики! Рики! Тука!“ — и тогава на Дребосъчето му стана съвсем ясно, че кученцето няма да стане никога негово.

— Изглежда, цял живот ще мина ей тъй, без кученце — каза тъжно Дребосъчето, когато всичко прие такъв лош обрат. — Ти, мамо, си имаш татко, Босе и Бетан са винаги заедно. Пък аз — аз си нямам никого.

— Мило мое Дребосъче, нали ние всички сме при тебе — каза майка му.

— Не зная... — промълви още по-тъжно Дребосъчето, защото изведнъж му се стори, че той наистина си няма нищичко и отниде никого.

Но той си имаше своя стая и тръгна за там.

Беше ясна пролетна вечер, прозорците бяха разтворени. Леко се поклащаха белите завески, сякаш здрависваха бледите звездици, които току-що се бяха появили по чистото пролетно небе. Дребосъчето се облегна на прозореца и се загледа навън. Той мислеше за прекрасното кученце, което бе срещнал днес. Може би това кученце лежи сега в малко кошче в кухнята и някое си момче, не Дребосъчето, а друго момче, седи редом с него на пода, милва косматата му глава и му говори: „Рики, ти си чудесно куче!“

Дребосъчето въздъхна тежко. Изведнъж той чу някакво слабо бръмчене. То се усилваше все повече и повече и ето, колкото и чудно да изглежда това, край прозореца прелетя дебело човече. Това

его как только может. Но в тот день все шло шиворот-навыворот. Мама выругала его за то, что он опять разорвал штаны, Бетан крикнула ему: "Вытрях нос!", а папа рассердился, потому что Малыш поздно пришел из школы.

— По улицам слоняешься! — сказал папа.

"По улицам слоняешься!" Но ведь папа не знал, что по дороге домой Малышу повстречался щенок. Милый, прекрасный щенок, который обнюхал Малыша и приветливо завилял хвостом, словно хотел стать его щенком.

Если бы это зависело от Малыша, то желание щенка осуществилось бы тут же. Но беда заключалась в том, что мама и папа ни за что не хотели держать в доме собаку. А кроме того, из-за угла вдруг появилась какая-то тетка и закричала: "Рики! Рики! Сюда!" — и тогда Малышу стало совершенно ясно, что этот щенок уже никогда не станет его щенком.

— Похоже, что так всю жизнь и проживёшь без собаки, — с горечью сказал Малыш, когда все обернулись против него. — Вот у тебя, мама, есть папа; и Боссе с Бетан тоже всегда вместе. А у меня — у меня никого нет!..

— Дорогой Малыш, ведь у тебя все мы! — сказала мама.

— Не знаю... — с еще большей горечью произнес Малыш, потому что ему вдруг показалось, что у него действительно никого и ничего нет на свете.

Впрочем, у него была своя комната, и он туда отправился.

Стоял ясный весенний вечер, окна были открыты, и белые занавески медленно раскачивались, словно здороваясь с маленькими бледными звездами, только что появившимися на чистом весеннем небе. Малыш облокотился о подоконник и стал смотреть в окно. Он думал о том прекрасном щенке, который повстречался ему сегодня. Быть может, этот щенок лежит сейчас в корзинке на кухне и какой-нибудь мальчик — не Малыш, а другой — сидит рядом с ним на полу, гладит его косматую голову и приговаривает: "Рики, ты чудесный пес!"

Малыш тяжело вздохнул. Вдруг он услышал какое-то слабое жужжание. Оно становилось всё громче и громче, и вот, как это ни покажется странным, мимо окна пролетел толстый человечек. Это и был

беше Карлсон, който живееше на покрива. Но тогава Дребосъчето още не го познаваше.

Карлсон изгледа продължително и внимателно Дребосъчето и отлетя нататък. След като се издигна високо, направи малък кръг над покрива, заобиколи комините и се насочи към прозореца. После увеличи скоростта и се понесе като истински самолет край Дребосъчето. Направи втори кръг. Трети...

Дребосъчето стоеше, без да мръдне, и чакаше да види какво ще стане по-нататък. Дъхът му спря от вълнение. Мравки пропълзяха по гърба му — ами че не всеки ден прелетяват край прозореца малки дебели човечета.

А човечето през това време намали скоростта и като се изравни с прозореца, каза:

— Здравей! Може ли да кацна за минутка?

— Да, да, моля, кацнете — отговори Дребосъчето и добави:

— Мъчно ли се лети така?

— Това е най-лесната работа за мене — произнесе важно Карлсон, — защото аз съм най-добрият летец в света! Но не бих съветвал никой дембелин, приличен на чувал сено, да ми подражава.

Дребосъчето си помисли, че не си струва да се обижда от „чувал със сено“, но реши никога да не се опитва да лети.

— Как те казват? — запита Карлсон.

— Дребосъче. Истинското ми име е Сванте Свантесон.

— А мене, колкото и да е чудно това, ме наричат Карлсон. Просто Карлсон и толкоз. Здравей, Дребосъче!

— Здравей, Карлсон! — каза Дребосъчето.

— На колко си години? — попита Карлсон.

— На седем — отговори Дребосъчето.

— Отлично. Да продължим разговора — каза Карлсон.

После той бързо се прехвърли през прозореца, като преметна един по един малките си дебелички крака, и се озова в стаята.

— А ти на колко си години? — попита Дребосъчето,

Карлсон, койтий живёт на крыше. Но ведь в то время Малыш ещё не знал его.

Карлсон окинул Малыша внимательным, долгим взглядом и полетел дальше. Набрав высоту, он сделал небольшой круг над крышей, облетел вокруг трубы и повернул назад, к окну. Затем он прибавил скорость и пронёсся мимо Малыша, как настоящий маленький самолёт. Потом сделал второй круг. Потом третий.

Малыш стоял не шелохнувшись и ждал, что будет дальше. У него просто дух захватило от волнения и по спине побежали мураски — ведь не каждый день мимо окон пролетают маленькие толстые человечки.

А человечек за окном тем временем замедлил ход и, поравнявшись с подоконником, сказал:

— Привет! Можно мне здесь на минуточку приземлиться?

— Да, да, пожалуйста, — поспешил ответил Малыш и добавил:

— А что, трудно вот так летать?

— Мне — ни капельки, — важно произнёс Карлсон, — потому что я лучший в мире летун! Но я не советовал бы увались, похожему на мешок с сеном, подражать мне.

Малыш подумал, что на "мешок с сеном" обижаться не стоит, но решил никогда не пробовать летать.

— Как тебя зовут? — спросил Карлсон.

— Малыш. Хотя по-настоящему меня зовут Сванте Свантесон.

— А меня, как это ни странно, зовут Карлсон. Просто Карлсон, и всё. Привет, Малыш!

— Привет, Карлсон! — сказал Малыш.

— Сколько тебе лет? — спросил Карлсон.

— Семь, — ответил Малыш.

— Отлично. Продолжим разговор, — сказал Карлсон.

Затем он быстро перекинул через подоконник одну за другой свои маленькие толстенькие ножки и очутился в комнате.

— А тебе сколько лет? — спросил Малыш, решив,

решил, че Карлсон се държи твърде по детски за един възрастен чичко.

— На колко ли години съм? — повтори въпроса Карлсон. — Аз съм мъж в разцвета на силите си и толиоз.

Дребосъчето не знаеше какво точно значи да бъдеш мъж в разцвета на силите си. Може би и той е мъж в разцвета на силите си, но още не знае това. Ето защо попита предпазливо:

— А в коя възраст става разцветът на силите?

— Във всички! — отговори Карлсон със самодоволна усмивка. — Във всяка възраст, но само когато се отнася до мене. Аз съм красив, умен, прилично дебел, в разцвета на силите си!

Той се приближи до поличката за книги и измъкна една от играчките на Дребосъчето — парна машина.

— Хайде да я пуснем — предложи Карлсон.

— Без татко не бива — рече Дребосъчето. — Машината може да се пуща само с татко или с Босе.

— С татко, с Босе или с Карлсон, който живее на покрива. Най-добрият специалист в света по парните машини — това е Карлсон, който живее на покрива. Така предай на своя татко! — каза Карлсон.

Той грабна бързо шишето със спирта за горене, което стоеше редом с машината, напълни малкото спиртниче и запали фитила.

Макар Карлсон да беше най-добрият в света специалист по парните машини, той наливаше спирта доста несръчно и дори така го разля, че върху поличката за книги се образува цяло спиртово езеро. То пламна и върху поличката заиграха весели сини пламъчета. Дребосъчето извика уплашено и отскочи.

— Спокойствие и само спокойствие! — каза Карлсон и вдигна предпазливо своята пълна ръчичка.

Но Дребосъчето не можеше да остане спокоен, като гледаше огъня. Той сграбчи един парцал и угаси пламъка. Върху полираната повърхност на поличката останаха няколко големи безобразни петна...

— Погледни как се повреди поличката! — рече загрижено Дребосъчето. — Какво ще каже сега

что Карлсон ведёт себя уж слишком ребячливо для взрослого дяди.

— Сколько мне лет? — переспросил Карлсон. — Я мужчина в самом расцвете сил, больше я тебе ничего не могу сказать.

Малыш в точности не понимал, что значит быть мужчиной в самом расцвете сил. Может быть, он тоже мужчина в самом расцвете сил, но только ещё не знает об этом? Поэтому он осторожно спросил:

— А в каком возрасте бывает расцвет сил?

— В любом! — ответил Карлсон с довольно улыбкой. — В любом, во всяком случае, когда речь идет обо мне. Я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил!

Он подошёл к книжной полке Малыша и вытащил стоявшую там игрушечную паровую машину.

— Давай запустим её, — предложил Карлсон.

— Без папы нельзя, — сказал Малыш. — Машину можно запускать только вместе с папой или Боссе.

— С папой, с Боссе или с Карлсоном, который живёт на крыше. Лучший в мире специалист по паровым машинам — это Карлсон, который живёт на крыше. Так и передай своему папе! — сказал Карлсон.

Он быстро схватил бутылку с денатуратом, которая стояла рядом с машиной, наполнил маленькую спиртовку и зажёг фитиль.

Хотя Карлсон и был лучшим в мире специалистом по паровым машинам, денатурат он наливал весьма неуклюже и даже пролил его, так что на полке образовалось целое денатуратное озеро. Оно тут же загорелось, и на полированной поверхности заплясали весёлые голубые язычки пламени. Малыш испуганно вскрикнул и отскочил.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и предостерегающе поднял свою пухлую ручку.

Но Малыш не мог стоять спокойно, когда видел огонь. Он быстро схватил тряпку и прибил пламя. На полированной поверхности полки осталось несколько больших безобразных пятен.

— Погляди, как испортилась полка! — озабоченно произнёс Малыш. — Что теперь скажет мама?

мама?

— О, дреболия, обикновено нещо! Няколко по-значителни петънца върху поличката за книги са обикновено нещо. Така предай на майка си.

Карлсон коленичи до парната машина и очите му заблестяха:

— Ей сега ще почне да работи.

И наистина само след миг парната машина заработи. „Пух-пах-пух“ — пъхтеше тя. О, това беше най-прекрасната от всички парни машини, каквото само можеш да си представиш, и Карлсон изглеждаше толкова горд и щастлив, сякаш сам той я беше изнамирил.

— Трябва да проверя предпазната клапа — рече изведенъж Карлсон и се залови да върти някаква дръжчица. — Когато не проверяваш предпазната клапа, стават аварии.

„Пух-пах-пух — пухтеше все по-бързо и по-бързо машината. — Пух-пах-пух!“ После започна да се задъхва, сякаш препускаше галоп. Очите на Карлсон сияха.

А Дребосъчето престана вече да се беспокои за петната върху поличката. Той беше щастлив, дето има такава чудесна машина и дето се е запознал с Карлсон, най-добрния в целия свят специалист по парни машини, който толкова майсторски провери предпазната клапа.

— Е, Дребосъче — каза Карлсон, — това се казва „пух-пах-пух“! Разбирам от тия работи. Аз съм най-добрият спе...

Но Карлсон не успя да завърши, защото в този миг се раздаде гръмък взрив и парчета от разрушената парна машина се разлетяха навсякъде из стаята.

— Тя избухна! — извика възторжено Карлсон, сякаш беше успял да направи най-интересния фокус с парната машина. — Честна дума! Тя избухна! Какъв бумтеж! Колко силен!

Но Дребосъчето не можеше да сподели радостта на Карлсон. Той стоеше смаян, с очи, пълни със сълзи.

— Парната ми машина... — хълцаше той. — Парната ми машина стана на парчета!

— Това е дреболия, обикновено нещо! — и Карлсон махна безгрижно със своята малка пълничка ръка.

— Пустяки, дело житейское! Несколько крошечных пятнышек на книжной полке — это дело житейское. Так и передай своей маме.

Карлсон опустился на колени возле паровой машины, и глаза его заблестели.

— Сейчас она начнёт работать.

И действительно, не прошло и секунды, как паровая машина заработала. Фут, фут, фут... — пыхтела она. О, это была самая прекрасная из всех паровых машин, какие только можно себе вообразить, и Карлсон выглядел таким гордым и счастливым, будто сам её изобрёл.

— Я должен проверить предохранительный клапан, — вдруг произнёс Карлсон и принялся крутить какую-то маленьку ручку. — Если не проверить предохранительные клапаны, случаются аварии.

Фут-фут-фут... — пыхтела машина всё быстрее и быстрее. — Фут-фут-фут!.. Под конец она стала задыхаться, точно мчалась галопом. Глаза у Карлсона сияли.

А Малыш уже перестал гореват по поводу пятен на полке. Он был счастлив, что у него есть такая чудесная паровая машина и что он познакомился с Карлсоном, лучшим в мире специалистом по паровым машинам, который так искусно проверил её предохранительный клапан.

— Ну, Малыш, — сказал Карлсон, — вот это действительно "фут-фут-фут"! Вот это я понимаю! Лучший в мире спе...

Но закончить Карлсон не успел, потому что в этот момент раздался громкий взрыв и паровой машины не стало, а обломки её разлетелись по всей комнате.

— Она взорвалась! — в восторге закричал Карлсон, словно ему удалось проделать с паровой машиной самый интересный фокус. — Честное слово, она взорвалась! Какой грохот! Вот здорово!

Но Малыш не мог разделить радость Карлсона. Он стоял растерянный, с глазами, полными слёз.

— Моя паровая машина... — всхлипывал он. — Моя паровая машина развалилась на куски!

— Пустяки, дело житейское! — И Карлсон беспечно махнул своей маленькой пухлой рукой.

Аз ще ти дам още по-хубава машина — успокояваше той Дребосъчето.

— Ти ли? — учуди се Дребосъчето.

— Разбира се. Горе при мене има няколко хиляди парни машини.

— Къде е това „горе“ при тебе?

— Горе в моята къщичка на покрива.

— Ти имаш къщичка на покрива? — попита Дребосъчето. — И няколко хиляди парни машини?

— Е, да. Две стотици напълно сигурно.

— Колко ми се иска да дойда в твоята къщичка! — извика Дребосъчето.

Трудно беше да повярваш в това: да съществува малка къщичка на покрива и Карлсон да живее в нея.

— И като си помислиш само каква къща, пълна с парни машини! — провикна се Дребосъчето. — Двеста машини!

— Е, аз не съм пресмятал точно колко са останали — уточни Карлсон, — но не са по-малко от няколко дузини.

— И ти нали ще ми дадеш една машина?

— Разбира се!

— Още ей сегичка ли?

— Не, първо трябва да ги попрегледам малко, да проверя предпазните клапи... е, и още нещо такова. Спокойствие и само спокойствие! Тия дни ще получиш машината.

Дребосъчето се зае да събира от пода парчетата от онова, което преди малко беше неговата парна машина.

— Представям си как ще се разсърди татко — промърмори загрижено Дребосъчето. Карлсон повдигна учудено вежди:

— За парната машина ли? Че това е дреболия, обикновено нещо, за което не си струва да се вълнуваш! Така предай на твоя татко. Аз бих му го казал сам, но бързам и не мога да се бавя повече тук... Сега няма да успея да се срещна с твоя баща. Трябва навреме да се върна вкъщи, та да видя какво става там.

— Много добре направи, дето дойде при мене — каза Дребосъчето. — Макар че, то се знае, парната

— Я тебе дам ешё лучшую машину, — успокаивал он Малыша.

— Ты? — удивился Малыш.

— Конечно. У меня там, наверху, несколько тысяч паровых машин.

— Где это у тебя там, наверху?

— Наверху, в моём домике на крыше.

— У тебя есть домик на крыше? — переспросил Малыш. — И несколько тысяч паровых машин?

— Ну да. Уж сотни две наверняка.

— Как бы мне хотелось побывать в твоём домике! — воскликнул Малыш.

В это было трудно поверить: маленький домик на крыше, и в нём живёт Карлсон...

— Подумать только, дом, набитый паровыми машинами! — воскликнул Малыш. — Две сотни машин!

— Ну, я в точности не считал, сколько их там осталось, — уточнил Карлсон, — но уж никак не меньше нескольких дюжин.

— И ты мне дашь одну машину?

— Ну конечно!

— Прямо сейчас!

— Нет, сначала мне надо их немножко осмотреть, проверить предохранительные клапаны... ну, и тому подобное. Спокойствие, только спокойствие! Ты получишь машину на днях.

Малыш принялся собирать с пола куски того, что раньше было его паровой машиной.

— Представляю, как рассердится папа, — озабоченно пробормотал он. Карлсон удивлённо поднял брови:

— Из-за паровой машины? Да ведь это же пустяки, дело житейское. Стоит ли волноваться по такому поводу! Так и передай своему папе. Я бы ему это сам сказал, но спешу и поэтому не могу здесь задерживаться... Мне не удастся сегодня встретиться с твоим папой. Я должен слетать домой, поглядеть, что там делается.

— Это очень хорошо, что ты попал ко мне, — сказал Малыш. — Хотя, конечно, паровая машина... Ты ещё

машина... ти нали ще се отбиеш пак някой път?

— Спокойствие и само спокойствие! — каза Карлсон и натисна копчето на корема си.

Моторът забръмча. Карлсон все още стоеше неподвижно и чакаше перката да се завърти с всичка сила. Изведнъж той се издигна от пода и направи няколко кръга из стаята.

— Моторът нещо стърже. Трябва да отлетя в работилницата да го смажат. Разбира се, и аз мога да сторя това, но бедата е там, че нямам време... Мисля все пак да се отбия в работилницата.

Дребосьчето също помисли, че така ще бъде разумно.

Карлсон отлетя през отворения прозорец; неговата малка дебеличка фигурука се очерта ясно върху фона на пролетното небе, обсипано със звезди.

— Довиждане, Дребосьче! — извика Карлсон, като помаха със своята пълна ръчичка, и изчезна.

Карлсон строи кула

— Нали вече ви казах, че той се казва Карлсон и че живее там горе, на покрива — рече Дребосьчето. — Какво особено има тук? Нима хората не могат да живеят, където си искат?...

— Не се инати, Дребосьче! — каза майка му. — Ако знаеш как ни изплаши! Истински взрив! Нали можеше да те убие! Наистина ли не разбираш?

— Разбирам. Но все пак Карлсон е най-добрият в света специалист по парните машини — отговори Дребосьчето и погледна сериозно майка си.

Как така не разбира тя, че е невъзможно да кажеш „не“, когато най-добрият специалист по парните машини предлага да провери предпазната клапа!

— Ти си отговорен за своите постъпки — каза строго бащата — и не трябва да стоварваш вината върху някакъв си Карлсон от покрива, който изобщо не съществува.

— Не — каза Дребосьчето, — той съществува!

— При това можел и да хвърчи — дададе насмешливо Босе.

— Да, представи си, умее — отговори Дребосьчето.

— Обещавам ти една крона, Дребосьче, ако видя с очите си Карлсон, който живее на покрива.

когда-нибудь залетишь сюда?

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и нажал кнопку на своём животе.

Мотор загудел, но Карлсон всё стоял неподвижно и ждал, пока пропеллер раскрутится во всю мощь. Но вот Карлсон оторвался от пола и сделал несколько кругов.

— Мотор что-то барахлит. Надо будет залететь в мастерскую, чтобы его там смазали. Конечно, я и сам мог бы это сделать, да, беда, нет времени... Думаю, что я всё-таки загляну в мастерскую.

Малыш тоже подумал, что так будет разумнее.

Карлсон вылетел в открытое окно; его маленькая толстенькая фигурка чётко вырисовывалась на весеннем, усыпанном звёздами небе.

— Привет, Малыш! — крикнул Карлсон, помахал своей пухлой ручкой и скрылся.

КАРЛСОН СТРОИТ БАШНЮ

— Я ведь вам уже говорил, что его зовут Карлсон и что он живёт там, наверху, на крыше, — сказал Малыш. — Что же здесь особенного? Разве люди не могут жить, где им хочется?..

— Не упрямься, Малыш, — сказала мама. — Если бы ты знал, как ты нас напугал! Настоящий взрыв. Ведь тебя могло убить! Неужели ты не понимаешь?

— Понимаю, но всё равно Карлсон — лучший в мире специалист по паровым машинам, — ответил Малыш и серьёзно посмотрел на свою маму.

Ну как она не понимает, что невозможно сказать "нет", когда лучший в мире специалист по паровым машинам предлагает проверить предохранительный клапан!

— Надо отвечать за свои поступки, — строго сказал папа, — а не сваливать вину на какого-то Карлсона с крыши, которого вообще не существует.

— Нет, — сказал Малыш, — существует!

— Да ешё и летать умеет! — насмешливо подхватил Босе.

— Представь себе, умеет, — отрезал Малыш. — Я надеюсь, что он залетит к нам, и ты сам увидишь.

— Хорошо бы он залетел завтра, — сказала Бетан. — Я дам тебе крону, Малыш, если увижу своими

— Не, утре не можеш да го видиш — утре му се налага да отлети в работилницата да си смаже мотора.

— Стига си разправял измишльотини — рече майката. — По-добре виж на какво е заприличала твоята поличка за книги!

— Карлсон казва, че това е дреболия, обикновено нещо. — И Дребосъчето махна с ръка точно така, както беше махнал Карлсон, когато даваше да се разбере, че не си струва да се ядосваш за някакви си там петна върху поличката.

Ала нито думите на Карлсон, нито това движение на ръката направиха някакво впечатление на майка му.

— Значи така приказва Карлсон — рече строго тя.

— Тогава предай му, че ако още веднъж си пъхне носа тук, аз така ще го напляскам, та цял живот да ме помни.

Дребосъчето нищо не отговори. Стори му се ужасно, дето майка му се кани да напляска най-добрия в света специалист по парните машини. Да, нищо хубаво не можеше да се очаква от тоя злополучен ден, когато буквально всичко вървеше наопаки.

И изведнъж Дребосъчето почувства, че много се е разтъжил по Карлсон — той бодър, весел човечец, който тъй забавно махаше мъничката си ръка и отсърдяше: „Неприятностите са дреболии, обикновено нещо, не си струва да се ядосваш!“ „Дали наистина Карлсон никога вече няма да долети?“ — помисли си с тревога Дребосъчето.

— Спокойствие и само спокойствие! — рече си Дребосъчето, като подражаваше на Карлсон. — Та Карлсон обеща, а той е човек, на когото може да се вярва, това изведнъж се вижда. След някой и друг ден той ще долети, бездруго ще долети.

... Дребосъчето лежеше на пода в своята стая и четеше книга, когато отново чу откъм прозореца някакво бръмчене и в стаята като грамадна пчела долетя Карлсон. Той направи няколко кръга под тавана, тананикайки си полугласно весела песничка. Като прелиташе край окочените на стената картини, той всеки път намаляваше скоростта, за да ги разгледа по-добре. При това скланяше глава на една страна и примижаваше.

глазами Карлсона, койтот живёт на крыше.

— Нет, завтра ты его не увидишь — завтра он должен слетать в мастерскую смазать мотор.

— Ну, хватит рассказывать сказки, — сказала мама. — Ты лучше погляди, на что похожа твоя книжная полка.

— Карлсон говорит, что это пустяки, дело житейское!

— И Малыш махнул рукой, точь-в-точь как махал Карлсон, давая понять, что вовсе не стоит расстраиваться из-за каких-то там пятен на полке.

Но ни слова Малыша, ни этот жест не произвели на маму никакого впечатления.

— Вот, значит, как говорит Карлсон? — строго сказала она. — Тогда передай ему, что, если он ещё раз сунет сюда свой нос, я его так отшлёпаю — век будет помнить.

Малыш ничего не ответил. Ему показалось ужасным, что мама собирается отшлётвать лучшего в мире специалиста по паровым машинам. Да, ничего хорошего нельзя было ожидать в такой неудачный день, когато буквально всё шло шиворот-навыворот.

И вдруг Малыш почувства, че он очень соскучился по Карлсону — бодрому, весёлому човечку, котрый так потешно махал своёй маленькой рукой, приговаривая: "Неприятности — это пустяки, дело житейское, и расстраиваться тут нечего". "Неужели Карлсон больше никогда не прилетит?" — с тревогой подумал Малыш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал себе Малыш, подражая Карлсону. — Карлсон ведь обещал, а он такой, что ему можно верить, это сразу видно. Через денёк-другой он прилетит, наверняка прилетит.

...Малыш лежал на полу в своей комнате и читал книгу, когда снова услышал за окном какое-то жужжание, и, словно гигантский шмель, в комнату влетел Карлсон. Он сделал несколько кругов под потолком, напевая вполголоса какую-то весёлуа песенку. Пролетая мимо висящих на стенах картин, он всякий раз сбавлял скорость, чтобы лучше их рассмотреть. При этом он склонял набок голову и прищуривал глазки.

— Красиви картини! — каза той най-после. — Необикновено красиви картини! Макар, разбира се, да не са толкова хубави като моите.

Дребосъчето скочи на крака и не знаеше къде да се дене от радост: толкова драго му беше, че Карлсон се върна.

— Много ли картини имаш на покрива? — попита той.

— Няколко хиляди. Пък и аз самият рисувам в свободното си време. Рисувам малки петленца, птици и разни други красиви неща. Аз съм най-добрият рисувач на петли в целия свят! — каза Карлсон, направи красиво завъртане и кацна на пода редом с Дребосъчето.

— Виж ти! — учудващо се Дребосъчето. Не мога ли и аз да отлетя с тебе на покрива? Толкова много ми се иска да видя твоя дом, твоите парни машини и твоите картини!...

— Разбира се, че можеш — отговори Карлсон. — От само себе си се разбира. Ще ми бъдеш скъп гост... някой друг път.

— Дано да е скоро! — извика Дребосъчето.

— Спокойствие и само спокойствие! — каза Карлсон. — аз трябва отначало да разтрепя въкъщи. Но за това няма да отиде много време. Ти нали се догаджаш кой е най-добрият майстор в света на най-бързото почистване? Това е на всички известно.

Дребосъчето не се съмняваше, че Карлсон е във всичко „най-добрият“ в целия свят. Сигурно той ще е най-добрият другар и по игра. В това Дребосъчето се убеди от собствен опит... Наистина Кристер и Гунила са също така добри другари, но колко ги превъзхожда Карлсон, който живее на покрива! Кристер знае само да се хвали със своето куче Йофа и Дребосъчето отдавна му завиджа.

„Ако утре той пак започне да се хвали с Йофа, аз пък ще му разкажа за Карлсон. Какво струва неговата Йофа в сравнение с Карлсон, който живее на покрива? Така ще му кажа.“

И все пак нямаше друго нещо на света, което

— Красивые картины, — сказал он наконец. — Необычайно красивые картины! Хотя, конечно, не такие красивые, как мои.

Малыш вскочил на ноги и стоял, не помня себя от восторга: так он был рад, что Карлсон вернулся.

— А у тебя там на крыше много картин? — спросил он.

— Несколько тысяч. Ведь я сам рисую в свободное время. Я рисую маленьких петухов и птиц и другие красивые вещи. Я лучший в мире рисовальщик петухов, — сказал Карлсон и, сделав изящный разворот, приземлился на пол рядом с Малышом.

— Что ты говоришь! — удивился Малыш. — А нельзя ли мне подняться с тобой на крышу? Мне так хочется увидеть твой дом, твои паровые машины и твои картины!..

— Конечно, можно, — ответил Карлсон, — само собой разумеется. Ты будешь дорогим гостем... как-нибудь в другой раз.

— Поскорей бы! — воскликнул Малыш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Я должен сначала прибрать у себя в доме. Но на это не уйдёт много времени. Ты ведь догадываешься, кто лучший в мире мастер скоростной уборки комнат?

— Наверно, ты, — робко сказал Малыш.

— "Наверно"! — возмутился Карлсон. — Ты ещё говоришь "наверно"! Как ты можешь сомневаться! Карлсон, который живёт на крыше, — лучший в мире мастер скоростной уборки комнат. Это всем известно.

Малыш не сомневался, что Карлсон во всём "лучший в мире". И уж наверняка он самый лучший в мире товарищ по играм. В этом Малыш убедился на собственном опыте... Правда, Кристер, и Гунилла тоже хорошие товарищи, но им далеко до Карлсона, который живёт на крыше! Кристер только и делает, что хвалится своей собакой Ёффой, и Малыш ему давно завидует.

“Если он завтра опять будет хвастаться Ёффой, я ему расскажу про Карлсона. Что стоит его Ёффа по сравнению с Карлсоном, который живёт на крыше! Так я ему и скажу”.

И всё же ничего на свете Малыш так страстно не

Дребосьчето, тъй страстно да желаеше да има, както едно кученце...

Карлсон прекъсна мислите на Дребосьчето:

— Не бих отказал да се поразвлека сега малко — каза той и се огледа с любопитство наоколо. — Не ти ли купиха нова парна машина?

Дребосьчето поклати глава. Той си спомни за своята парна машина и помисли: „Тъкмо сега, когато Карлсон е тук, мама и татко могат да се убедят, че той наистина съществува.“ Пък ако Босе и Бетан са вкъщи, той и на тях може да покаже Карлсон.

— Ще дойдеш ли да се запознаеш с мама и татко?

— Разбира се! На драго сърце — отговори Карлсон.
— Ще им бъде много приятно да ме видят — аз съм толкова красив и умен — Карлсон се заразходжа доволен из стаята... — умерено пълен — добави той. — Накратко, мъж в разцвета на силите си. На твоите родители ще бъде много приятно да се запознаят с мене.

Миризма на пържени кюфтета се носеше от кухнята и по това Дребосьчето позна, че наближава обед. Като поразмисли, той реши да запознае Карлсон със своите родители следобед. Първо, никога нищо хубаво не се е получавало, когато някой е пречел на мама да пържи кюфтета. А освен това току-виж, че на татко му или на майка му им хрумне да заприказват Карлсон за парната машина или за петната върху поличката... А такъв разговор в никакъв случай не трябва да се допуска. През време на обеда Дребосьчето ще се постарае да внуши на баща си и майка си как трябва да се отнасят към най-добрия в света специалист по парни машини. И когато те се наобядват и разберат всичко, той ще покани цялото семейство в своята стая.

„Моля, заповядайте в моята стая — ще рече Дребосьчето. — На гости ми е Карлсон, който живее на покрива.“

Колко ще се учудят! Колко забавно ще бъде да гледаш лицата им!

Изведнък Карлсон престана да се разхожда из стаята. Той замря на място и задуши въздуха като ловджийско куче.

— Кюфтета от месо — рече той. — Обожавам вкусните малки кюфтенца!

желал иметь, как собаку...

Карлсон прервал размъшления Малыша.

— Я бы не прочь сейчас слегка поразвлечься, — сказал он и с любопытством огляделся вокруг. — Тебе не купили новой паровой машины?

Малыш покачал головой. Он вспомнил о своей паровой машине и подумал: "Вот сейчас, когда Карлсон здесь, мама и папа смогут убедиться, что он в самом деле существует". А если Боссе и Бетан дома, то им он тоже покажет Карлсона.

— Хочешь пойти познакомиться с моими мамой и папой? — спросил Малыш.

— Конечно! С восторгом! — ответил Карлсон. — Им будет очень приятно меня увидеть — ведь я такой красивый и умный... — Карлсон с довольным видом прошёлся по комнате. — И в меру упитанный, — добавил он. — Короче, мужчина в самом расцвете сил. Да, твоим родителям будет очень приятно со мной познакомиться.

По доносившемуся из кухни запаху жарящихся мясных тефтелей Малыш понял, что скоро будут обедать. Подумав, он решил свести Карлсона познакомиться со своими родными после обеда. Впервых, никогда ничего хорошего не получается, когда маме мешают жарить тефтели. А кроме того, вдруг папа или мама вздумают завести с Карлсоном разговор о паровой машине или о пятнах на книжной полке... А такого разговора ни в коем случае нельзя допускать. Во время обеда Малыш постараётся втолковать и папе и маме, как надо относиться к лучшему в мире специалисту по паровым машинам. Вот когда они пообедают и всё поймут, Малыш пригласит всю семью к себе в комнату.

"Будьте добры, — скажет Малыш, — пойдёмте ко мне. У меня в гостях Карлсон, который живёт на крыше".

Как они изумятся! Как будет забавно глядеть на их лица!

Карлсон вдруг перестал расхаживать по комнате. Он замер на месте и стал принюхиваться, словно ищейка.

— Мясные тефтели, — сказал он. — Обожаю сочные вкусные тефтели!

Дребосьчето се смути. Всъщност на тия Карлсонови думи можеше да се отговори само така: „Ако обичаш, остани и обядвай с нас“. Но Дребосьчето не се реши да произнесе това изречение. Невъзможно беше да покани Карлсон на обяд, без да обади предварително на родителите си. Виж, Кристер и Гунила са друго нещо. С тях Дребосьчето може в последната минута да влети в трапезарията, когато всички останали са вече насядали около масата, и да каже: „Мила мамо, дай, моля ти се, на Кристер и Гунила грахова супа и банички!“ Но да заведеш на обед съвсем непознат малък, дебеличък човечец, който при това е разрушил парната ти машина и е изгорил поличката за книги — не, това не може така лесно да се направи!

Но нали Карлсон току-що заяви, че обожава малките вкусни кюфтета. Значи на всяка цена трябва да бъде нагостен с кюфтета. Иначе той ще се разърди на Дребосьчето и няма вече да идва да играе с него... Ах, колко много сега всичко зависеше от тия малки кюфтета!

— Почакай една минутка! — каза Дребосьчето. — Ще изтичам до кухнята за кюфтета.

Карлсон кимна одобрително.

— По-скоро донасяй! — извика той след Дребосьчето. — Само с картини не можеш се насети!

Дребосьчето влятя в кухнята. Майка му с карирана престишка стоеше до печката и пържеше превъзходните кюфтенца. От време на време тя разтърсваше големия тиган и гъсто наредените малки месни топчици подскачаха и се преобързаха на другата страна.

— А, ти ли си, Дребосьче? — каза майката. — Скоро ще обядваме.

— Мила мамо — захвана Дребосьчето с най-подмилквания глас, на какъвто беше способен, — мила мамо, сложи, моля ти се, няколко кюфтенца в една чинийка и аз ще ги отнеса в моята стая.

— Ей сега, синчето ми, ще обядваме — отговори майката.

— Зная, но трябва... След обяда ще ти обясня как стои работата.

— Добре, добре — рече майка му и сложи шест

Малыш смутился. Собственно говоря, на эти слова Карлсона надо было бы ответить только одно: "Если хочешь, останься и пообедай с нами". Но Малыш не решился произнести такую фразу. Невозможно привести Карлсона к обеду без предварительного объяснения с родителями. Вот Кристера и Гуниллу — это другое дело. С ними Малыш может примчаться в последнюю минуту, когда все остальные уже сидят за столом, и сказать: "Милая мама, дай, пожалуйста, Кристеру и Гунилле горохового супа и блинов". Но привести к обеду совершенно незнакомого маленького толстого человечка, который к тому же взорвал паровую машину и прожёг книжную полку, — нет, этого так просто сделать нельзя!

Но ведь Карлсон только что заявил, что обожает сочные вкусные мясные тефтели, — значит, надо во что бы то ни стало угостить его тефтелями, а то он ещё обидится на Малыша и больше не захочет с ним играть... Ах, как много теперь зависело от этих, вкусных мясных тефтелей!

— Подожди минутку, — сказал Малыш. — Я сбега на кухню за тефтелями.

Карлсон одобряюще кивнул головой.

— Неси скорей! — крикнул он вслед Малышу. — Одними картинами сыт не будешь!

Малыш примчался на кухню. Мама в клетчатом переднике стояла у плиты и жарила превосходные тефтели. Время от времени она встряхивала большую сковородку, и плотно уложенные маленькие мясные шарики подскакивали и переворачивались на другую сторону.

— А, это ты, Малыш? — сказала мама. — Скоро будем обедать.

— Мамочка, — произнёс Малыш самым вкрадчивым голосом, на который был только способен, — мамочка, положи, пожалуйста, несколько тефтелей на блюдце, и я отнесу их в свою комнату.

— Сейчас, сынок, мы сядем за стол, — ответила мама.

— Я знаю, но всё равно мне очень нужно... После обеда я тебе объясню, в чём дело.

— Ну ладно, ладно, — сказала мама и положила на

куфтенца в една малка чинийка. — На, вземи!

О, великолепни кюфтенца! Те тъй възхитително миришеха, бяха тъй хубаво изпържени, зачервени — с една дума, бяха такива, каквито трябва да бъдат кюфтенцата от месо!

Дребосъчето взе чинийката с две ръце и я понесе предпазливо към своята стая.

— Ето ме и мене, Карлсон! — извика Дребосъчето, като отвори вратата.

Но Карлсон беше изчезнал. Дребосъчето стоеше с чинийката сред стаята и се озърташе. Никакъв Карлсон нямаше. Това беше толкова тъжно, че на Дребосъчето изведнъж му се развали настроението.

— Той си е отишъл — продума Дребосъчето. — Той си е отишъл!

Но изведнъж...

— Пип! — долетя до Дребосъчето някакъв странен писък.

Дребосъчето обърна глава. На кревата редом с възглавницата под одеялото мърдаше някаква малка топчица и пищеше:

— Пип! Пип!

А после изпод одеялото се подаде лукавото лице на Карлсон.

— Хи-хи! Ти каза: „Той си е отишъл“, „Той си е отишъл... Хи-хи! А „той“ съвсем не си е отишъл — „той“ се беше само скрил... — провикна се Карлсон.

И в същия миг зърна чинийката в ръцете на Дребосъчето и моментално натисна копчето на корема си. Моторът забръмча. Карлсон полетя от кревата право към чинийката с кюфтета. И както си летеше, сграбчи едно кюфтенце, стрелна се към тавана, направи малък кръг под лампата и почна да дъвче доволен.

— Прекрасни кюфтенца! — извика Карлсон. — Рядко вкусни кюфтенца! Можеш да помислиш, че ги е приготвил най-добрият в света специалист по кюфтетата!... Но ти, разбира се, знаеш, че това не е така — добави той.

Карлсон се спусна отново към чинийката и взе още едно кюфтенце.

В този миг от кухнята се чу гласът на майката:

маленькую тарелочку шесть тефтелей. — На, возьми.

О, чудесные маленькие тефтели! Они пахли так восхитительно и были такие поджаристые, румяные — словом, такие, какими и должны быть хорошие мясные тефтели!

Малыш взял тарелку обеими руками и осторожно понёс её в свою комнату.

— Вот и я, Карлсон! — крикнул Малыш, открывая дверь.

Но Карлсон исчез. Малыш стоял с тарелкой посреди комнаты и оглядывался по сторонам. Никакого Карлсона не было. Это было так грустно, что у Малыша сразу же испортилось настроение.

— Он ушёл, — сказал вслух Малыш. — Он ушёл.

Но вдруг...

— Пип! — донёсся до Малыша какой-то странный писк.

Малыш повернулся голову. На кровати, рядом с подушкой, под одеялом, шевелился какой-то маленький комок и пищал:

— Пип! Пип!

А затем из-под одеяла выглянуло лукавое лицо Карлсона.

— Хи-хи! Ты сказал: "он ушёл", "он ушёл"... Хи-хи! А "он" вовсе не ушёл — "он" только спрятался!.. — пропищал Карлсон.

Но тут он увидел в руках Малыша тарелочку и мигом нажал кнопку на животе. Мотор загудел, Карлсон стремительно спикировал с кровати прямо к тарелке с тефтелями. Он на лету схватил тефтельку, потом взвился к потолку и, сделав небольшой круг под лампой, с довольным видом принялся жевать.

— Восхитительные тефтельки! — воскликнул Карлсон. — На редкость вкусные тефтельки! Можно подумать, что их делал лучший в мире специалист по тефтелям!.. Но ты, конечно, знаешь, что это не так, — добавил он.

Карлсон снова спикировал к тарелке и взял ещё одну тефтельку.

В этот момент из кухни послышался мамин голос:

— Дребосъче, сядаме да обядваме, веднага си измий ръцете!

— Аз трябва да вървя — рече Дребосъчето на Карлсон и сложи чинийката на пода. — Но ей сегичка ще се върна. Обещай ми да ме чакаш.

— Добре, ще те дочакам — каза Карлсон. — Но какво да правя през това време? — Карлсон се спусна на пода и застана до Дребосъчето. — Докато те няма, аз трябва да се занимавам с нещо интересно. Наистина ли нямаш повече машини?

— Не — отговори Дребосъчето. — Машини нямам, но имам кубчета.

— Покажи ми ги! — каза Карлсон.

Дребосъчето извади от долата, дето стояха играчките, сандъче със строителни части. Това беше наистина великолепен строителен материал — разнообразни части с различна форма. Можеха да се съединяват една с друга и да се строят всевъзможни неща.

— Ето, забавлявай се — каза Дребосъчето. — От тия части можеш да направиш и автомобил, и подемен кран, и всичко, каквото поискаш...

— Може ли най-добрият строител в света да не знае — прекъсна Карлсон Дребосъчето — какво може да се построи от тоя строителен материал!

Карлсон лапна още едно кюфтенце и се спусна към сандъчето с кубчетата.

— Сега ще видиш — продума той и изсипа всичките кубчета на пода. — Сега ще видиш!...

Но Дребосъчето трябваше да обядва. С какво удоволствие би останал тука да погледа как работи най-добрият строител в света! От прага Дребосъчето още веднъж погледна Карлсон и видя, че той седи вече на пода до кубчетата и радостно си тананика:

Ура, ура, ура!

Прекрасничка игра!

Красив съм аз и умен,
и сръчен съм, и силен!

Обичам да играя... И да си хапвам зная.

Последните думи той изпя, като погълъщаше четвъртото кюфтенце.

Когато Дребосъчето влезе в трапезарията, майка

— Малыш, мы садимся обедать, быстро мой руки!

— Мне надо идти, — сказал Малыш Карлсону и поставил тарелочку на пол. — Но я очень скоро вернусь. Обещай, что ты меня дождёшься.

— Хорошо, дождусь, — сказал Карлсон. — Но что мне здесь делать без тебя? — Карлсон спланировал на пол и приземлился возле Малыша. — Пока тебя не будет, я хочу заняться чем-нибудь интересным. У тебя правда нет больше паровых машин?

— Нет, — ответил Малыш. — Машин нет, но есть кубики.

— Покажи, — сказал Карлсон.

Малыш достал из шкафа, где лежали игрушки, ящик со строительным набором. Это был и в самом деле великолепный строительный материал — разноцветные детали различной формы. Их можно было соединять друг с другом и строить всевозможные вещи.

— Вот, играй, — сказал Малыш. — Из этого набора можно сделать и автомобиль, и подъёмный кран, и всё, что хочешь...

— Неужели лучший в мире строитель не знает, — прервал Малыша Карлсон, — что можно построить из этого строительного материала!

Карлсон сунул себе в рот ещё одну тефтельку и кинулся к ящику с кубиками.

— Сейчас ты увидишь, — проговорил он и вывалил все кубики на пол. — Сейчас ты увидишь...

Но Малышу надо было идти обедать. Как охотно он остался бы здесь наблюдать за работой лучшего в мире строителя! С порога он ещё раз оглянулся на Карлсона и увидел, что тот уже сидит на полу возле горы кубиков и радостно напевает себе под нос:

Ура, ура, ура!

Прекрасная игра!

Красив я и умён,
И ловок, и силён!

Люблю играть, люблю... жевать.

Последние слова он пропел, проглотив четвёртую тефтельку.

Когда Малыш вошёл в столовую, мама, папа, Боссе

му, татко му, Босе и Бетан вече седяха на масата. Дребосьчето се промъкна на своето място и върза кърпата на врата си.

— Обещай ми нещо, мамо! И ти, татко! — каза той.

— Какво трябва да ти обещаем? — попита майката.

— Не, първо обещайте!

Бащата беше против това да се обещава слепешката.

— Ще вземеш пак да поискаш куче — каза той.

— Не, не куче — отговори Дребосьчето. — Макар че можеш и кученце да ми обещаеш, ако искаш! Не, това е съвсем друго нещо и никак не е опасно. Обещайте, че ще ми обещаете!

— Добре де, добре — каза майката.

— Значи вие обещавате — радостно подхвани Дребосьчето — да не говорите нищо за парната машина на Карлсон, който живее на покрива...

— Интересно — намеси се Бетан, — как ще могат те да кажат или да не кажат нещо за парната машина на Карлсон, когато никога не се срещат с него?

— Не, ще се срещнат — отговори спокойно Дребосьчето, — защото Карлсон е в моята стая.

— Олеле, ей сега ще се задавя! — извика Босе. — Карлсон ли седи в твоята стая?

— Да, представи си, седи! — и Дребосьчето тържествуващо погледна настрана.

Нека по-скоро се наобядват, тогава ще видят...

— Ще ни бъде много приятно да се запознаем с Карлсон — каза майката.

— И Карлсон мисли така — отговори Дребосьчето.

Най-после доядоха компота. Майката стана от масата. Настана решаващият миг.

— Елате всички — предложи Дребосьчето.

— Няма защо да ни подканяш — каза Бетан. — Аз няма да мириясам, докато не видя твой Карлсон.

Дребосьчето вървеше напред.

— Само да изпълните това, което обещахте — каза

и Бетан уже сидели за столом. Малыш шмыгнул на своё место и повязал вокруг шеи салфетку.

— Обещай мне одну вещь, мама. И ты, папа, тоже, — сказал он.

— Что же мы должны тебе обещать? — спросила мама.

— Нет, ты раньше обещай!

Папа был против того, чтобы обещать вслепую.

— А вдруг ты опять попросишь собаку? — сказал папа.

— Нет, не собаку, — ответил Малыш. — А кстати, собаку ты мне тоже можешь обещать, если хочешь!.. Нет, это совсем другое и нисколечко не опасное. Обещайте, что вы обещаете!

— Ну ладно, ладно, — сказала мама.

— Значит, вы обещали, — радостно подхватил Малыш, — ничего не говорить насчёт паровой машины Карлсону, который живёт на крыше...

— Интересно, — сказала Бетан, — как они могут что-нибудь сказать или не сказать Карлсону о паровой машине, раз они никогда с ним не встречаются?

— Нет, встречаются, — спокойно ответил Малыш, — потому что Карлсон сидит в моей комнате!

— Ой, я сейчас подавлюсь! — воскликнул Боссе. — Карлсон сидит в твоей комнате?

— Да, представь себе, сидит! — И Малыш с торжествующим видом поглядел по сторонам.

Только бы они поскорее пообедали, и тогда они увидят...

— Нам было бы очень приятно познакомиться с Карлсоном, — сказала мама.

— Карлсон тоже так думает! — ответил Малыш.

Наконец доели компот. Мама поднялась из-за стола. Настал решающий миг.

— Пойдёмте все, — предложил Малыш.

— Тебе не придётся нас упрашивать, — сказала Бетан. — Я не успокоюсь, пока не увижу этого самого Карлсона.

Малыш шёл впереди.

— Только исполните, что обещали, — сказал он,

той, като стигна до вратата на своята стая. — Нито дума за парната машина!

После той натисна дръжката и отвори вратата.

Карлсон не беше в стаята. Тоя път наистина го нямаше. Беше изчезнал. Дори в леглото на Дребосьчето не мърдаше никаква топка.

Затова пък на пода се извисяваше кула от кубчета. Твърде висока кула. И макар че Карлсон, то се знае, можеше да построи от кубчетата подемни кранове и какви ли не щеш други неща, тоя път беше наредил кубчетата просто едно върху друго, така че в края на краищата се беше получила една дълга-предълга и тясна кула, увенчана на върха с нещо, което трябваше да изобразява купол: на най-горното кубче имаше малко, кръгло кюфтенце.

Карлсон играе на палатка

Да, това беше твърде тежка минута за Дребосьчето. Разбира се, майка му съвсем не хареса това, дето нейните кюфтета украсяват кула от кубчета, и тя не се съмняваше, че това беше работа на Дребосьчето.

— Карлсон, който живее на покрива... — започна Дребосьчето, но баща му строго го прекъсна:

— Стига, Дребосьче! Не искаме повече да слушаме твоите измислици за Карлсон!

Босе и Бетан се разсмяха.

— Пък и хитрец е тоя Карлсон! — каза Бетан. — Той изчезва тъкмо тогава, когато ние пристигаме.

Огорченото Дребосьче изяде изстиналото кюфтенце и събра кубчетата си. Не си струваше сега да се говори за Карлсон.

Но колко лошо постъпи с него Карлсон, колко лошо!

— А сега да отидем да пием кафе и да забравим за Карлсон — каза бащата и потупа за утеша Дребосьчето по бузата.

Кафе пиеха всяко при камината в гостната. Там седнаха и сега, макар че вън беше топло, ясно пролетно време и липите на улицата се бяха покрили с дребни лепкави зелени листенца. Дребосьчето не обичаше да пие кафе, но обичаше много да седи така с майка си, татко си, с Босе и Бетан пред огъня, който гореше в камината...

— Мамо, обърни се за минутка — помоли

подойдя к двери своей комнаты. — Ни слова о паровой машине!

Затем он нажал дверную ручку и открыл дверь.

Карлсона в комнате не было. На этот раз по-настоящему не было. Нигде. Даже в постели Малыша не шевелился маленький комок.

Зато на полу возвышалась башня из кубиков. Очень высокая башня. И хотя Карлсон мог бы, конечно, построить из кубиков подъёмные краны и любые другие вещи, на этот раз он простоставил один кубик на другой, так что в конце концов получилась длинная-предлинная, узкая башня, которая сверху была увенчана чем-то, что явно должно было изображать купол: на самом верхнем кубике лежала маленькая круглая мясная тефтелька.

КАРЛСОН ИГРАЕТ В ПАЛАТКА

Да, это была для Малыша очень тяжёлая минута. Маме, конечно, не понравилось, что её тефтелями украшают башни из кубиков, и она не сомневалась, что это была работа Малыша.

— Карлсон, который живёт на крыше... — начал было Малыш, но папа строго прервал его:

— Вот что, Малыш: мы больше не хотим слушать твои выдумки про Карлсона!

Боссе и Бетан рассмеялись.

— Ну и хитрец же этот Карлсон! — сказала Бетан. — Он скрывается как раз в ту минуту, когда мы приходим.

Огорчённый Малыш съел холодную тефтельку и собрал свои кубики. Говорить о Карлсоне сейчас явно не стоило.

Но как нехорошо поступил с ним Карлсон, как нехорошо!

— А теперь мы пойдём пить кофе и забудем про Карлсона, — сказал папа и в утешение потрепал Малыша по щеке.

Кофе пили всегда в столовой у камина. Так было и сегодня вечером, хотя на дворе стояла тёплая, ясная весенняя погода и липы на улице уже оделись маленькими клейкими зелёными листочками. Малыш не любил кофе, но зато очень любил сидеть вот так с мамой, и папой, и Боссе, и Бетан перед огнём, горящим в камине...

— Мама, отвернись на минутку, — попросил Малыш,

Дребосьчето, когато майка му постави върху малката масичка пред камината подноса с кафеничето.

— Защо да се обърна?

— Ти казваш, че не можеш да гледаш, когато хрускам захар, а пък аз ей сегичка ще си взема една бучка — каза Дребосьчето.

Дребосьчето трябваше да се утеши с нещо. Той беше много огорчен, че Карлсон избяга. Наистина не беше добре да постъпва така — да вземеш изведенъж да изчезнеш, без да оставиш нищо друго освен кула от кубчета, и то с кюфте отгоре.

Дребосьчето седеше на любимото си място пред камината, колкото може по-близко до огъня.

Ето тия минути, когато цялото семейство пиеше кафе следобед, бяха наистина най-приятните през деня. Тогава можеш да поговориш спокойно с татко си и майка си и те изслушваха търпеливо Дребосьчето, което не всякога ставаше през другото време. Забавно беше да следиш как Босе и Бетан се шегуваха помежду си и подмятаяха за „зубрене“. „Зубрене“ навсякътре се казваше някакъв друг, по-сложен начин за пригответяне на уроците, различен от онът, по който Дребосьчето учеше в началното училище. И на Дребосьчето се искаше да разкаже за своите училищни работи, но никой освен майка му и татко му не се интересуваше от тях. Босе и Бетан само се смееха на неговите разкази и той мълкваше. Боеше се да говори за неща, за които обидно се смееха. Все пак Босе и Бетан внимаваха да не дразнят Дребосьчето, защото той им отмъщаваше със същото. А Дребосьчето умееше да дразни прекрасно — че как иначе, щом имаш такъв брат като Босе и такава сестра като Бетан!

— Е, Дребосьче — попита майката, — научи ли уроците си?

Не може да се каже, че въпросите от тоя род бяха по сърце на Дребосьчето. Но щом като майка му се отнесе толкова спокойно към това, дето той изяде бучка захар, то и Дребосьчето реши да издържи мъжествено този неприятен разговор.

— Разбира се, научих ги — отговори намръщен той.

През всичкото време Дребосьчето си мислеше само за Карлсон. И как хората да не могат да разберат, че докато той не научи къде изчезна Карлсон, не му е до уроци!

когато мама поставила на маленькия столик перед камином поднос с кофейником.

— Зачем?

— Ты же не можешь видеть, как я грызу сахар, а я сейчас возьму кусок, — сказал Малыш.

Малышу надо было чем-то утешиться. Он был очень огорчён, что Карлсон удрал. Ведь действительно нехорошо так поступать — вдруг исчезнуть, ничего не оставив, кроме башни из кубиков, да ещё с мясной тефтелькой наверху!

Малыш сидел на своём любимом месте у камина — так близко к огню, как только возможно.

Вот эти минуты, когда вся семья после обеда пила кофе, были, пожалуй, самыми приятными за весь день. Тут можно было спокойно поговорить с папой и с мамой, и они терпеливо выслушивали Малыша, что не всегда случалось в другое время. Забавно было следить за тем, как Боссе и Бетан подтрунивали друг над другом и болтали о "зубрёжке". "Зубрёжкой", должно быть, назывался другой, более сложный способ приготовления уроков, чем тот, которому учили Малыша в начальной школе. Малышу тоже очень хотелось рассказать о своих школьных делах, но никто, кроме мамы и папы, этим не интересовался. Боссе и Бетан только смеялись над его рассказами, и Малыш замолкал — он боялся говорить то, над чем так обидно смеются. Впрочем, Боссе и Бетан старались не дразнить Малыша, потому что он им отвечал тем же. А дразнить Малыш умел прекрасно, — да и как может быть иначе, когда у тебя такой брат, как Боссе, и такая сестра, как Бетан!

— Ну, Малыш, — спросила мама, — ты уже выучил уроки?

Нельзя сказать, чтобы такие вопросы были Малышу по душе, но раз уж мама так спокойно отнеслась к тому, что он съел кусок сахара, то и Малыш решил мужественно выдержать этот неприятный разговор.

— Конечно, выучил, — хмуро ответил он.

Всё это время Малыш думал только о Карлсоне. И как это люди не понимают, что пока он не узнает, куда исчез Карлсон, ему не до уроков!

— А какво ви зададоха? — попита бащата.

Дребосьчето вече съвсем се разсырди. Ясно беше, че тия разговори не ще имат край. Нали затова всички са се настанили сега край огъня и приказват за уроци само за да се намерят на работа.

— Зададоха ни азбуката — отговори бързо Дребосьчето. — Цялата дълга азбука. И аз я зная: първо иде „А“, после всички останали букви.

Той взе още една бучка захар и отново се замисли за Карлсон. Нека си бъбрят за каквото щат, а той ще си мисли само за Карлсон. Ще го види ли пак някога, или няма да го види.

От тези мисли го откъсна Бетан:

— Ти чува ли, Дребосьче? Искаш ли да спечелиш двайсет и пет йоре?

Дребосьчето не проумя изведнъж какво му говори тя. Разбира се, той няма нищо против да спечелиш двайсет и пет йоре. Но всичко зависи от това какво трябва да направи, за да ги спечели.

— Двайсет и пет йоре — това е твърде малко — каза убедено той. — Сега е такава скъпотия. Как мислиш, колко струва например една петдесетйорева порция сладолед?

— Аз мисля петдесет йоре — усмихна се хитро Бетан.

— Ето, виждаш ли? — каза Дребосьчето. — И ти самата прекрасно разбиращ, че двайсет и пет йоре — това е твърде малко.

— Не знаеш за какво става дума — каза Бетан. — Ти нищо няма да правиш. Ще трябва само да не вършиш едно-друго.

— А какво трябва да не върша?

— Ти трябва през цялата вечер да не прекрачваш прага на гостната.

— Разбиращ ли, ще дойде Пеле, новият приятел на Бетан — каза Босе.

Дребосьчето кимна с глава. Ясно е, хитро са пресметнали всичко: мама и татко ще отидат на кино, Босе на футболен мач, а Бетан със своя Пеле ще си гука цяла вечер в гостната. И единствен той, Дребосьчето, ще бъде прокуден в своята стая, и то срещу такова нищожно възнаграждение, срещу двайсет и пет йоре... Ето какво било тяхното семейство!

— А че вам задали? — спросил папа.

Малыш окончательно рассердился. Видно, этим разговорам сегодня конца не будет. Ведь не затем же они так уютно сидят сейчас у огня, чтобы только и делать, что говорить об уроках!

— Нам задали алфавит, — торопливо ответил он, — целый длиннющий алфавит. И я его знаю: сперва идёт "А", а потом все остальные буквы.

Он взял ещё кусок сахара и снова принялся думать о Карлсоне. Пусть себе болтают о чём хотят, а он будет думать только о Карлсоне.

От этих мыслей его оторвала Бетан:

— Ты что, не слышишь, Малыш? Хочешь заработать двадцать пять эре?

Малыш не сразу понял, что она ему говорит. Конечно, он был не прочь заработать двадцать пять эре. Но всё зависело от того, что для этого надо сделать.

— Двадцать пять эре — это слишком мало, — твёрдо сказал он. — Сейчас ведь такая дороговизна... Как ты думаешь, сколько стоит, например, пятидесетиэровый стаканчик мороженого?

— Я думаю, пятьдесят эре, — хитро улыбнулась Бетан.

— Вот именно, — сказал Малыш. — И ты сама прекрасно понимаешь, что двадцать пять эре — это очень мало.

— Да ты ведь даже не знаешь, о чём идёт речь, — сказала Бетан. — Тебе ничего не придётся делать. Тебе нужно будет только кое-чего не делать.

— А что я должен буду не делать?

— Ты должен будешь в течение всего вечера не переступать порога столовой.

— Понимаешь, придёт Пелле, новое увлечение Бетан, — сказал Боссе.

Малыш кивнул. Ну ясно, ловко они всё рассчитали: мама с папой пойдут в кино, Боссе — на футбольный матч, а Бетан со своим Пелле проворкуют весь вечер в столовой. И лишь он, Малыш, будет изгнан в свою комнату, да ещё за такое ничтожное вознаграждение, как двадцать пять эре... Вот как к нему относятся в семье!

— А какви са ушите на твоя нов приятел? И той ли е клепоух, като по-раншния? — попита Дребосъчето.

Това беше казано нарочно, за да подразни Бетан.

— Чуваш ли, мамо? — каза тя. — Сега ти сама разбиращ защо искам да махна оттук Дребосъчето. Който и да дойде при мене — все ще го пропъди.

— Той няма вече да прави така! — каза неуверено майката. Тя не обичаше нейните деца да се карат.

— Не, ще прави, сигурно ще прави! — настояваше Бетан. — Ти не помниш ли, как прогони Клаас? Взря се в него и каза: „Не, Бетан, кой може да одобри такива уши!“ Разбира се, че след това Клаас вече не се мярна тук.

— Спокойствие и само спокойствие! Аз ще си остана в стаята и при това напълно бесплатно. Щом не искате да ме виждате, и вашите пари не са ми притрябвали.

— Добре — каза Бетан, — тогава закълни се, че цяла вечер няма да се мяркаш тук.

— Заклевам се! — рече Дребосъчето. — И знай, че не са ми притрябвали твоите пелевци. Аз сам съм готов да заплатя двайсет и пет йоре само за да не ви виждам.

И ето майката и бащата отидаха на кино, а Босе се понесе към стадиона. Дребосъчето остана в своята стая и при това съвсем бесплатно. Когато пооткрехваше вратата, до него достигаше неясното бърборене от гостната. Там Бетан бъбреше със своя Пеле. Дребосъчето се помъчи даолови за какво си говорят, ала нищо не можа да разбере. Тогава той отиде до прозореца и се взря в здравчевината. После погледна към улицата. Искаше да види не играят ли там Кристер и Гунила. При входната врата се щураха няколко момчета. Никой друг освен тях нямаше на улицата. Докато те се биеха, Дребосъчето ги следеше с любопитство, но за съжаление схватката скоро се прекрати и на Дребосъчето пак му стана твърде скучно.

И тогава той чу божествен звук. Чу да бъръмчи мотор и след миг Карлсон влетя през прозореца в стаята.

— А какие уши у твоего нового увлечения? Он что, такой же лопоухий, как и тот, прежний?

Это было сказано специально для того, чтобы позлить Бетан.

— Вот, слышишь, мама? — сказала она. — Теперь ты сама понимаешь, почему мне нужно убрать отсюда Малыша. Кто бы ко мне ни пришёл — он всех отпугивает!

— Он больше не будет так делать, — неуверенно сказала мама; она не любила, когда её дети ссорились.

— Нет, будет, наверняка будет! — стояла на своём Бетан. — Ты что, не помнишь, как он выгнал Клааса? Он уставиля на него и сказал: "Нет, Бетан, такие уши одобрить невозможно". Ясно, что после этого Клаас и носа сюда не кажет.

— Спокойствие, только спокойствие! — проговорил Малыш тем же тоном, что и Карлсон. — Я останусь в своей комнате, и притом совершенно бесплатно. Если вы не хотите меня видеть, то и ваших денег мне не нужно.

— Хорошо, — сказала Бетан. — Тогда поклянись, что я не увижу тебя здесь в течение всего вечера.

— Клянусь! — сказал Малыш. — И поверь, что мне вовсе не нужны все твои Пелле. Я сам готов заплатить двадцать пять эре, только бы их не видеть.

И вот мама с папой отправились в кино, а Боссе умчался на стадион. Малыш сидел в своей комнате, и притом совершенно бесплатно. Когда он приоткрывал дверь, до него доносилось невнятное бормотание из столовой — там Бетан болтала со своим Пелле. Малыш постарался уловить, о чём они говорят, но это ему не удалось. Тогда он подошёл к окну и стал вглядываться в сумерки. Потом посмотрел вниз, на улицу, не играют ли там Кристер и Гунилла. У подъезда возились мальчишки, кроме них, на улице никого не было. Пока они дралисъ, Малыш с интересом следил за ними, но, к сожалению, драка быстро кончилась, и ему опять стало очень скучно.

И тогда он услышал божественный звук. Он услышал, как жужжит моторчик, и минуту спустя

— Здравей, Дребосъче! — рече безгрижно той.
 — Здравей, Карлсон! Какъв вятър те носи?
 — Какво?... Не разбирам какво искаш да кажеш.
 — Та нали изчезна, и то тъкмо тогава, когато трябваше да се запознаеш с мама и татко. Защо офейка?

Карлсон явно се разсърди. Изпъчи се и извика:

— Не, в живота си не съм чувал подобно нещо! Нима мислиш, че нямам право да надзърна какво става у дома? Всеки стопанин трябва да се грижи за своя дом. Че как иначе? Какво съм виновен аз, че твоята майка и татко са решили да се запознаят с мен тъкмо в тоя миг, когато аз трябваше да се занимая със своя дом?

Карлсон огледа стаята.

— Добре, че стана дума за моя дом... А къде е моята кула? — попита той. — Кой разруши моята прекрасна кула и изяде моето кюфте?

Дребосъчето се смути.

— Аз не мислех, че ще се върнеш. — каза плахо той.

— Аха, така значи! — развика се Карлсон. — Найдоброят в света строител издига кула и какво става? Кой се погрижва за нея? Кой следи тя да се запази до веки веков? Никой! Става тъкмо обратното: събарят кулата, унищожават я, а на това отгоре и чуждите кюфтета изядат!

Карлсон отиде настрана, седна на ниската пейчица и се нацупи.

— Дреболия — каза Дребосъчето, — обикновено нещо. — И той махна с ръка също тъй, както правеше Карлсон. — Бива ли да се тревожиш за това?...

— Лесно ти е на тебе да разсъждаваш така! — промърмори сърдито Карлсон. — Лесно е да събориш всичко. Да събориш и да кажеш, че това било обикновено нещо и не заслужавало да се ядосваш. А питаш ли какво ми е на мене, строителя, който е издигнал тая кула ей с тия клети малки ръце!

И Карлсон тикна пухкавите си ръчички право в носа на Дребосъчето. После отново седна на пейчицата

Карлсон влетел в окно.

— Привет, Малыш! — беззабитно произнёс он.
 — Привет, Карлсон! Откуда ты взялся?
 — Что?.. Я не понимаю, что ты хочешь сказать.
 — Да ведь ты исчез и как раз в тот момент, когда я собирался тебя познакомить с моими мамой и папой. Почему ты удрал?

Карлсон явно рассердился. Он подбоченился и воскликнул:

— Нет, в жизни не слыхал ничего подобного! Может быть, я уже не имею права взглянуть, что делается у меня дома? Хозяин обязан следить за своим домом. Чем я виноват, что твои мама и папа решили познакомиться со мной как раз в тот момент, когда я должен был заняться своим домом?

Карлсон огледел комнату.

— А где моя башня? Кто разрушил мою прекрасную башню и где моя тефтелька?

Малыш смутился.

— Я не думал, что ты вернёшься, — сказал он.

— Ах, так! — закричал Карлсон. — Лучший в мире строитель воздвигает башню, и что же происходит? Кто ставит вокруг неё ограду? Кто следит за тем, чтобы она осталась стоять во веки веков? Никто! Совсем наоборот: башню ломают, уничтожают да к тому же ещё и съедают чужую тефтельку!

Карлсон отошёл в сторону, присел на низенькую скамеечку и надулся.

— Пустяки, — сказал Малыш, — дело житейское! — И он махнул рукой точно так же, как это делал Карлсон. — Есть из-за чего расстраиваться!..

— Тебе хорошо рассуждать! — сердито пробурчал Карлсон. — Сломать легче всего. Сломать и сказать, что это, мол, дело житейское и не из-за чего расстраиваться. А каково мне, строителю, который воздвиг башню вот этими бедными маленькими руками!

И Карлсон ткнул свои пухленькие ручки прямо в нос Малышу. Потом он снова сел на скамеечку и

и се нацупи още повече.

— Аз просто ще изляза от кожата си! — промърмори той. — Да, просто ще изляза от кожата си!

Дребосъчето съвсем се слиса. То стоеше и не знаеше какво да предприеме.

Мълчанието трая дълго. Най-накрая Карлсон каза:

— Може би ако получа някакъв малък подарък, ще се поразвеселя. Наистина, не съм напълно сигурен в това, но е възможно да ми стане по-весело, ако ми подарят нещичко...

Дребосъчето изтича до масата и почна да рови в сандъчето, дето криеше най-скъпоценните си вещи: колекция от марки, разноцветни морски камъчета, цветни пастелчета, оловни войници.

Там лежеше и едно малко електрическо фенерче. Дребосъчето го ценеше много.

— Мога ли да ти подаря ето това? — каза той. Карлсон метна бърз поглед на фенерчето и се оживи:

— Ей на, нещо подобно ми е нужно, за да се подобри настроението ми. Разбира се, моята кула беше къде-къде по-хубава, но ако ти ми дадеш това фенерче, ще се помъча да бъда малко по-весел.

— То е твое — каза Дребосъчето.

— А работи ли? — поусъмни се Карлсон, като натисна копчето. — Ура! Свети! — извика той и очите му също светнаха. — Помисли си само, когато през тъмните есенни вечери трябва да се прибирам в моята малка къщичка, аз ще запалвам това фенерче. Сега вече няма да се лутам в тъмнината между комините — каза Карлсон и поглади с ръка фенерчето.

Тия думи доставиха голяма радост на Дребосъчето и то замечта само за едно нещо — да се разходи, макар само веднъж, по покривите, и да погледа как това фенерче ще осветява пътя им в тъмнината.

— Е, Дребосъче, ето ме отново весел! Повикай майка си и татко си — да се запознаем.

— Те отидаха на кино — каза Дребосъчето.

— Отишли са на кино, вместо да се запознаят с мене! — почуди се Карлсон.

— Да, всички излязоха. Върви са само Бетан и

надулся пуще прежнего.

— Я просто вне себя, — проворчал он, — ну просто выхожу из себя!

Малыш совершенно растерялся. Он стоял, не зная, что предпринять.

Молчание длилось долго. В конце концов Карлсон сказал грустным голосом:

— Если я получу какой-нибудь небольшой подарок, то, быть может, опять повеселею. Правда, ручаться я не могу, но, возможно, всё же повеселею, если мне что-нибудь подарят...

Малыш побежал к столу и начал рыться в ящике, где у него хранились самые драгоценные вещи: коллекция марок, разноцветные морские камешки, цветные мелки и оловянные солдатики.

Там же лежал и маленький электрический фонарик. Малыш им очень дорожил.

— Может быть, тебе подарить вот это? — сказал он. Карлсон метнул быстрый взгляд на фонарик и оживился:

— Вот-вот, что-то в этом роде мне и нужно, чтобы у меня исправилось настроение. Конечно, моя башня была куда лучше, но, если ты мне дашь этот фонарик, я постараюсь хоть немножко повеселеть.

— Он твой, — сказал Малыш.

— А он зажигается? — с сомнением спросил Карлсон, нажимая кнопку. — Ура! Горит! — вскричал он, и глаза его тоже загорелись. — Подумай только, когда тёмными осенними вечерами мне придётся идти к своему маленькому домику, я зажгу этот фонарик. Теперь я узко не буду блуждать в потёмках среди труб, — сказал Карлсон и погладил фонарик.

Эти слова доставили Малышу большую радость, и он мечтал только об одном — хоть раз погулять с Карлсоном по крышам и поглядеть, как этот фонарик будет освещать им путь в темноте.

— Ну, Малыш, вот я и снова весел! Зови своих маму и папу, и мы познакомимся.

— Они ушли в кино, — сказал Малыш.

— Пошли в кино, вместо того чтобы встретиться со мной? — изумился Карлсон.

— Да, все ушли. Дома только Бетан и её новое

нейният нов приятел. Те седят в гостната, но аз не мога да отида там...

— Какво чувам! — извика Карлсон. — Ти не можеш да отидеш, където поискаш? Това няма да го бъде. Напред!

— Но аз се заклех... — започна Дребосъчето.

— Пък аз съм се заклел — прекъсна го Карлсон — винаги, щом забележа някаква несправедливост, същия миг да връхлетя като ястреб върху нея.

Той приближи и потупа Дребосъчето по рамото:

— Какво си обещал?

— Обещах през цялата вечер да не ме видят в гостната.

— Та тебе никой няма да те види! — отговори Карлсон. — А ти много ли искаш да видиш новият приятел на Бетан?

— Право да си кажа, много! — отговори разпалено Дребосъчето. — По-рано Бетан дружеше с едно момче, на което ушите му бяха щъркнали. Ужасно ми се иска да видя какви уши има новият приятел.

— И аз на драго сърце бих погледнал ушите му — каза Карлсон. — Почакай за минутка! Аз ей сега ще измисля някоя леснина. Най-добрият майстор на всевъзможни лудории — това е Карлсон, който живее на покрива. — Карлсон се огледа внимателно из стаята. — Ето какво ни трябва! — извика той, като посочи с глава одеялото. — Тъкмо одеялото ни е нужно. Аз бях уверен, че ще измисля нещо...

— Какво измисли? — попита Дребосъчето.

— Ти си се заклел да не те видят цялата вечер в гостната. Нали така? Но ако се покриеш с одеялото, никой няма да те види.

— Да... но... — опита се да възрази Дребосъчето.

— Никакво „но“! — прекъсна го рязко Карлсон. — Ако ти си покрит с одеяло, ще видят одеялото, а не тебе. Аз също ще бъда покрит с одеялото, затова и мене няма да видят. Разбира се, няма по-лошо наказание от това за Бетан. Но пада и се, щом е толкова глупава... Клетата, клетата малка Бетан, така тя няма да ме види!

Карлсон смъкна одеялото от кревата и го метна върху главата си.

— Ела тук, ела по-скоро при мене — повика той

увлечението. Они сидят в столовой, но мне туда нельзя заходить.

— Что я слышу! — воскликнул Карлсон. — Ты не можешь пойти куда хочешь? Ну, этого мы не потерпим. Вперёд!..

— Но ведь я поклялся... — начал было Малыш.

— А я поклялся, — перебил его Карлсон, — что если замечу какую-нибудь несправедливость, то в тот же миг, как ястреб, кинусь на неё...

Он подошёл и похлопал Малыша по плечу:

— Что же ты обещал?

— Я обещал, что меня весь вечер не увидят в столовой.

— Тебя никто и не увидит, — сказал Карлсон. — А ведь тебе небось хочется посмотреть на новое увлечение Бетан?

— По правде говоря, очень! — с жаром ответил Малыш. — Прежде она дружила с мальчиком, у которого уши были оттопырены. Мне ужасно хочется поглядеть, какие уши у этого.

— Да и я бы охотно поглядел на его уши, — сказал Карлсон. — Подожди минутку! Я сейчас придумаю какую-нибудь штуку. Лучший в мире мастер на всевозможные проказы — это Карлсон, который живёт на крыше. — Карлсон внимательно огляделся по сторонам. — Вот то, что нам нужно! — воскликнул он, указав головой на одеяло. — Именно одеяло нам и нужно. Я не сомневался, что придумаю какую-нибудь штуку...

— Что же ты придумал? — спросил Малыш.

— Ты поклялся, что тебя весь вечер не увидят в столовой? Так? Но, если ты накроешься одеялом, тебя ведь никто и не увидит.

— Да... но... — попытался возразить Малыш.

— Никаких "но"! — резко оборвал его Карлсон. — Если ты будешь накрыт одеялом, увидят одеяло, а не тебя. Я тоже буду накрыт одеялом, поэтому и меня не увидят. Конечно, для Бетан нет худшего наказания. Но поделом ей, раз она такая глупая... Бедная, бедная малютка Бетан, так она меня и не увидит!

Карлсон стащил с кровати одеяло и накинул его себе на голову.

— Иди сюда, иди скорей ко мне, — позвал он

Дребосьчето. — Влез в моята палатка!

Дребосьчето се пъхна под одеялото при Карлсон и двамата се закикотиха радостно.

— Та Бетан не е казвала, че не иска да види в гостната палатка. Всички хора се радват, когато видят палатка. И то каква палатка, в която гори огън! — И Карлсон запали фенерчето.

Дребосьчето не беше уверен, че Бетан ще се зарадва много, като види палатката. Но и да стои редом с Карлсон в тъмнината под одеялото, дето свети фенерчето, беше толкова необикновено, толкова интересно, че просто дъхът ти замира.

Дребосьчето смяташе, че можеха да оставят на мира Бетан и с не по-малък успех да си поиграт с палатката в неговата стая, но Карлсон за нищо на света не искаше да се съгласи.

— Не мога да търпя несправедливите неща! — каза той. — Ние ще отидем в гостната, каквото и да стане!

И ето палатката започна да се движи към вратата. Дребосьчето вървеше след Карлсон. Изпод одеялото се показа малка пълничка ръчичка и тихичко отвори вратата. Палатката влезе в антре, отделено от гостната със завеса.

— Спокойствие и само спокойствие! — прошепна Карлсон.

Палатката пресече съвсем безшумно антре и се спря до завесата. Разговорът на Бетан и Пеле се чуваше сега по-ясно, но все още не можеше да се разбере нито дума. Лампата в гостната не светеше. Бетан и Пеле разговаряха в полумрака — види се, беше им достатъчна светлината, която идеше през прозореца от улицата.

— Така е добре — прошепна Карлсон. — Светлината на моето фенерче ще изглежда още по-ярка в полумрака.

Но за всеки случай той изгаси фенерчето.

— Нека се появим като дългоочеквана радостна изненада... — И Карлсон се закикоти под одеялото.

Тихо-тихо палатката повдигна завесата и влезе в гостната. Бетан и Пеле седяха на малкото диванче до отсрещната стена.

Малыша. — Войди в мою палатку.

Малыш юркнул под одеяло к Карлсону, и они оба радостно захихикали.

— Ведь Бетан ничего не говорила о том, что она не хочет видеть в столовой палатку. Все люди радуются, когда видят палатку. Да ещё такую, в которой горит огонёк! — И Карлсон зажёг фонарик.

Малыш не был уверен, что Бетан уж очень обрадуется, увидев палатку. Но зато стоять рядом с Карлсоном в темноте под одеялом и светить фонариком было так здорово, так интересно, что просто дух захватывало.

Малыш считал, что можно с тем же успехом играть в палатку в его комнате, оставив в покое Бетан, но Карлсон никак не соглашался.

— Я не могу мириться с несправедливостью, — сказал он. — Мы пойдём в столовую, чего бы это ни стоило!

И вот палатка начала двигаться к двери. Малыш шёл вслед за Карлсоном. Из-под одеяла показалась маленькая пухлая ручка и тихонько отворила дверь. Палатка вышла в прихожую, отделённую от столовой плотной занавесью.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал Карлсон.

Палатка неслышно пересекла прихожую и остановилась у занавеси. Бормотание Бетан и Пелле слышалось теперь явственнее, но всё же слов нельзя было разобрать. Лампа в столовой не горела. Бетан и Пелле сумерничали — видимо, им было достаточно света, который проникал через окно с улици.

— Это хорошо, — прошептал Карлсон. — Свет моего фонарика в потёмках покажется ещё ярче.

Но пока он на всякий случай погасил фонарик.

— Мы появимся, как радостный, долгожданный сюрприз... — И Карлсон хихикнул под одеялом.

Тихо-тихо палатка раздвинула занавесь и вошла в столовую. Бетан и Пелле сидели на маленьком диванчике у противоположной стени. Тихо-тихо приближалась к ним палатка.

— Я тебя сейчас поцелую, Бетан, — услышал Малыш хриплый мальчишечий голос.

Тъмното петно на палатката пълзее безшумно по пода; бавно и неумолимо се приближаваше към дивана. До него оставаха само няколко крачки, но Бетан и Пелле нищо не забелязваха. Те седяха мълчешком.

В миг ярката светлина на фенерчето пламна, разгони сивите сенки на мрачината и падна върху лицето на Пеле. Пеле скочи. Бетан изпика. Но този миг се разнесе взрив от смях и тропот на крака, стремглаво отдалечаващи се в антрео.

Заслепени от ярката светлина на фенерчето, Бетан и Пелле не можаха да видят нищо, но те чуха смях, див възторжен смях, който идеше иззад завесата.

— Това е моето непоносимо братче — каза Бетан — Сега ще му дам да разбере!

Дребосьчето се задавяше от смях.

После се раздаде силен шум, придружен от ново избухване на смях.

— Спокойствие и само спокойствие! — прошепна Карлсон, когато през време на своето стремглаво бягство те се спънаха и паднаха на пода.

Дребосьчето се мъчеше да бъде колкото може поспокоен, макар че смехът му напираше. Карлсон се строполи върху Дребосьчето и той не можеше да разпознае къде са неговите крака и къде са краката на Карлсон. Всеки миг Бетан можеше да ги настигне, затова те запълзяха на четири крака. Изплашени много, втурнаха се в стаята на Дребосьчето същия миг, когато Бетан поsegна да ги хване.

— Спокойствие и само спокойствие! — шепнеше под одеялото Карлсон и неговите къси крачета тропаха по пода като барабанени палки. — Найдобрият в света бегач — това е Карлсон, който живее на покрива! — добави той, като едвам си

Какой он чудной, этот Пелле!

— Ладно, — сказала Бетан, и снова наступила тишина.

Тёмное пятно палатки бесшумно скользило по полу; медленно и неумолимо надвигалось оно на диван. До дивана оставалось всего несколько шагов, но Бетан и Пелле ничего не замечали. Они сидели молча.

— А теперь ты меня поцелуй, Бетан, — послышался робкий голос Пелле.

Ответа так и не последовало, потому что в этот момент вспыхнул яркий свет фонарика, который разогнал серые сумеречные тени и ударил Пелле в лицо. Пелле вскочил, Бетан вскрикнула. Но тут раздался взрыв хохота и топот ног, стремительно удаляющихся по направлению к прихожей.

Ослеплённые ярким светом, Бетан и Пелле не могли ничего увидеть, зато они услышали смех, дикий, восторженный смех, который доносился из-за занавеси.

— Это мой несносный маленький братишко, — объяснила Бетан. — Ну, сейчас я ему задам!

Малыш надръвался от хохота.

— Конечно, она тебя поцелует! — крикнул он — Почему бы ей тебя не поцеловать? Бетан всех целует, это уж точно.

Потом раздался грохот, сопровождаемый новым взрывом смеха.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал Карлсон, когда во время своего стремительного бегства они вдруг споткнулись и упали на пол.

Малыш старался быть как можно более спокойным, хотя смех так и клокотал в нём: Карлсон свалился прямо на него, и Малыш уже не разбирал, где его ноги, а где ноги Карлсона. Бетан могла их вот-вот настичь, поэтому они поползли на четвереньках. В панике ворвались они в комнату Малыша как раз в тот момент, когда Бетан уже норовила их схватить.

— Спокойствие, только спокойствие! — шептал под одеялом Карлсон, и его коротенькие ножки стучали по полу, словно барабанные палочки. — Лучший в мире бегун — это Карлсон, который живёт на крыше! — добавил он, едва переводя дух.

поемаше дъх.

Дребосьчето също умееше доста бързо да тича и това сега беше наистина необходимо. Те се спасиха, като хлопнаха вратата под самия нос на Бетан. Карлсон обръна бързо ключа в ключалката и се засмя весело. А в това време Бетан с всички сили удряше по вратата.

— Почакай, Дребосьче! Ще те пипна аз тебе! — извика сърдито тя.

— Във всеки случай никой не ме видя! — отговори Дребосьчето зад вратата и Бетан отново дочу смях.

Ако Бетан не беше се разсърдила толкова много, щеше да разпознае, че се смеят двама души.

Карлсон се обзала

Един ден Дребосьчето се върна от училище сърдит, с подутина на челото. Майка му шеташе в кухнята. Като видя подутината, естествено, се огорчи.

— Какво имаш на челото си, бедно мое момче? — попита майка му и го препърна.

— Кристер ме замери с камък — отвърна навъсено Дребосьчето.

— С камък ли? Какво отвратително момче! — извика майката. — Защо не дойде веднага да mi кажеш?

Дребосьчето вдигна рамене:

— Че защо, нали не можеш да хвърляш камъни? Няма да улучиш с камък дори бараката.

— Ех, глупчо! Да не мислиш, че ще взема да замерям с камъни Кристер?

— А с какво друго можеш да го замериш? — учуди се Дребосьчето. — Нищо друго няма да намериш. Във всеки случай нищо по-подходящо от камък.

Майката въздъхна. Беше ясно, че не само Кристер се замерва с камъни. И нейният любимец не беше стока. Как е станало така, че малкото й момче, с такива добри сини очи, се е превърнало в побойник?

— Кажи ми, не е ли възможно да минете изобщо без сбиване? Можете да се споразумявате мирно за каквото поискате. Виж какво, Дребосьче, няма такова нещо на света, по което да не се постигне споразумение, ако всичко се обсъди, както следва.

— Но, мамо, има такива неща. Ето например вчера

Малыш тоже умел очень быстро бегать, и, право, сейчас это было необходимо. Они спаслись, захлопнув дверь перед самым носом Бетан. Карлсон торопливо повернул ключ и весело засмеялся, в то время как Бетан изо всех сил колотила в дверь.

— Подожди, Малыш, я ещё доберусь до тебя! — сердито крикнула она.

— Во всяком случае, меня никто не видел! — ответил Малыш из-за двери, и до Бетан снова донёсся смех.

Если бы Бетан не так сердилась, она бы услышала, что смеются двое.

КАРЛСОН ДЕРЖИТ ПАРИ

Однажды Малыш вернулся из школы злой, с шишкой на лбу. Мама хлопотала на кухне. Увидев шишку, она, как и следовало ожидать, огорчилась.

— Бедный Малыш, что это у тебя на лбу? — спросила мама и обняла его.

— Кристер швырнул в меня камнем, — хмуро ответил Малыш.

— Камнем? Какой противный мальчишка! — воскликнула мама. — Что же ты сразу мне не сказал?

Малыш пожал плечами:

— Что толку? Ведь ты не умеешь кидаться камнями. Ты даже не сможешь попасть камнем в стену сарая.

— Ах ты глупыш! Неужели ты думаешь, что я стану бросать камни в Кристера?

— А чем же ещё ты хочешь в него бросить? Ничего другого тебе не найти, во всяком случае, ничего более подходящего, чем камень.

Мама вздохнула. Было ясно, что не один Кристер при случае швыряется камнями. Её любимец был ничуть не лучше. Как это получается, что маленький мальчик с такими добрыми голубыми глазами — драчун?

— Скажи, а нельзя ли вообще обойтись без драки? Мирно можно договориться о чем угодно. Знаешь, Малыш, ведь, собственно говоря, на свете нет такой вещи, о которой нельзя было бы договориться, если всё как следует обсудить.

— Нет, мама, такие вещи есть. Вот, например, вчера

аз пак се бих с Кристер...

— И съвсем нахалост — каза майката. — Вие прекрасно можехте да разрешите вашата препирня с думи, а не с юмруци.

Дребосьчето седна до кухненската маса и обхвана с ръце наранената си глава.

— Ти така ли мислиш? — попита той и погледна неодобрително майка си. — Кристер ми каза: „Аз мога да те набия.“ Така ми каза той. Пък аз му отговорих: „Не, не можеш.“ Е, какви, как бихме разрешили, както ти казваш, нашата препирня с думи?

Майката не намери какво да отговори. Трябваше да прекъсне своята миротворна проповед. Нейният побойник син седеше мрачен и тя побърза да постави пред него чаша горещо какао и пресни кифлички.

Дребосьчето много обичаше всичко това. Още от стълбата тойолови сладостния дъх на току-що изпечено маслено тесто. А от майчините прекрасни кифлички с канела животът му ставаше много по-сносен.

Преизпълнен с благодарност, той отхапа един залък. Докато дъвчеше, майка му залепи пластирче върху подутината на челото му. После целуна тихичко болното място и попита:

— А сега за какво се разправяхте с Кристер?

— Кристер и Гунила казват, че аз съм съчинил всичко за Карлсон, който живее на покрива. Според тях това било измислица.

— А нима това не е така? — попита предпазливо майката.

Дребосьчето откъсна поглед от чашата с какаото и стрелна гневно майка си:

— Дори и ти не вярваш това, което говоря — каза той. — Аз попитах Карлсон дали не е измислица...

— Е, и какво ти отговори той? — позаинтересува се майката.

— Карлсон каза, че ако той бил измислица, това щяло да бъде най-хубавата измислица на света. Но работата е там, че той не е измислица. — И Дребосьчето си взе още една кифличка. — Карлсон смята, че, напротив, Кристер и Гунила са измислица. „Рядко глупава измислица“ — казва той. И аз така мисля.

я как раз тоже дрался с Кристером...

— И совершенно напрасно, — сказала мама. — Вы прекрасно могли бы разрешить ваш спор словами, а не кулаками.

Малыш присел к кухонному столу и обхватил руками свою разбитую голову.

— Да? Ты так думаешь? — спросил он и неодобрительно взглянул на маму. — Кристер мне сказал: "Я могу тебя отлупить". Так он и сказал. А я ему ответил: "Нет, не можешь". Ну скажи, могли ли мы разрешить наш спор, как ты говоришь, словами?

Мама не нашлась что ответить, и ей пришлось оборвать свою умиротворяющую проповедь. Её драчун сын сидел совсем мрачный, и она поспешила поставить перед ним чашку горячего шоколада и свежие плюшки.

Всё это Малыш очень любил. Ещё на лестнице он уловил сладостный запах только что испечённой сдобы. А от маминых восхитительных плюшек с корицей жизнь делалась куда более терпимой.

Преисполненный благодарности, он откусил кусочек. Пока он жевал, мама залепила ему пластырем шишку на лбу. Затем она тихонько поцеловала больное место и спросила:

— А что вы не поделили с Кристером сегодня?

— Кристер и Гунилла говорят, что я всё сочинил про Карлсона, который живёт на крыше. Они говорят, что это выдумка.

— А разве это не так? — осторожно спросила мама.

Малыш оторвал глаза от чашки с шоколадом и гневно посмотрел на маму.

— Даже ты не веришь тому, что я говорю! — сказал он. — Я спросил у Карлсона, не выдумка ли он...

— Ну и что же он тебе ответил? — поинтересовалась мама.

— Он сказал, что, если бы он был выдумкой, это была бы самая лучшая выдумка на свете. Но дело в том, что он не выдумка. — И Малыш взял ещё одну булочку. — Карлсон считает, что, наоборот, Кристер и Гунилла — выдумка. "На редкость глупая выдумка", — говорит он. И я тоже так думаю.

Майка му нищо не отговори. Тя разбираше, че е безсмислено да разубеждава Дребосьчето в неговите фантазии.

— Аз смятам — каза тя най-после, — че за теб ще е по-добре повечко да поиграваш с Гунила и Кристер и по-малко да си мислиш за Карлсон.

— Карлсон поне не ме замеря с камъни — измърмори Дребосьчето и попипа подутината на челото си. Изведнъж той си спомни нещо и се усмихна радостно на майка си. — Да, малко остана да забравя, че днес за първи път ще видя къщичката на Карлсон.

Но веднага се разкая, дето каза това. Колко е глупаво да говориш с майка си за такива неща!

Но тия думи на Дребосьчето не се сториха на майка му по-опасни и тревожни от всичко останало, което обикновено Дребосьчето разказваше за Карлсон, и тя рече безгрижно:

— Че какво пък, това ще бъде навярно твърде забавно.

Дребосьчето стана от масата сит, весел и напълно доволен от живота. Подутината на челото не го болеше. В устата си чувствуше чудесния вкус на кифлички с канела, през кухненския прозорец светеше слънцето и майка му изглеждаше толкова мила в своята карирана престишка.

Дребосьчето дойде при нея, шумно целуна пълната ѝ ръка и каза:

— Колко те обичам, мамичко!

— Много се радвам — отговори майката.

— Да, обичам те, защото си много мила.

После Дребосьчето се прибра в стаята си и засака Карлсон. Днес те трябваше заедно да отидат на покрива и ако Карлсон беше само някаква измислица, както уверяваше Кристер, едва ли Дребосьчето щеше да попадне там.

„Ще дойда за тебе горе-долу в три или четири часа, а може и в пет, но в никой случай по-рано от шест“ — каза му Карлсон.

Дребосьчето така и не успя да проумее кога наистина Карлсон възнамерява да дойде, та го

Мама ничего не ответила — она понимала, что бессмысленно разуверять Малыша в его фантазиях.

— Я думаю, — сказала она наконец, — что тебе лучше побольше играть с Гуниллой и Кристером и поменьше думать о Карлсоне.

— Карлсон, по крайней мере, не швыряет в меня камнями, — проворчал Малыш и потрогал шишку на лбу. Вдруг он что-то вспомнил и радостно улыбнулся маме. — Да, я чуть было не забыл, что сегодня впервые увижу домик Карлсона!

Но он тут же раскаялся, что сказал это. Как глупо говорить с мамой о таких вещах!

Однако эти слова Малыша не показались маме более опасными и тревожными, чем всё остальное, что он обычно рассказывал о Карлсоне, и она беззаботно сказала:

— Ну что ж, это, вероятно, будет очень забавно.

Но вряд ли мама была бы так спокойна, если бы поняла до конца, что именно сказал ей Малыш. Ведь подумать только, где жил Карлсон!

Малыш встал из-за стола сытый, весёлый и вполне довольный жизнью. Шишка на лбу уже не болела, во рту был изумительный вкус плюшек с корицей, через кухонное окно светило солнце, и мама выглядела такой милой в своём клетчатом переднике.

Малыш подошёл к ней, чмокнул её полную руку и сказал:

— Как я люблю тебя, мамочка!

— Я очень рада, — сказала мама.

— Да... Я люблю тебя, потому что ты такая милая.

Затем Малыш пошёл к себе в комнату и стал ждать Карлсона. Они должны были сегодня вместе отправиться на крышу, и, если бы Карлсон был только выдумкой, как уверяет Кристер, вряд ли Малыш смог бы туда попасть.

“Я прилечу за тобой приблизительно часа в три, или в четыре, или в пять, но ни в коем случае не раньше шести”, — сказал ему Карлсон.

Малыш так толком и не понял, когда же, собственно, Карлсон намеревается прилететь, и

попита втори път.

„По никой начин не по-късно от седем, но едва ли по-рано от осем... Чакай ме примерно в девет, след като удари часовникът.“

Дребосъчето чака едва ли не цяла вечност и в края на краищата започна да му се струва, че Карлсон наистина не съществува. И когато Дребосъчето беше готов вече да повярва, че Карлсон е само измислица, чу се познатото бръмчене и в стаята влетя Карлсон — весел и бодър.

— Омързна ми да те чакам — каза Дребосъчето. — В колко часа обеща да дойдеш?

— Аз казах горе-долу — отговори Карлсон. Така и стана: дойдох горе-долу.

Той тръгна към аквариума на Дребосъчето, в който кръжаха пъстри рибки, потопи лице във водата и почна да пие на големи гълтки.

— Внимателно! Рибките ми! — извика Дребосъчето; той се уплаши, че Карлсон ненадейно може да погълне някоя и друга рибка.

— Когато човек гори в огън, налага се много да пие — каза Карлсон. — И ако дори погълне две-три рибки, това е дроболия, обикновено нещо.

— Ти имаш температура? — попита Дребосъчето.

— И още каква! Пипни ме! — И той сложи ръката на Дребосъчето на челото си.

Но Дребосъчето не усети челото му да е горещо.

— Каква температура имаш? — попита той.

— Тридесет-четиридесет градуса, не по-малко!

Дребосъчето неотдавна беше боледувал от дребна шарка и добре знаеше какво значи висока температура. Той поклати със съмнение глава:

— Не, според мене ти не си болен.

— Ех, какъв си лош! — извика Карлсон и тропна с крак. — Не мога ли и аз да заболея както всички други хора?

— Ти искаш да заболееш? — учуди се Дребосъчето.

— Разбира се. Всички хора искат! Искам да лежа в леглото си с висока-превисока температура. Ти ще дойдеш да разбереш как се чувствам и аз ще ти кажа, че съм най-тежко болният човек на света.

переспросил его.

“Уж никак не позже седми, но едва ли раньше восьми... Ожидай меня примерно к девяты, после того как пробьют часы”.

Малыш ждал чуть ли не целую вечность, и в конце концов ему начало казаться, что Карлсона и в самом деле не существует. И когда Малыш уже был готов поверить, что Карлсон — всего лишь выдумка, послышалось знакомое жужжание, и в комнату влетел Карлсон, весёлый и бодрый.

— Я тебя совсем заждался, — сказал Малыш. — В котором часу ты обещал прийти?

— Я сказал приблизительно, — ответил Карлсон. — Так оно и вышло: я пришёл приблизительно.

Он направился к аквариуму Малыша, в котором кружились пёстрые рыбки, окунул лицо в воду и стал пить большими глотками.

— Осторожно! Мои рыбки! — крикнул Малыш; он испугался, что Карлсон нечаянно проглотит несколько рыбок.

— Когда у человека жар, ему надо много пить, — сказал Карлсон. — И если он даже проглотит две-три или там четыре рыбки, это пустяки, дело житейское.

— У тебя жар? — спросил Малыш.

— Ещё бы! Потрогай. — И он положил руку Малыша на свой лоб.

Но Малышу его лоб не показался горячим.

— Какая у тебя температура? — спросил он.

— Тридцать — сорок градусов, не меньше!

Малыш недавно болел корью и хорошо знал, что значит высокая температура. Он с сомнением покачал головой:

— Нет, по-моему, ты не болен.

— Ух, какой ты гадкий! — закричал Карлсон и топнул ногой. — Что, я уж и захворать не могу, как все люди?

— Ты хочешь заболеть?! — изумился Малыш.

— Конечно. Все люди этого хотят! Я хочу лежать в постели с высокой-превысокой температурой. Ты придёшь узнать, как я себя чувствую, и я тебе скажу, что я самый тяжёлый больной в мире. И ты меня

Тогава ти ще ме попиташи не искам ли нещо и аз ще ти отговоря, че щом съм толкова ужасно болен, от нищо не се нуждая. От нищо друго освен от една грамадна торта, от няколко коша сладки, от цяла планина шоколад и от голяма-преголяма торба бонбони!

Карлсон погледна обнадежден Дребосъчето, но то стоеше съвсем объркано, защото не знаеше отде ще достави всичко, което искаше Карлсон.

— Ти трябва да ми станеш като родна майка — продължи Карлсон. — Трябва да ме придумаш да изпия горчивото лекарство, като ми обещаеш пет йоре. Трябва да ми увиеш врата с топло шалче заради гърлото. Аз ще кажа, че то ме жули, и за пет йоре ще се съглася да остана с увит врат.

Много се искаше на Дребосъчето да стане като родна майка на Карлсон. Но това значеше да изпразни своята касичка. Тя стоеше на поличката за книги прекрасна и тежка. Дребосъчето отърча в кухнята за нож, с който почна да вади от касичката монети от пет йоре. Карлсон му помогаше с необикновено усърдие и ликуваше при всяка монета, която се търкуваше на масата. Там имаше монети по десет и по двайсет и пет йоре, но Карлсон най-много се радваше на монетите от пет йоре.

Дребосъчето хукна към съседното магазинче и накупи с всичките си пари бонбони и шоколад. Когато даде на продавача целия си капитал, спомни си изведенъж, че пестеше тия пари за кученце, и тежко въздъхна. Но той веднага си помисли, че тоя, който е решил да стане родна майка на Карлсон, не може да си позволява да има свое кученце.

Като се върна върхи с пълни джобове лакомства, той видя, че в гостната се беше събрало цялото семейство — и майка му, и татко му, и Бетан, и Босе пиеха следобедното си кафе, но Дребосъчето нямаше време да се присъедини към тях. За миг му мина през главата мисълта да ги покани всичките в своята стая и да ги запознае най-после с Карлсон. Но като размисли по-добре, реши, че това сега не бива да стане — може неговите близки да му попречат да отиде с Карлсон на покрива. По-добре е запознанството да се отложи за друг път.

Дребосъчето взе от фруктиерата няколко бадемови сладки, прилични на раковинки, защото Карлсон беше му казал, че обича и сухи сладки, и се запъти

спросиши, не хочу ли я чего-нибудь, и я тебе отвечу, что мне ничего не нужно. Ничего, кроме огромного торта, нескольких коробок печенья, горы шоколада и большого-пребольшого куля конфет!

Карлсон с надеждой посмотрел на Малыша, но тот стоял совершенно растерянный, не зная, где он сможет достать всё, чего хочет Карлсон.

— Ты должен стать мне родной матерью, — продолжал Карлсон. — Ты будешь меня уговаривать выпить горькое лекарство и обещаешь мне за это пять эре. Ты обернёшь мне горло тёплым шарфом. Я скажу, что онкусается, и только за пять эре соглашусь лежать с замотанной шеей.

Малышу очень захотелось стать Карлсону родной матерью, а это значило, что ему придётся опустошить свою копилку. Она стояла на книжной полке, прекрасная и тяжёлая. Малыш сбежал на кухню за ножом и с его помощью начал доставать из копилки пятиэровые монетки. Карлсон помогал ему с необычайным усердием и ликовал по поводу каждой монеты, которая выкатывалась на стол. Попадались монеты в десять и двадцать пять эре, но Карлсона больше всего радовали пятиэровые монетки.

Малыш помчался в соседнюю лавочку и купил на все деньги леденцов, засахаренных орешков и шоколаду. Когда он отдал продавцу весь свой капитал, то вдруг вспомнил, что копил эти деньги на собаку, и тяжело вздохнул. Но он тут же подумал, что тот, кто решил стать Карлсону родной матерью, не может позволить себе роскошь иметь собаку.

Вернувшись домой с карманами, набитыми сластями, Малыш увидел, что в столовой вся семья — и мама, и папа, и Бетан, и Боссе — пьёт послеобеденный кофе. Но у Малыша не было времени посидеть с ними. На мгновение ему в голову пришла мысль пригласить их всех к себе в комнату, чтобы познакомить наконец с Карлсоном. Однако, хорошенъко подумав, он решил, что сегодня этого делать не стоит, — ведь они могут помешать ему отправиться с Карлсоном на крышу. Лучше отложить знакомство до другого раза.

Малыш взял из вазочки несколько миндалевых печений в форме ракушек — ведь Карлсон сказал, что печенья ему тоже хочется, — и отправился к

към стаята си.

— Колко дълго ме заставяш да те чакам аз, който съм толкова болен и нещастен! — упрекна го Карлсон.

— Бързах, колкото можех — оправдаваше се Дребосъчето, — и толкова неща накупих...

— И не ти остана дори една монетка? А пък аз трябаше да получа пет йоре, задето ме жули по врата шалчето — прекъсна го уплашено Карлсон.

Дребосъчето го успокои, като му каза, че е запазил няколко монети.

Очите на Карлсон засияха и той заподскача от радост.

— О, аз съм най-тежко болният човек на света! — завика той. — Трябва да бъда по-скоро сложен на легло.

И тогава Дребосъчето за пръв път се замисли и каза:

— Че как ще отида на покрива, като не мога да лята?

— Спокойствие и само спокойствие! — отговори бодро Карлсон. — Ще те сложа на гръб и — едно, две, три! — ще полетим у дома. Но ти бъди предпазлив и гледай да не ти попаднат пръстите в перката!

— Смяташ ли, че ще ти стигнат силите да ме закараш на покрива?

— Ще видя — рече Карлсон. — Трудно е, разбира се, да се предположи, че аз, който съм толкова болен и нещастен, ще успея да прелетя с тебе и половината път. Но винаги може да се намери изход от всяко затруднено положение. Ако усетя, че силите ме напускат, ще те хвърля от гърба си...

Дребосъчето не смяташе, че най-добрият изход от положението е да го хвърлят върху покрива, затова се замисли.

— Виж какво, всичко ще мине благополучно. Само моторът да не спре.

— Ами ако изведнъж спре? Нали ще паднем! — каза Дребосъчето.

— Без друго ще паднем — потвърди Карлсон. — Но това е дробология, обикновено нещо.

себе.

— Ты заставляешь меня так долго ждать! Меня, такого больного и несчастного, — с упрёком сказал Карлсон.

— Я торопился как только мог, — оправдывался Малыш, — и столько всего накупил...

— И у тебя не осталось ни одной монетки? Я ведь должен получить пять эре за то, что меня будеткусать шарф! — испуганно перебил его Карлсон.

Малыш успокоил его, сказав, что приберёт несколько монет.

Глаза Карлсона засияли, и он запрыгал на месте от удовольствия.

— О, я самый тяжёлый в мире больной! — закричал он. — Нам надо поскорее уложить меня в постель.

И тут Малыш впервые подумал: как же он попадёт на крышу, раз он не умеет летать?

— Спокойствие, только спокойствие! — бодро ответил Карлсон. — Я посажу тебя на спину, и — раз, два, три! — мы полетим ко мне. Но будь осторожен, следи, чтобы пальцы не попали в пропеллер.

— Ты думаешь, у тебя хватит сил долететь со мной до крыши?

— Там видно будет, — сказал Карлсон. — Трудно, конечно, предположить, что я, такой больной и несчастный, смогу пролететь с тобой и половину пути. Но выход из положения всегда найдётся: если почувствуешь, что выбиваюсь из сил, я тебя сброшу...

Малыш не считал, что сбросить его вниз — наилучший выход из положения, и вид у него стал озабоченный.

— Но, пожалуй, всё обойдётся благополучно. Лишь бы мотор не отказал.

— А вдруг откажет? Ведь тогда мы упадём! — сказал Малыш.

— Безусловно, упадём, — подтвердил Карлсон. — Но это пустяки, дело житейское! — добавил он и махнул рукой.

Малыш подумал и тоже решил, что это пустяки,

Дребосьчето написа на късче хартия бележка до майка си и татко си и я остави на масата:

„Ас съм гори при Карлсон, койту живей на покрива.“

Разбира се, най-добре щеше да бъде, ако успееха да се върнат вкъщи, преди майка му и баща му да са намерили тая бележка. Но ако го потърсят рано, то нека знаят къде се намира той. Иначе може да се случи онова, което стана един път, когато Дребосьчето гостува на баба си на село и изведнъж реши да вземе влака и да се върне вкъщи. Тогава майка му плачеше и казваше:

„Ако на тебе, Дребосъче, ти се е поискало да се возиш на влак, защо не ми каза?“

„Защото исках да пътувам сам“ — отговори Дребосьчето.

Ето и сега е съвсем същото. Той иска да отлети с Карлсон на покрива, затова най-добре е да не иска никакво разрешение. Ако пък открият, че го няма вкъщи, той може да се оправдае с това, че е оставил бележка.

Карлсон се канеше вече да отлита. Той натисна копчето на корема си и моторът забръмча:

— Скачай бързо на рамената ми! — извика Карлсон. — Ние тозчас ще отлетим!

И наистина те излетяха през прозореца и се издигнаха... Най-напред Карлсон направи малък кръг над близкия покрив, за да изпита мотора. Моторът бутеше тъй равномерно и надеждно, че Дребосьчето ни най-малко не се боеше.

Най-после Карлсон кацна на своя покрив.

— А сега да видим дали ще можеш да намериш моя дом? Няма да ти кажа зад кой комин се намира. Открий го сам!

Дребосьчето никога не бе се изкачвал на покрив, но неведнъж беше виждал как някакъв мъж, превързан с въже за комина, чисти снега от покрива. Дребосьчето винаги му беше завиджал. Сега той сам беше такъв щастливец, макар, разбира се, да не беше превързан с въже и сърцето му да се свиваше в гърдите, когато преминаваше от комин на комин. И изведнъж зад един от тях той наистина видя къщичка. Твърде привлекателна къщичка със зелени капаци и малко стълбище. На Дребосьчето му се поиска колкото може по-скоро да влезе в къщичката и с очите си да види всички парни

дело житейско.

Он написал на ключке бумаги записку маме и папе и оставил её на столе:

«Я на вирху у Калсона, который живёт на крыше».

Конечно, лучше всего было бы успеть вернуться домой, прежде чем они найдут эту записку. Но если его случайно хватятся раньше, то пусть знают, где он находится. А то может получиться так, как уже было однажды, когда Малыш гостила за городом у бабушки и вдруг решил сесть в поезд и вернуться домой. Тогда мама плакала и говорила ему:

“Уж если тебе, Малыш, так захотелось поехать на поезде, почему ты мне не сказал об этом?”

“Потому, что я хотел ехать один”, — ответ Малыш.

Вот и теперь то же самое. Он хочет отправиться с Карлсоном на крышу, поэтому лучше всего не просить разрешения. А если обнаружится, что его нет дома, он сможет оправдаться тем, что написал записку.

Карлсон был готов к полёту. Он нажал кнопку на животе, и мотор загудел.

— Залезай скорее мне на плечи, — крикнул Карлсон, — мы сейчас взлетим!

И правда, они вылетели из окна и набрали высоту. Сперва Карлсон сделал небольшой круг над ближайшей крышей, чтобы испытать мотор. Мотор таращел так ровно и надёжно, что Малыш ни капельки не боялся.

Наконец Карлсон приземлился на своей крыше.

— А теперь поглядим, сможешь ли ты найти мой дом. Я тебе не скажу, за какой трубой он находится. Отыщи его сам.

Малышу никогда не случалось бывать на крыше, но он не раз видел, как какой-то мужчина, привязав себя верёвкой к трубе, счищал с крыши снег. Малыш всегда завидовал ему, а теперь он сам был таким счастливцем, хотя, конечно, не был обвязан верёвкой, и внутри у него что-то скималось, когда он переходил от одной трубы к другой. И вдруг за одной из них он действительно увидел домик. Очень симпатичный домик с зелёными ставенками и маленьkim крылечком. Малышу захотелось как можно скорее войти в этот домик и своими глазами увидеть все паровые машины и все картины с

машини и всички картини с нарисувани петли, изобщо всичко каквото се намира вътре.

На къщичката беше закована табелка, за да знаят всички кой живее в нея. Дребосъчето прочете:

„Карлсон

който живее на покрива“

Карлсон разтвори широко вратата и извика:

— Добре дошъл, драги Карлсон, също и ти, Дребосъче! — и първи влезе в къщичката.

— Аз трябва веднага да легна, защото съм най-тежко болният човек на света! — извика той и се хвърли върху червеното дървено диванче до стената.

Дребосъчето влезе тичешком след него. Той можеше да се пръсне от любопитство.

В къщичката на Карлсон беше твърде удобно — Дребосъчето веднага забеляза това. Освен дървеното диванче в стаята имаше още тезгях, който служеше и за маса, гардероб, два стола и печка с желязна решетка. На нея Карлсон готовеше. Но парни машини никъде не се виждаха. Дребосъчето гледа дълго навсякъде, но никъде не можа да ги открие. Най-после не изтряя и попита:

— А къде са твоите парни машини?

— Хм — отвърна Карлсон... — моите парни машини ли?... Всички те се пръснаха изведнъж на парчета. За всичко са виновни предпазните клапи. Само предпазните клапи и нищо друго. Но това е обикновено нещо и не си струва да се огорчаваме.

Дребосъчето погледна отново наоколо.

— А къде ти са картините с петлите? Да не са се пръснали и те на парчета? — попита той язвително.

— Не, не са се пръснали — отговори Карлсон. — Ето гледай! — И той показа забодения на гардероба картон.

На голям чист лист в долния ъгъл беше нарисувано съвсем мъничко червено петленце.

— Картина се казва „Много самотно червено петле“ — обясни Карлсон.

Дребосъчето погледна това мъничко петленце. А пък Карлсон му беше говорил за хиляди картини, изобразяващи всевъзможни петли, и сега излезе, че всичко на всичко има една червеникова петлообразна бублечка.

изображението петухов, да и вообще всё, что там находилось.

К домику била прибита табличка, чтобы все знали, кто в нём живёт. Малыш прочёл:

Карлсон,

который живёт на крыше

Карлсон распахнул настежь дверь и с криком: "Добро пожаловать, дорогой Карлсон, и ты, Малыш, тоже!" — первым вбежал в дом.

— Мне нужно немедленно лечь в постель, потому что я самый тяжёлый больной в мире! — воскликнул он и бросился на красный деревянный диванчик, который стоял у стены.

Малыш вбежал вслед за ним; он готов был лопнуть от любопытства.

В домике Карлсона было очень уютно — это Малыш сразу заметил. Кроме деревянного диванчика, в комнате стоял верстак, служивший также и столом, шкаф, два стула и камин с железной решёткой и таганком. На нём Карлсон готовил пищу. Но паровых машин видно не было. Малыш долго оглядывал комнату, но не мог их нигде обнаружить и, наконец, не выдержав, спросил:

— А где же твои паровые машины?

— Гм... — промычал Карлсон, — мои паровые машины... Они все вдруг взорвались. Виноваты предохранительные клапаны. Только клапаны, ничто другое. Но это пустяки, дело житейское, и огорчаться нечего.

Малыш вновь огляделся по сторонам.

— Ну, а где твои картины с петухами? Они что, тоже взорвались? — язвительно спросил он Карлсона.

— Нет, они не взорвались, — ответил Карлсон. — Вот, гляди. — И он указал на пришпиленный к стене возле шкафа лист картона.

На большом, совершенно чистом листе в нижнем углу был нарисован крохотный красный петушок.

— Картина называется: "Очень одинокий петух", — объяснил Карлсон.

Малыш посмотрел на этого крошечного петушки. А ведь Карлсон говорил о тысячах картин, на которых изображены всевозможные петухи, и всё это, оказывается, свелось к одной красненькой петухообразной козявке!

— Това „много самотно червено петле“ е сътворено от най-добрия в света рисувач на петли... — продължи Карлсон и гласът му трепна. — Ах, колко прекрасна и печална е тая картина!... Ала не, аз няма да плача сега, защото плачът повишава температурата... — Карлсон падна възнак на възглавницата и се хвана за главата. — Ти се канеше да ми бъдеш като родна майка. Хайде почвай! — изохка той.

Но Дребосъчето не проумяваше с какво трябва да почне, затова попита неуверено:

— Вземаш ли някакво лекарство?

— Да, но аз не искам да го вземам... Имаш ли монетка от пет йоре?

Дребосъчето извади монетката от джоба на панталоните си.

— Дай я тук!

Дребосъчето му подаде монетката. Карлсон я сграбчи и я стисна в шепата си; той имаше хитър и доволен вид.

— Сега да ти кажа ли какво лекарство бих взел?

— Какво? — полюбопитства Дребосъчето.

— „Пресладък прах“ по рецептата на Карлсон, който живее на покрива. Ще вземеш малко шоколад, малко бонбони, ще добавиш също такава порция курабии и всичко това ще счукаш и хубавичко ще го размесиш. Щом приготвиш лекарството, аз ще го взема. Това много помага против температура.

— Не ми се вярва — забеляза Дребосъчето.

— Хайде да се обзаложим. Ще ми дадеш едно шоколадче, ако съм прав.

Дребосъчето помисли, че може би тъкмо това имаше предвид майка му, когато го съветваше да разрешава препирните с думи, а не с юмруци.

— Хайде да се обзаложим — настояваше Карлсон.

— Добре — съгласи се Дребосъчето.

Той взе едно шоколадче и го сложи на тезгяха, за да се знае за какво се препират, а после почна да пригответ лекарството по рецептата на Карлсон. Той сложи в една чашка няколко бонбончета, няколко захаросани лешничета, прибави късче шоколад, счукава всичко това и го размеси. После разтрости

— Этот "Очень одинокий петух" создан лучшим в мире рисовальщиком петухов, — продолжал Карлсон, и голос его дрогнул. — Ах, до чего эта картина прекрасна и печальна!.. Но нет, я не стану сейчас плакать, потому что от слёз поднимается температура... — Карлсон откинулся на подушку и схватился за голову. — Ты собирался стать мне родной матерью, ну так действуй, — просто нал он.

Малыш толком не знал, с чего ему следует начать, и неуверенно спросил:

— У тебя есть какое-нибудь лекарство?

— Да, но я не хочу его принимать... А пятиэровая монетка у тебя есть?

Малыш вынул монетку из кармана штанов.

— Дай сюда.

Малыш протянул ему монетку. Карлсон быстро схватил её и зажал в кулаке; вид у него был хитрый и довольный.

— Сказать тебе, какое лекарство я бы сейчас принял?

— Какое? — поинтересовался Малыш.

— "Приторный порошок" по рецепту Карлсона, который живёт на крыше. Ты возьмёшь немного шоколаду, немного конфет, добавишь такую же порцию печенья, всё это истолчёшь и хорошоенькo перемешаешь. Как только ты приготовишь лекарство, я приму его. Это очень помогает от жара.

— Сомневаюсь, — заметил Малыш.

— Давай спорим. Спорю на шоколадку, что я прав.

Малыш подумал, что, может быть, именно это мама и имела в виду, когда советовала ему разрешать споры словами, а не кулаками.

— Ну, давай держать пари! — настаивал Карлсон.

— Давай, — согласился Малыш.

Он взял одну из шоколадок и положил её на верстак, чтобы было ясно, на что они спорят, а затем принялся готовить лекарство по рецепту Карлсона. Он бросил в чашку несколько леденцов, несколько засахаренных орешков, добавил кусочек шоколаду, растолок всё это и перемешал. Потом

няколко курабии, наречени бадемови раковинки, и ги изиспа в чашката. Такова лекарство Дребосъчето не беше виждал в живота си, но то изглеждаше толкова апетитно, че той сам би се съгласил да заболее леко, за да вземе такова лекарство.

Карлсон се привдигна, седна на дивана и като птиче раззина широко уста. На Дребосъчето му беше съвестно да вземе макар и лъжичка от „пресладкия прах“.

— Изиспи ми голяма доза — помоли Карлсон. Дребосъчето така и направи. После те седнаха и зачакаха мълчешком кога ще спадне температурата на Карлсон.

Като мина половин минута, Карлсон рече:

— Ти си прав, това лекарство не помага при температура. Дай ми сега шоколадчето.

— На тебе ли? — зачуди се Дребосъчето. — Нали аз спечелих облога!

— Да, ти спечели облога, значи аз трябва за утеша да получа шоколадчето. Няма справедливост на тоя свят! А ти си лошо момче, което иска да изяде шоколада единствено за това, че не ми спада температурата.

Дребосъчето подаде неохотно шоколадчето на Карлсон, който в миг отхапа половината и още дъвчейки, каза:

— Няма защо да правиш кисела физиономия. Друг път, когато аз спечеля облога, ти ще получиш шоколадчето.

Карлсон продължаваше да работи енергично с челюстите си и като гълтна последното късче, отпусна се на възглавката и въздъхна тежко:

— Колко са нещастни всички болни! Колко съм нещастен и аз! Е, да опитаме тогава да взема двойна доза от „пресладкия прашец“, макар и най-малко да не вярвам, че ще ме излекува.

— Защо? Аз вярвам, че двойна доза ще ти помогне. Хайде да се обзаложим — предложи Дребосъчето.

Честна дума, сега нямаше да бъде лошо и Дребосъчето да похитрува малко. Той, разбира се, не вярваше, че дори тройната порция от „пресладкия прах“ ще понижи температурата на Карлсон. Но толкова много му се искаше да се обзаложат. У него остана още едно шоколадче и то ще стане негово, ако Карлсон спечели облога.

раскрошил миндалъните ракушки и тоже высыпал их в чашку. Такого лекарства Малыш ещё в жизни не видел, но оно выглядело так аппетитно, что он и сам согласился бы слегка поболеть, чтобы принять это лекарство.

Карлсон уже привстал на своё диване и, как птенец, широко разинул рот. Малышу показалось совестным взять у него хоть ложку "приторного порошка".

— Всыпь в меня большую дозу, — попросил Карлсон. Малыш так и сделал. Потом они сели и молча принялись ждать, когда у Карлсона упадёт температура.

Спустя полминуты Карлсон сказал:

— Ты был прав, это лекарство не помогает от жара. Дай-ка мне теперь шоколадку.

— Тебе? — удивился Малыш. — Ведь я выиграл пари!

— Ну да, пари выиграл ты, значит, мне надо получить в утешение шоколадку. Нет справедливости на этом свете! А ты всего-навсего гадкий мальчишка, ты хочешь съесть шоколад только потому, что у меня не упала температура.

Малыш с неохотой протянул шоколадку Карлсону, который мигом откусил половину и, не переставая жевать, сказал:

— Нечего сидеть с кислой миной. В другой раз, когда я выиграю спор, шоколадку получишь ты.

Карлсон продолжал энергично работать челюстями и, проглотив последний кусок, откинулся на подушку и тяжело вздохнул:

— Как несчастны все больные! Как я несчастен! Ну что ж, придётся попробовать принять двойную дозу "приторного порошка", хоть я и ни капельки не верю, что он меня вылечит.

— Почему? Я уверен, что двойная доза тебе поможет. Давай спорим! — предложил Малыш.

Честное слово, теперь и Малышу было не грех немножко схитрить. Он, конечно, совершенно не верил, что у Карлсона упадёт температура даже и от тройной порции "приторного порошка", но ведь ему так хотелось на этот раз проспорить! Осталась ещё одна шоколадка, и он её получит, если Карлсон выиграет спор.

— Добре, да се обзаложим. Пригответи ми по-скоро двойна доза „пресладък прах“. Когато трябва да се смъкне температура, не трябва нищо да се пренебрегва. Не ни остава нищо друго, освен да изпитаме всички средства и да чакаме търпеливо какво ще стане.

Дребосьчето смеси двойна доза прах и го изсила в разтворената уста на Карлсон.

После отново седнаха, замълчаха и почнаха да чакат.

След половин минута Карлсон скочи от дивана със сияещо лице

— Стана чудо! — извика той. — Температурата ми спадна. Ти пак спечели. Дай тук шоколада!

Дребосьчето въздъхна и даде на Карлсон последния шоколад.

Карлсон го погледна недоволен:

— Твърдоглавци като тебе изобщо не трябва да се обзлагат. Това могат да правят само хора като мене. Печели или губи, Карлсон винаги сияе като излъскана монетка.

Настана мълчание, през което Карлсон изяде своя шоколад. После каза:

— Щом си такъв лакомник, такъв ненаситник, най-добре ще бъде да поделим по братски каквото е останало. Има ли у тебе още бонбони?

Дребосьчето претърси джобовете си.

— Ето, три! — и той извади две захаросани лешничета и едно бонбонче.

— Три не се дели наполовина — рече Карлсон. Това знаят и малките деца. — И като отне бързо от шепата на Дребосьчето бонбончето, веднага го лапна. — Сега вече можем да делим — продължи Карлсон и погледна лакомо към останалите две лешничета: едното от тях беше малко по-голямо от другото. — Тъй като аз съм много мил и крайно скромен, разрешавам ти да вземеш първи. Но помни: който избира първи, всяка трябва да вземе по-малкото — завърши Карлсон и погледна строго Дребосьчето.

Дребосьчето се замисли за миг, но веднага съобрази:

— Аз искам да вземеш първо ти.

— Что ж, давай поспорим! Приготовь-ка мне поскорее двойную дозу "приторного порошка". Когда нужно сбить температуру, ничем не следует пренебрегать. Нам ничего не остаётся, как испробовать все средства и терпеливо ждать результата.

Малыш смешал двойную дозу порошка и всыпал его в широко раскрытый рот Карлсона.

Затем они снова уселись, замолчали и стали ждать.

Полминуты спустя Карлсон с сияющим видом соскочил с дивана.

— Свершилось чудо! — крикнул он. — У меня упала температура! Ты опять выиграл. Давай сюда шоколад.

Малыш вздохнул и отдал Карлсону последнюю плиточку.

Карлсон недовольно взглянул на него:

— Упрямцы вроде тебя вообще не должны держать пари. Спорить могут только такие, как я. Проиграл ли, выиграл ли Карлсон, он всегда сияет, как начищенный пятак.

Воцарилось молчание, во время которого Карлсон дожёывал свой шоколад. Потом он сказал:

— Но раз ты такой лакомка, такой обжора, лучше всего будет по-братски поделить остатки. У тебя ещё есть конфеты?

Малыш пошарил в карманах.

— Вот, три штуки. — И он вытащил два засахаренных орешка и один леденец.

— Три пополам не делится, — сказал Карлсон, — это знают даже малые дети. — И, быстро схватив с ладони Малыша леденец, проглотил его. — Вот теперь можно делить, — продолжал Карлсон и с жадностью поглядел на оставшиеся два орешка: один из них был чуточку больше другого. — Так как я очень милый и очень скромный, то разрешаю тебе взять первому. Но помни: кто берёт первым, всегда должен брать то, что поменьше, — закончил Карлсон и строго взглянул на Малыша.

Малыш на секунду задумался, но тут же нашёлся:

— Уступаю тебе право взять первым.

— Добре, щом си такъв твърдоглавец! — извика Карлсон, грабна по-голямата лешниче и начаса го пъхна в устата си.

Дребосъчето погледна малкото лешниче, което лежеше сам-самичко в шепата му.

— Послушай! — каза той. — Нали ти сам казваше, че тоя, който избира първи, трябва да вземе по-малкото.

— Ех, ти малък лакомнико, ако ти избираше първи, кое лешниче щеше да вземеш?

— Може да не се съмняваш, че щях да взема по-малкото — отговори уверено Дребосъчето.

— Тогава защо се вълнуваш? Нали то остава за тебе?

Дребосъчето отново размисли, че може би тъкмо това представлява основа разрешаване на препирната с думи, а не с юмруци, за което беше говорила майка му.

Но Дребосъчето не можеше да се сърди дълго. При това той беше радостен, че на Карлсон спадна температурата. И Карлсон си спомни за това.

— Аз ще пиша до всички лекари в света — каза той — и ще им съобщя от кое лекарство спада температурата. „Вземайте «пресладкия прах», приготвен по рецептата на Карлсон, който живее на покрива.“ Така ще напиша: „Най-доброто в целия свят средство против температурата“.

Дребосъчето още не беше изял своето захаросано лешниче. То стоеше в шепата му толкова привлекателно, апетитно и прекрасно, че на Дребосъчето му се приска да му се полюбува малко, преди да го изяде. Сложиши ли го в устата, и вече няма да го има.

Карлсон също гледаше захаросаното лешниче. Той дълго не откъсна очи от него, после сведе глава и рече:

— Хайде да се обзаложим, че аз мога да ти взема това лешниче, без да забележиш.

— Не, ти не можеш го взе, щом го държа в шепата си и го гледам през всичкото време.

— Хайде да се обзаложим — повтори Карлсон.

— Не — рече Дребосъчето. — Аз зная, че ще спечеля и тогава ти пак ще получиш бонбона.

Дребосъчето беше уверен, че да се спори по този

— Хорошо, раз ты такой упрямый! — вскрикнул Карлсон и, схватив больший орешек, мигом засунул его себе в рот.

Малыш посмотрел на маленький орешек, одиноко лежавший на его ладони.

— Послушай, — сказал он, — ведь ты же сам говорил, что тот, кто берёт первым, должен взять то, что поменьше.

— Эй ты, маленький лакомка, если бы ты выбирал первым, какой бы орешек ты взял себе?

— Можешь не сомневаться, я взял бы меньший, — твёрдо ответил Малыш.

— Так что ж ты волнуешься? Ведь он тебе и достался!

Малыш вновь подумал о том, что, видимо, это и есть то самое разрешение спора словами, а не кулаками, о котором говорила мама.

Но Малыш не умел долго дуться. К тому же он был очень рад, что у Карлсона упала температура. Карлсон тоже об этом вспомнил.

— Я напишу всем врачам на свете, — сказал он, — и сообщу им, какое лекарство помогает от жара. "Принимайте "приторный порошок", приготовленный по рецепту Карлсона, который живёт на крыше". Так я и напишу: "Лучшее в мире средство против жара".

Малыш ещё не съел свой засахаренный орешек. Он лежал у него на ладони, такой заманчивый, аппетитный и восхитительный, что Малышу захотелось сперва им немного полюбоваться. Ведь стоит только положить в рот конфетку, как её уже нет.

Карлсон тоже смотрел на засахаренный орешек Малыша. Он долго не сводил глаз с этого орешка, потом наклонил голову и сказал:

— Давай поспорим, что я смогу взять этот орешек так, что ты и не заметишь.

— Нет, ты не сможешь, если я буду держать его: ладони и всё время смотреть на него.

— Ну, давай поспорим, — повторил Карлсон.

— Нет, — сказал Малыш. — Я знаю, что выиграю, и тогда ты опять получишь конфету.

Малыш был уверен, что такой способ спора

начин е неправилно. Когато той се обзалагаше с Босе или Бетан, наградата получаваше тоя, който спечели.

— Готов съм да се обзаложа, но по стария, по правилния начин, дето бонбона получава оня, който печели.

— Както искаш, ненаситнико. Значи обзалагаме се, че аз ще успея да взема това лешниче от шепата, без да забележиш.

— Добре! — съгласи се Дребосъчето.

— Фокус-мокус-препаратус! — извика Карлсон и грабна захаросаното лешниче. — Фокус-мокус-препаратус — повтори той и пъхна лешничето в устата си.

— Чакай! — развика се Дребосъчето. — Аз видях как го взе.

— Приказки! — каза Карлсон и погълна бързо лешничето. — Значи ти отново печелиш. Никога не съм виждал друго момче, на което толкова много да върви в обзалагането.

— Да... но бонбонът... — избъбра смутено Дребосъчето. — Нали трябваше да го получи този, който спечели?

— Е, да — съгласи се Карлсон. — Но той вече изчезна и аз съм готов да се обзаложа, че не мога да го върна назад.

Дребосъчето премълча, но си помисли, че думите не струват и пукната пара, когато трябва да се разбере кой е прав и кой е крив. И той реши да каже това на майка си, щом я види.

Той пъхна ръка в празния си джоб. И какво мислите! — там намери още едно захаросано лешниче, което по-рано не беше забелязал. Големичко, лепкаво, прекрасно лешниче!

— Да се обзаложим, че у мене има захаросано лешниче! Да се обзаложим, че мога ей сега да го изям! — каза Дребосъчето и лапна бързо лешничето.

Карлсон седна. Изглеждаше тъжен.

— Ти обеща, че ще ми бъдеш като родна майка, а мислиш само как да си напълниш устата с лакомства. Никога не съм виждал такова лакомо момче!

Той помълча още една минута и стана още по-

неправилният. Ведь когда он спорил с Боссе или Бетан, награду получал тот, кто выигрывал.

— Я готов спорить, но только по старому, правильному способу, чтобы конфету получил тот, кто выиграет.

— Как хочешь, обжора. Значит, мы спорим, что я смогу взять этот орешек с твоей ладошки так, что ты и не заметишь.

— Идёт! — согласился Малыш.

— Фокус-покус-фили-покус! — крикнул Карлсон и схватил засахаренный орешек. — Фокус-покус-фили-покус, — повторил он и сунул орешек себе в рот.

— Стоп! — закричал Малыш. — Я видел, как ты его взял.

— Что ты говоришь! — сказал Карлсон и поспешно проглотил орешек. — Ну, значит, ты опять выиграл. Никогда не видел мальчишки, которому бы так везло в споре.

— Да... но конфета... — растерянно пробормотал Малыш. — Ведь её должен был получить тот, кто выиграл.

— Верно, — согласился Карлсон. — Но её уже нет, и я готов спорить, что мне уже не удастся её вернуть назад.

Малыш промолчал, но подумал, что слова — никуда не годное средство для выяснения, кто прав, а кто виноват; и он решил сказать об этом маме, как только её увидит.

Он сунул руку в свой пустой карман. Подумать только! — там лежал ещё один засахаренный орех, которого он раньше не заметил. Большой, липкий, прекрасный орех.

— Спорим, что у меня есть засахаренный орех! Спорим, что я его сейчас съем! — сказал Малыш и быстро засунул орех себе в рот.

Карлсон сел. Вид у него был печальный.

— Ты обещал, что будешь мне родной матерью, а занимаешься тем, что набиваешь себе рот сладостями. Никогда ещё не видел такого прожорливого мальчишки!

Минуту он просидел молча и стал ещё печальнее.

тъжен.

— Първо, аз не получих монета от пет йоре, задето ме жули шалчето на врата.

— Е, да. Но нали не ти връзвахме никакво шалче — каза Дребосъчето.

— Аз не съм виновен, че нямаше шалче. Но ако се намереше, сигурно щяхме да вържем гърлото ми. Шалчето щеше да ме жули и аз щях да получа пет йоре... — Карлсон погледна умолително Дребосъчето и очите му се напълниха със сълзи. — Аз ли трябва да страдам от това, че не се намери шалче? Смяташ ли това за справедливо?

Не, Дребосъчето не смяташе това за справедливо и даде своята последна петйорева монетка на Карлсон, който живееше на покрива.

Лудорията на Карлсон

— А сега ми се иска да се позабавлявам — каза Карлсон след една минутка. — Хайде да излезем на покрива и там все ще намерим какво да правим.

Дребосъчето се съгласи на драго сърце. Той хвана Карлсон за ръка и те заедно излязоха на покрива. Беше почнало да се смрачава и всичко наоколо изглеждаше много красиво: небето беше синьо, каквото бива през пролетта; къщите, както винаги в полуумрак, изглеждаха някак тайнствени. Долу се зеленееше паркът, в който Дребосъчето често играеше, а от високите тополи, които растяха по дворищата, се носеше чудесен остьр лъх на листа.

Тая вечер беше създадена просто само за разходки по покривите. От разтворените прозорци долитаха най-различни звуци и шумове: тих разговор на хора; детски смях и детски плач; звън на съдини, които някой миеше в съседна кухня; кучешки лай; дрънкане на пиано; някъде заборави мотоциклет, а когато той отмина и шумът затихна, дочу се тропот на копита и трополене на талига.

— Ако хората знаеха колко е приятно да се ходи по покривите, отдавна биха престанали да се движат по улиците — каза Дребосъчето. — Колко е хубаво тук!

— Да, и твърде опасно — подхвани Карлсон, — защото лесно можеш да полетиш надолу. Аз ще ти покажа няколко места, където сърцето просто замира от страх.

Къщите бяха толкова притиснати една до друга, че спокойно можеше да се премине от един покрив на

— Во-первых, я не получил пятиэровой монеты за то, чтокусается шарф.

— Ну да. Но ведь тебе не завязывали горло, — сказал Малыш.

— Я же не виноват, что у меня нет шарфа! Но если бы нашёлся шарф, мне бы наверняка завязали им горло, он бы кусался, и я получил бы пять эре... — Карлсон умоляюще посмотрел на Малыша, и его глаза наполнились слезами. — Я должен страдать оттого, что у меня нет шарфа? Ты считаешь, это справедливо?

Нет, Малыш не считал, что это справедливо, и он отдал свою последнюю пятиэровую монетку Карлсону, который живёт на крыше.

ПРОДЕЛКИ КАРЛСОНА

— Ну, а теперь я хочу немного поразвлечься, — сказал Карлсон минуту спустя. — Давай побегаем по крышам и там уж сообразим, чем заняться.

Малыш с радостью согласился. Он взял Карлсона за руку, и они вместе вышли на крышу. Начинало смеркаться, и всё вокруг выглядело очень красиво: небо было таким синим, каким бывает только весной; дома, как всегда в сумерках, казались какими-то таинственными. Внизу зеленел парк, в котором часто играл Малыш, а от высоких тополей, растущих во дворе, поднимался чудесный, острый запах листвы.

Этот вечер был прямо создан для прогулок по крышам. Из раскрытых окон доносились самые разные звуки и шумы: тихий разговор каких-то людей детский смех и детский плач; звяканье посуды, которую кто-то мыл на кухне; лай собаки; бренчание на пианино. Где-то загрохотал мотоцикл, а когда он промчался и шум затих, донёсся цокот копыт и тараhtение телеги.

— Если бы люди знали, как приятно ходить по крышам, они давно бы перестали ходить по улицам, — сказал Малыш. — Как здесь хорошо!

— Да, и очень опасно, — подхватил Карлсон, — потому что легко сорваться вниз. Я тебе покажу несколько мест, где сердце прямо ёкает от страха.

Дома так тесно прижались друг к другу, что можно было свободно перейти с крыши на крышу. Выступы

друг. Еркери, тавански стаи, комини, ъгли — всичко това придаваше на покривите чудноват изглед.

И наистина, да се движиш тук беше така опасно, че дъхът ти спира. На едно място между две къщи се образуваше широка пролука и малко остана Дребосъчето да полети в нея. Но в последния миг, когато кракът на Дребосъчето се беше вече подхъзнал от корниза, Карлсон го хвани за ръката.

— Как е, весело ли е? — извика той, като изтегляше Дребосъчето на покрива. — Ето за такива места ти говорех аз. Какво, да вървим ли по-нататък?

Ала на Дребосъчето не му се отиваше по-нататък. Сърцето му биеше много силно. Те вървяха по такива трудни и опасни места, че трябаше да се вкопчват с ръце и крака, за да не полетят надолу. А Карлсон, в старанието си да позабави Дребосъчето, нарочно избираше по-труден път.

— Мисля, че е време да се повеселим малко — каза Карлсон. — Аз честичко се разхождам вечер по покривите и обичам да се шегувам с хората, които живеят в ей тия тавански стаи.

— Как се шегуваш? — попита Дребосъчето.

— С различните хора различно. И аз никога не повтарям една и съща шега. Познай кой е най-добрият в целия свят шегаджия?

Изведнъж някъде наблизо се раздаде силен плач на дете пеленаче. Дребосъчето още по-рано бе чул, че някой плаче, но после плачът престана. Изглежда, детето се беше поуспокоило временно и сега отново бе почнало да креци. Неговият вик долиташе от съседната таванска стая и звучеше тъжно и самотно.

— Клетото детенце! — каза Дребосъчето. — Може би го боли коремчето.

— Ей сега ще разберем — отзова се Карлсон. Те запълзяха край корниза. Стигнаха таванската стая. Карлсон вдигна глава и надникна предпазливо в стаята.

— Съвсем изоставено дете — каза той. — Явно е, че бащата и майката скитат някъде.

Детето се късаше от плач.

— Спокойствие и само спокойствие! — Карлсон се прехвърли през прозореца и произнесе гръмко: — Пристига Карлсон, който живее на покрива — най-

mansardы, трубы и углы придавали крышам самые причудливые формы.

И правда, гулять здесь было так опасно, что дух захватывало. В одном месте между домами был широкая щель, и Малыш едва не свалился в неё. Но в последнюю минуту, когда нога Малыша уже соскользнула с карниза, Карлсон схватил его за руку.

— Весело? — крикнул он, втаскивая Малыша на крышу. — Вот как раз такие места я и имел в виду. Что ж, пойдём дальше?

Но Малышу не захотелось идти дальше — сердце у него билось слишком сильно. Они шли по таким трудным и опасным местам, что приходилось цепляться руками и ногами, чтобы не сорваться. А Карлсон, желая позабавить Малыша, нарочно выбирал дорогу потруднее.

— Я думаю, что настало время нам немножко повеселиться, — сказал Карлсон. — Я частенько гуляю по вечерам на крышах и люблю подшутить над людьми, живущими вот в этих мансардах.

— Как подшутить? — спросил Малыш.

— Над разными людьми по-разному. И я никогда не повторяю дважды одну и ту же шутку. Угадай, кто лучший в мире шутник?

Вдруг где-то поблизости раздался громкий плач грудного младенца. Малыш ещё раньше слышал, что кто-то плакал, но потом плач прекратился. Видимо, ребёнок на время успокоился, а сейчас снова принялся кричать. Крик доносился из ближайшей мансарды и звучал жалостно и одиноко.

— Бедная малютка! — сказал Малыш. — Может быть, у неё болит живот.

— Это мы сейчас выясним, — отозвался Карлсон.

Они поползли вдоль карниза, пока не добрались до окна мансарды. Карлсон поднял голову и осторожно заглянул в комнату.

— Чрезвычайно заброшенный младенец, — сказал он. — Ясное дело, отец с матерью где-то бегают.

Ребёнок прямо надрывался от плача.

— Спокойствие, только спокойствие! — Карлсон приподнялся над подоконником и громко произнёс: — Идёт Карлсон, который живёт на крыше — лучшая

добрият бавач на деца в целия свят.

На Дребосъчето не му се искаше да остане сам на прозореца. Прехвърли се при Карлсон, като си мислеше с известен страх какво ли би станало, ако изведнъж се появят родителите на детето. Но Карлсон беше съвсем спокоен. Той приближи креватчето, в което лежеше бебето, и го погъделичка с пълничкия показалец под брадичката.

— Гъдел-гъдел-гъдел! — каза той закачливо и след това, обърнал се към Дребосъчето, обясни: — Всякога така усмиряват пеленачетата, когато се разплачат.

Бебето затихна за миг от учудване, но пак се разрева с нова сила.

— Гъдел-гъдел-гъдел! — повтори Карлсон и добави: — А деца се бавят и ей така...

Той взе детето на ръце и го подруса силничко няколко пъти.

Изглежда, това се стори забавно на бебето, защото то се усмихна леко с беззъбата си устица. Карлсон беше много горд.

— Колко е лесно да развеселиш едно детенце! — каза той. — Най-доброят бавач в света — това съм аз...

Но не можа да довърши, защото детето заплака отново.

— Гъдел-гъдел-гъдел! — изрева раздразнено Карлсон и задруса още по-силно малкото момиченце. — Чуваш ли какво ти казвам! Гъдел-гъдел-гъдел! Разбираш ли?

Но момиченцето пискаше с цяло гърло и Дребосъчето протегна към него ръце.

— Дай аз да го взема — каза той. Дребосъчето обичаше малките деца и често молеше майка си и баща си да му подарят една малка сестричка, щом толкова упорито отказват да му купят кученце.

Той взе от ръцете на Карлсон плачещия пакет и го притисна нежно към себе си.

— Не плачи, мъничка моя! — каза Дребосъчето. — Ти си толкова миличка!

Момиченцето мълкна, погледна Дребосъчето с блестящи сериозни очи, после се усмихна със своята беззъба устица и забъбра нещо тихично.

в мире нянька.

Малышу не захотелось оставаться одному на крыше, и он тоже перелез через окно вслед за Карлсоном, со страхом думая о том, что будет, если вдруг появятся родители малютки. Зато Карлсон был совершенно спокоен. Он подошёл к кроватке, в которой лежал ребёнок, и пощекотал его под подбородком своим толстеньким указательным пальцем.

— Плюти-плюти-плют! — сказал он шаловливо, затем, обернувшись к Малышу, объяснил: — Так всегда говорят грудным детям, когда они плачут.

Младенец от изумления на мгновение затих, но тут же разревелся с новой силой.

— Плюти-плюти-плют! — повторил Карлсон и добавил: — А ещё с детьми вот как делают...

Он взял ребёнка на руки и несколько раз энергично его встряхнул.

Должно быть, малютке это показалось забавным, потому что она вдруг слабо улыбнулась беззубой улыбкой. Карлсон был очень горд.

— Как легко развеселить крошку! — сказал он. — Лучшая в мире нянька — это...

Но закончить ему не удалось, так как ребёнок опять заплакал.

— Плюти-плюти-плют! — раздражённо прорычал Карлсон и стал ещё сильнее трясти девочку. — Слышишь, что я тебе говорю? Плюти-плюти-плют! Понятно?

Но девочка орала во всю глотку, и Малыш протянул к ней руки.

— Дай-ка я её возьму, — сказал он. Малыш очень любил маленьких детей и много раз просил маму и папу подарить ему маленькую сестрёнку, раз уж они наотрез отказываются купить собаку.

Он взял из рук Карлсона кричащий свёрток и нежно прижал его к себе.

— Не плачь, маленькая! — сказал Малыш. — Ты ведь такая милая...

Девочка затихла, посмотрела на Малыша серьёзными блестящими глазами, затем снова улыбнулась своей беззубой улыбкой и что-то

— Моето „гъдел-гъдел-гъдел“ подейства — заговори Карлсон. — „Гъдел-гъдел-гъдел“ винаги оказва въздействие. Хиляди пъти съм проверявал.

— Любопитно е как се казва? — рече Дребосъчето и лекичко погали с показалеца си малката нежна бузка на момиченцето.

— Гюлфия — отговори Карлсон. — Така най-често наричат малките момиченца.

Дребосъчето никога не беше чувал да наричат някое момиченце Гюлфия, но си помисли, че най-добрата бавач на деца в целия свят най-добре ще знае как наричат най-често децата.

— Мъничка Гюлфия, струва ми се, че искаш да ядеш — каза Дребосъчето, като гледаше как детето се мъчеше да засмуче неговия показалец.

— Ако Гюлфия е гладна, тука има салам и картофи — каза Карлсон, като хвърли поглед към буфета.

— Нито едно дете в света няма да умре от глад, докато Карлсон разполага със салам и картофи.

— Такива малки деца се хранят според мене с мляко — възрази Дребосъчето.

— Значи ти мислиш, че най-добрият в целия свят бавач на деца не знае с какво се хранят малките деца! — възмути се Карлсон. — Но щом толкова настояваш, аз мога да отлетя от покрива... — Тогава Карлсон погледна недоволно към прозореца и добави: — Макар че трудно ще прекараме кравата през такова малко прозорче.

Гюлфия напразно хващаща пръста на Дребосъчето и жално хленчеше. Наистина изглеждаше гладна.

Дребосъчето потършува в буфета, но мляко не намери: там имаше чинийка с три късчета салам.

— Спокойствие и само спокойствие! — каза Карлсон. — Спомних си откъде може да се достави мляко, но за това трябва да отлетя за минутка на едно място... Довиждане, скоро ще се върна!

Той натисна копчето на корема си и още преди да се опомни Дребосъчето, излетя през прозореца.

тихонько залепетала.

— Это мой плюти-плюти-плют подействовал, — произнёс Карлсон. — Плюти-плюти-плют всегда действует безотказно. Я тысячи раз проверял.

— Интересно, а как её зовут? — сказал Малыш и легонько провёл указательным пальцем по маленькой неясной щёчке ребёнка.

— Гюль-фия, — ответил Карлсон. — Маленьких девочек чаще всего зовут именно так.

Малыш никогда не слыхал, чтобы какую-нибудь девочку звали Гюль-фия, но он подумал, что уж кто-то, а лучшая в мире нянька знает, как обычно называют таких малюток.

— Малышка Гюль-фия, мне кажется, что ты хочешь есть, — сказал Малыш, глядя, как ребёнок норовит схватить губами его указательный палец.

— Если Гюль-фия голодна, то вот здесь есть колбаса и картошка, — сказал Карлсон, заглянув в буфет. — Ни один младенец в мире не умрёт с голоду, пока у Карлсона не переведутся колбаса и картошка.

Но Малыш сомневался, что Гюль-фия станет есть колбасу и картошку.

— Таких маленьких детей кормят, по-моему, молоком, — возразил он.

— Значит, ты думаешь, лучшая в мире нянька не знает, что детям дают и чего не дают? — возмутился Карлсон. — Но если ты так настаиваешь, я могу слетать за коровой... — Тут Карлсон недовольно взглянул на окно и добавил: — Хотя трудно будет протащить корову через такое маленькое окошко.

Гюль-фия тщетно ловила палец Малыша и жалобно хныкала. Действительно, похоже было на то, что она голодна.

Малыш пошарил в буфете, но молока не нашёл: там стояла лишь тарелка с тремя кусочками колбасы.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Я вспомнил, где можно достать молока... Мне придётся кое-куда слетать... Привет, я скоро вернусь!

Он нажал кнопку на животе и, прежде чем Малыш успел опомниться, стремительно вылетел из окна.

Дребосъчето страшно се изплаши. Ами ако Карлсон по навик изчезне за няколко часа? Ами ако родителите на детето се върнат вкъщи и видят своята Гюлфия в ръцете на Дребосъчето?

Но този път не стана нужда да се вълнува силно. Карлсон не го оставил да чака дълго. Горд като петел, той долетя през прозореца, като държеше в ръка шише с биберон, с каквито кърмят сукалчетата.

— Откъде го взе? — учуди се Дребосъчето.

— Оттам, откъде обикновено си вземам мляко — отговори Карлсон. — Взех го от един балкон в Остермалм.

— Как? Ти си го задигнал? — извика Дребосъчето.

— Аз го... взех на заем.

— На заем ли? А кога смяташ да го върнеш?

— Никога!

Дребосъчето погледна строго Карлсон. Но Карлсон махна само с ръка:

— Дреболия, обикновено нещо... Всичко на всичко едно мъничко шишенце с мляко. Там живее семейство, дето се родиха трима близнаци, и на тяхния балкон има цяла кофа с лед, пълна-препълнена с такива шишенца. Те само ще се зарадват, че съм взел малко мляко за Гюлфия.

Гюлфия протегна малките си ръчички към бутилчицата и замляска нетерпеливо.

— Ей сега ще стопля млякото — рече Дребосъчето и предаде Гюлфия на Карлсон, който отново почна да крещи „гъдел-гъдел-гъдел“ и да друса малката.

През това време Дребосъчето включи котлона и се зае да затопли бутилчицата.

След няколко минути Гюлфия вече лежеше в своето креватче и спеше дълбоко. Тя беше сита и доволна. Дребосъчето се щураше около нея. Карлсон люлееше креватчето и то скърцаше.

— Гъдел-гъдел-гъдел!... Гъдел-гъдел-гъдел!... — високо и напевно повтаряше той.

Но въпреки този шум Гюлфия заспа, защото беше нахранена и уморена.

— А сега, преди да си отидем, нека да направим някоя пакост — предложи Карлсон.

Той отиде до буфета и извади чинията с нарязания

Малыш страшно перепугался. Что, если Карлсон, как обычно, пропадёт на несколько часов? Что, если родители ребёнка вернутся домой и увидят свою Гюль-фию на руках у Малыша?

Но Малышу не пришлось сильно волноваться — на этот раз Карлсон не заставил себя долго ждать. Гордый, как петух, он влетел в окно, держа в руках маленькую бутылочку с соской, такую, из которой обычно пьют грудных детей.

— Где ты её достал? — удивился Малыш.

— Там, где я всегда беру молоко, — ответил Карлсон, — на одном балконе в Остермальме.

— Как, ты её просто стащил? — воскликнул Малыш.

— Я её... взял взаймы.

— Взаймы? А когда ты собираешься её вернуть?

— Никогда!

Малыш строго посмотрел на Карлсона. Но Карлсон только махнул рукой:

— Пустяки, дело житейское... Всего-навсего одна крошка бутылочка молока. Там есть семья, где родилась тройня, и у них на балконе в ведре со льдом полным-полно таких бутылочек. Они будут только рады, что я взял немного молока для Гюль-фи.

Гюлфия протянула свои маленькие ручки к бутылке и нетерпеливо зачмокала.

— Я сейчас погрею молочко, — сказал Малыш и передал Гюлфии Карлсону, который снова стал вопить: "Плюти-плюти-плют" и трясти малютку.

А Малыш тем временем включил плитку и стал греть бутылочку.

Несколько минут спустя Гюлфия уже лежала в своей кроватке и крепко спала. Она была сыта и довольна. Малыш суетился вокруг неё. Карлсон яростно раскачивал кроватку и громко распевал:

— Плюти-плюти-плют... Плюти-плюти-плют...

Но, несмотря на весь этот шум, Гюлфия заснула, потому что она наелась и устала.

— А теперь, прежде чем уйти отсюда, давай попроказничаем, — предложил Карлсон.

Он подошёл к буфету и вынул тарелку с

салам. Дребосъчето го следеше, ококорил се от почуда. Карлсон взе от чинията едно парченце салам.

— Сега ще видиш какво значи да се пакости. — И Карлсон окачи парченцето салам на дръжката на вратата. — Номер първи — каза той и кимна доволен. После Карлсон изтича до шкафчето, на което имаше красив бял порцеланов гълъб. Преди Дребосъчето да успее да продума, и в човката на гълъба се намери салам.

— Номер втори — рече Карлсон. — А номер три ще получи Гюлфия.

Той грабна от чинията последното парченце салам и го пъхна в ръчичката на Гюлфия. Това наистина изглеждаше доста смешно. Можеше да се помисли, че Гюлфия сама е станала, взела е парченцето салам и е заспала с него.

Но Дребосъчето все пак каза:

— Моля ти се, не прави това!

— Спокойствие и само спокойствие! — отговори Карлсон. — Ние ще отучим нейните родители да излизат вечер от къщи.

— Защо? — учуди се Дребосъчето.

— Бебе, което ходи и си взема само салам, те няма да се решат да оставят самичко възьши. Кой може да предвиди какво ще му хрумне да вземе друг път? Може например бащината си празнична вратовръзка.

И Карлсон провери дали няма да падне саламът от малката ръчичка на Гюлфия.

— Спокойствие и само спокойствие! — продължаваше той. — Аз зная какво правя. Нали съм най-доброят в целия свят бавач.

Тъкмо в този миг Дребосъчето чу някой да се качва по стълбата и подскочи от страх.

— Идат! — прошепна той.

— Спокойствие и само спокойствие! — каза Карлсон и повлече Дребосъчето към прозореца.

Пъхнаха вече ключа в ключалката. Дребосъчето реши, че са пропаднали. Но за щастие те все пак успяха да излязат на покрива. В следната минута хлопна вратата и до Дребосъчето долетяха тия думи:

нарезанной колбасой. Малыш следил за ним, широко раскрыв глаза от удивления. Карлсон взял с тарелки один кусочек.

— Вот сейчас ты увидишь, что значит проказничать.

— И Карлсон нацепил кусочек колбасы на дверную ручку. — Номер первый, — сказал он и с довольным видом кивнул головой. Затем Карлсон подбежал к шкафчику, на котором стоял красивый белый фарфоровый голубь, и, прежде чем Малыш успел вымолвить слово, у голубя в клюве тоже оказалась колбаса.

— Номер второй, — проговорил Карлсон. — А номер третий получит Гюль-фия.

Он схватил с тарелки последний кусок колбасы и сунул его в ручку спящей Гюль-фии. Это и в самом деле выглядело очень смешно. Можно было подумать, что Гюль-фия сама встала, взяла кусочек колбасы и заснула с ним.

Но Малыш всё же сказал:

— Прошу тебя, не делай этого.

— Спокойствие, только спокойствие! — ответил Карлсон. — Мы отучим её родителей убегать из дома по вечерам.

— Почему? — удивился Малыш.

— Ребёнка, который уже ходит и берёт себе колбасу, они не решатся оставить одного. Кто может предвидеть, что она захочет взять в другой раз? Быть может, папин воскресный галстук?

И Карлсон проверил, не выпадет ли колбаса из маленькой ручки Гюль-фии.

— Спокойствие, только спокойствие! — продолжал он. — Я знаю, что делаю. Ведь я — лучшая в мире нянька.

Как раз в этот момент Малыш услышал, что кто-то поднимается по лестнице, и подскочил от испуга.

— Они идут! — прошептал он.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и потащил Малыша к окну.

В замочную скважину уже всунули ключ. Малыш решил, что всё пропало. Но, к счастью, они всё-таки успели вылезти на крышу. В следующую секунду хлопнула дверь, и до Малыша долетели слова:

— А милата малка Сусанка спи ли, спи! — каза жената.

— Да, спи си нашата щерчица — добави мъжът.

Но изведнъж се раздаде вик. Навярно башата и майката на Гюлфия бяха забелязали, че момиченцето стиска в ръчичката парче салам.

Дребосъчето не дочака да чуе какво ще кажат родителите на Гюлфия за лудориите на най-доброя в света бавач, който, щом чу гласа им, се скри бързо зад комина.

— Искаш ли да видиш едни крадци? — попита Карлсон Дребосъчето, когато се спряха да си поемат дъх. — Тук при мене в таванска стая живеят двама първокласни крадци.

Карлсон говореше така, сякаш тия крадци бяха негова собственост. Дребосъчето се усъмни малко, но, така или иначе, прииска му се да ги види.

От прозореца на таванска стая, която посочи Карлсон, долита висок говор, смях и викове.

— О, тук цари веселие! — извика Карлсон. — Да идем да видим с какво се забавляват толкова.

Карлсон и Дребосъчето отново запълзяха край корниза. Когато стигнаха до таванска стая, Карлсон повдигна глава и погледна през прозореца. Завесата беше спусната. Но Карлсон намери дупчица, през която се виждаше цялата стая.

— Крадците имат гостенин — пошепна Карлсон. И Дребосъчето надзърна през дупката. В стаята седяха двама души, които напълно приличаха на крадци, и един славен скромен момък, подобен на ония младежи, които Дребосъчето беше виждал в селото, дето живееше баба му.

— Знаеш ли какво мисля? — пошепна Карлсон. — Мисля, че моите крадци смятат да извършат нещо лошо. Но ние ще им попречим... — Карлсон още веднъж погледна през дупката. — Готов съм да се обзаложа на каквото искаш, че те се канят да оберат клетия момък с червената връзка!

Крадците и момъкът с връзката седяха около малка масичка до самия прозорец. Те ядяха и пиеха.

От време на време крадците потупваха приятелски своя гост по рамото, като повтаряха:

— Колко добре стана, че те срещнахме, драги

— А наша милая маленькая Сусанна спит себе да спит! — сказала женщина.

— Да, дочка спит, — отозвался мужчина.

Но вдруг раздался крик. Должно быть, папа и мама Гуль-фии заметили, что девочка сжимает в ручке кусок колбасы.

Малыш не стал ждать, что скажут родители Гуль-фии о проделках лучшей в мире няньки, которая, едва заслышав их голоса, быстро спряталась за трубу.

— Хочешь увидеть жуликов? — спросил Карлсон Малыша, когда они немного отдохнули. — Тут у меня в одной мансарде живут два первоклассных жулика.

Карлсон говорил так, словно эти жулики были его собственностью. Малыш в этом усомнился, но, так или иначе, ему захотелось на них поглядеть.

Из окна мансарды, на которое указал Карлсон, доносился громкий говор, смех и крики.

— О, да здесь царит веселье! — воскликнул Карлсон.
— Пойдём взглянем, чем это они так забавляются.

Карлсон и Малыш опять поползли вдоль карниза. Когда они добрались до мансарды, Карлсон поднял голову и посмотрел в окно. Оно было занавешено. Но Карлсон нашёл дырку, сквозь которую была видна вся комната.

— У жуликов гость, — прошептал Карлсон.

Малыш тоже посмотрел в дырку. В комнате сидели два субъекта, по виду вполне похожие на жуликов, и славный скромный малый вроде тех парней, которых Малыш видел в деревне, где жила его бабушка.

— Знаешь, что я думаю? — прошептал Карлсон. — Я думаю, что мои жулики затеяли что-то нехорошее. Но мы им помешаем... — Карлсон ещё раз поглядел в дырку. — Готов поспорить — они хотят обобрать этого беднягу в красном галстуке!

Жулики и парень в галстуке сидели за маленьким столиком у самого окна. Они ели и пили.

Время от времени жулики дружески похлопывали своего гостя по плечу, приговаривая:

— Как хорошо, что мы тебя встретили, дорогой

Оскар!

— И аз се радвам на нашето познанство — отговаряше Оскар. — Когато идваш за пръв път в града, много ти се иска да намериш добри другари, верни и надеждни. А то виж, че си попаднал на някои мошеници, които веднага ще те изиграят и ограбят.

Крадците потвърждаваха:

— Разбира се. Лесно можеш да станеш жертва на мошеници. Имаше късмет, че срещна Филе и мене.

— Ясно като бял ден. Ако не беше срещнал Руле и мене, щеше да си изплатиш, а сега яж и пий на воля! — каза тоя, когото наричаха Филе, и потупа отново Оскар по рамото.

Но после Филе направи нещо, което слиса Дребостъчето: крадецът като че ли случайно пъхна ръка в задния джоб на Оскаровите панталони, измъкна портмонето му и внимателно го пъхна в своя собствен заден джоб. Оскар нищо не забеляза, защото тъкмо тогава Руле го прегръщаше горещо. А когато Руле прекрати своите горещи прегръдки, в ръцете му се беше озовал часовникът на Оскар. Руле също така го скри в задния джоб на панталоните си и Оскар пак нищо не забеляза.

Но изведнъж Карлсон, който живееше на покрива, пъхна предпазливо своята дебела ръчичка под завеската на прозореца и измъкна от джоба на Филе портмонето на Оскар. И Филе нищо не забеляза. После Карлсон пъхна отново под завеската дебелата си ръчичка и измъкна часовника от джоба на Руле. И оня нищо не забеляза.

Но след няколко минути, когато Руле, Филе и Оскар хапнаха и пийнаха още, Филе пъхна ръка в джоба си и разбра, че портмонето е изчезнало. Тогава той погледна злобно Руле и каза:

— Слушай, Руле, я ела да идем в антрето! Трябва да поговорим за нещо.

Тъкмо в тоя миг Руле бъркна в джоба си и забеляза, че часовникът е изчезнал, и той, на свой ред, изгледа злобно Филе и рече:

— Да идем! И аз искам да говоря с тебе.

Филе и Руле излязоха в антрето, а клетият Оскар остана съвсем сам. Навярно му дотегна да седи самичък, та и той излезе в антрето, за да види какво

Оскар!

— Я теже очень рад нашему знакомству, — отвечал Оскар. — Когда впервые приезжаешь в город, очень хочется найти добрых друзей, верных и надежных. А то налетишь на каких-нибудь мошенников, и они тебя мигом облапоша.

Жулики одобрительно поддакивали:

— Конечно. Недолго стать жертвой мошенников. Тебе, парень, здорово повезло, что ты встретил Филле и меня.

— Ясное дело, не повстречай ты Рулле и меня, тебе бы худо пришлось. А теперь ешь да пей в свое удовольствие, — сказал тот, которого звали Филле, и вновь хлопнул Оскара по плечу.

Но затем Филле сделал нечто такое, что совершенно изумило Малыша: он как бы случайно сунул свою руку в задний карман брюк Оскара, вынул оттуда бумажник и осторожно засунул его в задний карман своих собственных брюк. Оскар ничего не заметил, потому что как раз в этот момент Рулле стиснул его в своих объятиях. Когда же Рулле наконец разжал объятия, у него в руке оказались часы Оскара. Рулле их также отправил в задний карман своих брюк. И Оскар опять ничего не заметил.

Но вдруг Карлсон, который живёт на крыше, осторожно просунул свою пухлую руку под занавеску и вытащил из кармана Филле бумажник Оскара. И Филле тоже ничего не заметил. Затем Карлсон снова просунул под занавеску свою пухлую руку и вытащил из кармана Рулле часы. И тот тоже ничего не заметил.

Но несколько минут спустя, когда Рулле, Филле и Оскар ещё выпили и закусили, Филле сунул руку в свой карман и обнаружил, что бумажник исчез. Тогда он злобно взглянул на Рулле и сказал:

— Послушай-ка, Рулле, давай выйдем в прихожую. Нам надо кое о чём потолковать.

А тут как раз Рулле полез в свой карман и заметил, что исчезли часы. Он, в свою очередь, злобно поглядел на Филле и произнёс:

— Пошли! И у меня есть к тебе разговор.

Филле и Рулле вышли в прихожую, а бедняга Оскар остался совсем один. Ему, должно быть, стало скучно сидеть одному, и он тоже вышел в

правят неговите нови другари.

Тогава Карлсон скочи бързо през прозореца и сложи портмонето в супника, но тъй като Филе, Рулле и Оскар бяха изяли всичката супа, портмонето не се намокри. А часовника Карлсон закачи на лампата, която висеше на лично място и леко се поклащаше. Филе, Рулле и Оскар видяха часовника веднага щом се върнаха в стаята.

Но не забелязаха Карлсон, защото той се пъхна под масата, чиято покривка стигаше до пода. Под масата седеше и Дребосъчето, който въпреки своя страх по никой начин не искаше да остави Карлсон сам в такова опасно положение.

— Я гледайте, на лампата се клати моят часовник!
— извика учуден Оскар. — Как е могъл да попадне там?

Той отиде под лампата, сне часовника и го сложи в джоба на куртката си.

— А тука е моето портмоне, честна дума! — извика пак Оскар, като погледна случайно в супника. — Чудно нещо!

Рулле и Филе погледнаха Оскар смяяни.

— Вижда се, и момчетата от вашето село си ги бива — казаха те.

После Оскар, Рулле и Филе пак седнаха на масата.

— Драги Оскар — каза Филе, — яж и пий до насита!

И те отново почнаха да ядат, да пият и да се тупат един друг по раменете.

След няколко минути Филе повдигна покривката и хвърли портмонето на Оскар под масата. Навсякъде предполагаше, че под масата портмонето ще бъде на по-сигурно място, отколкото в джоба му. Но излезе иначе. Карлсон, който седеше под масата, взе портмонето и го пъхна в ръката на Рулле. Тогава Рулле каза:

— Филе, аз бях несправедлив към тебе, ти си благороден човек.

Подир известно време Рулле пъхна ръката си под покривката и сложи часовника под масата. Карлсон го взе, побутна с крак Филе и го сложи в ръката му. А Филе рече:

— Няма по-добър другар от тебе, Рулле!

прихожую, чтобы посмотреть, что там делают его новые друзья.

Тогда Карлсон быстро перемахнул через подоконник и положил бумажник в суповую миску. Так как Филле, Рулле и Оскар уже съели весь суп, то бумажник не намок. Что же касается часов, то их Карлсон прицепил к лампе. Они висели на самом виду, слегка раскачиваясь, и Филле, Рулле и Оскар увидели их, как только вернулись в комнату.

Но Карлсона они не заметили, потому что он залез под стол, накрытый свисающей до пола скатертью. Под столом сидел и Малыш, который, несмотря на свой страх, ни за что не хотел оставить Карлсона одного в таком опасном положении.

— Гляди-ка, на лампе болтаются мои часы! — удивлённо воскликнул Оскар. — Как они могли туда попасть?

Он подошёл к лампе, снял часы и положил их в карман своей куртки.

— А здесь лежит мой бумажник, честное слово! — ещё больше изумился Оскар, заглянув в суповую миску. — Как странно!

Рулле и Филле уставились на Оскара.

— А у вас в деревне парни, видно, тоже не промах! — воскликнули они хором.

Затем Оскар, Рулле и Филле опять сели за стол.

— Дорогой Оскар, — сказал Филле, — ешь и пей досыта!

И они снова стали есть и пить и похлопывать друг друга по плечу.

Через несколько минут Филле, приподняв скатерть, бросил бумажник Оскара под стол. Видно, Филле полагал, что на полу бумажник будет в большей сохранности, чем в его кармане. Но вышло иначе: Карлсон, который сидел под столом, поднял бумажник и сунул его в руку Рулле. Тогда Рулле сказал:

— Филле, я был к тебе несправедлив, ты благородный человек.

Через некоторое время Рулле просунул руку под скатерть и положил на пол часы. Карлсон поднял часы и, толкнув Филле ногой, вложил их ему в руку. Тогда и Филле сказал:

— Нет товарища надёжнее тебя, Рулле!

Но тогава Оскар извика:

— А къде ми е портмонето? Къде ми е часовникът?

В този миг и портмонето, и часовникът се озоваха пак на пода под масата, защото нито Филе, нито Руле искаха да бъдат хванати с явни улики, ако Оскар вдигнеше скандал. А Оскар вече почваше да се горещи, като гръмко искаше да му върнат вещите. Тогава Филе се разви:

— Отде да зная къде си дянал мръсното си портмоне!

А Руле добави:

— Не сме виждали твоя скапан часовник! Сам трябва да си пазиш нещата!

В това време Карлсон взе от пода първо портмонето, а после часовника и ги пъхна направо в ръцете на Оскар. Оскар стисна своите вещи и извика:

— Благодаря ти, мили Филе, благодаря и на тебе, Руле, но друг път не се шегувайте така с мене!

Тогава Карлсон ритна с всички сили Филе по крака.

— Ти ще ми платиш за това, Руле! — изохка Филе.

А Карлсон в това време така удари Руле по крака, че той направо зарева от болка.

— Ти побърка ли се? Защо се биеш? — извика Руле.

Руле и Филе наизскачаха от масата и почнаха така силно да се бият, че всички чинии изпопадаха на пода и се изпочупиха. А Оскар, примрял от страх, пъхна в джоба си портмонето и часовника и избяга у дома, като вече никога не се върна тук.

Дребосъчето също се изплаши, но той не можеше да избяга у дома си, затова се бе спотаил под масата.

Филе беше по-силен от Руле. Той изтика Руле в антрето, за да се разправи там докрай с него.

Тогава Карлсон и Дребосъчето се измъкнаха бързо изпод масата. Карлсон, като видя изпочупените чинии по пода, каза:

— Всички чинии са счупени, а супникът е цял-целеничък. Колко ще е мъчно на тоя супник сам-

Но тут Оскар завопил:

— Где мой бумажник? Где мои часы?

В тот же миг и бумажник и часы вновь оказались на полу под столом, потому что ни Филле, ни Рулле не хотели быть пойманными с поличным, если Оскар поднимет скандал. А Оскар уже начал выходить из себя, громко требуя, чтобы ему вернули его вещи. Тогда Филле закричал:

— Почем я знаю, куда ты дел свой паршивый бумажник!

А Рулле добавил:

— Мы не видели твоих дрянных часов! Ты сам должен следить за своим добром.

Тут Карлсон поднял с пола сперва бумажник, а потом часы и сунул их прямо в руки Оскару. Оскар схватил свои вещи и воскликнул:

— Спасибо тебе, милый Филле, спасибо, Рулле, но в другой раз не надо со мной так шутить!

Тут Карлсон изо всей силы стукнул Филле по ноге.

— Ты у меня за это поплатишься, Рулле! — завопил Филле.

А Карлсон тем временем ударил Рулле по ноге так, что тот прямо завыл от боли.

— Ты что, рехнулся? Чего ты дерёшься? — крикнул Рулле.

Рулле и Филле выскочили из-за стола и принялись тузить друг друга так энергично, что все тарелки попадали на пол и разбились, а Оскар, до смерти перепугавшись, сунул в карман бумажник и часы и убрался восвояси. Больше он сюда никогда не возвращался.

Малыш тоже очень испугался, но он не мог убраться восвояси и поэтому, притаившись, сидел под столом.

Филле был сильнее Рулле, и он вытолкнул Рулле в прихожую, чтобы там окончательно с ним расправиться.

Тогда Карлсон и Малыш быстро вылезли из-под стола. Карлсон, увидев осколки тарелок, разбросанные по полу, сказал:

— Все тарелки разбиты, а суповая миска цела. Как, должно быть, одиноко этой бедной суповой миске!

саменичък!

И той с всички сили пухна супника о пода. После Дребосъчето и Карлсон се втурнаха към прозореца и се прехвърлиха на покрива.

Дребосъчето чу как Филе и Рулле се върнаха в стаята и как Филе попита:

— А тебе, глупако, кой те би по главата, та му даде портмонето и часовника?

— Ти да не си се побъркал? — отговори Рулле. — Нали ти му ги даде?

Като чу как се хулят, Карлсон толкова силно се разсмя, че коремът му се затресе.

— Е, за днес стига толкова развлечения — проговори през смях той.

И на Дребосъчето му бе дошло до гуша от днешните лудории.

Беше се вече съвсем стъмнило, когато Дребосъчето и Карлсон, хванати за ръце, се промъкнаха към малката къщичка, сгущена зад комина върху покрива на същата сграда, където живееше Дребосъчето.

Когато бяха почти стигнали, чуха сирената на летяща по улицата пожарна кола.

— Сигурно някъде има пожар — каза Дребосъчето.
— Чуваш ли, минаха пожарниари.

— А може пожарът да е у вас — насырчително продума Карлсон. — Ти само веднага ми кажи. Аз на драго сърце ще им помогна, защото съм най-добрият в света пожарникар.

От покрива те видяха как пожарната спря при входа и около нея се струпа тълпа. Но огън не се виждаше никъде. Изведнъж от машината към покрива се издигна бързо дълга стълба, досущ като пожарникарската.

— Дали това не е за мене? — попита разтревожено Дребосъчето, спомнил си изведнъж за бележката, която беше оставил в своята стая; нали беше вече станало толкова късно!

— Не мога да разбера защо всички са се изпоплашили? Кой може да не хареса това, че си отишъл да се поразходиш по покрива? — възмути се Карлсон.

И он изо всех сил трахнул суповую миску об пол. Потом они с Малышом кинулись к окну и быстро вылезли на крышу.

Малыш услышал, как Филле и Рулле вернулись в комнату и как Филле спросил:

— А чего ради ты, болван, ни с того ни с сего отдал ему бумажник и часы?

— Ты что, спятил? — ответил Рулле. — Ведь это же ты сделал!

Услышав их ругань, Карлсон расхохотался так, что у него затрясся живот.

— Ну, на сегодня хватит развлечений! — проговорил он сквозь смех.

Малыш тоже был сыт по горло сегодняшними проделками.

Уже совсем стемнело, когда Малыш и Карлсон, взявшись за руки, побрали к маленькому домику, притаившемуся за трубой на крыше того дома, где жил Малыш.

Когда они уже почти добрались до места, то услышали, как, сигналя сиреной, по улице мчится пожарная машина.

— Должно быть, где-то пожар, — сказал Малыш. — Слышишь, проехали пожарные.

— А может быть, даже в твоём доме, — с надеждой в голосе проговорил Карлсон. — Ты только сразу же скажи мне. Я им охотно помогу, потому что я лучший в мире пожарный.

С крыши они увидели, как пожарная машина остановилась у подъезда. Вокруг неё собралась толпа, но огня что-то нигде не было заметно. И всё же от машины до самой крыши быстро выдвинулась длинная лестница, точь-в-точь такая, какая бывает у пожарных.

— Может, это они за мной? — с тревогой спросил Малыш, вдруг вспомнив о записке, которую он оставил у себя; ведь сейчас уже было так поздно.

— Не понимаю, чего все так переполошились. Неужели кому-то могло не понравиться, что ты отправился немного погулять по крыше? — возмутился Карлсон.

— Да — отговори Дребосъчето, — майка ми. Знаеш нейните нерви...

Когато Дребосъчето помисли за това, дожаля му за майка му и много му се прииска да се върне по-скоро въкъщи.

— А нямаше да е зле да се позабавляваме малко с пожарникарите... — рече Карлсон.

Но Дребосъчето не искаше повече да се забавлява. Той стоеше тихо и чакаше кога най-после ще стигне покрива пожарникарят, който вече се изкачваше по стълбата.

— Тогава прощавай, време е вече да спя — каза Карлсон. — Разбира се, ние се държахме добре, дори, направо казано — примерно. Но не трябва да се забравя, че тая сутрин аз имах силна температура, не по-малко от трийсет-четирийсет градуса.

И Карлсон заподскача към своята къщичка.

— Довиждане, Дребосъче! — извика той.

— Довиждане, Карлсон! — отвърна Дребосъчето, като не откъсваше поглед от пожарникаря, който се изкачваше все по-нависоко по стълбата.

— Ей, Дребосъче — извика Карлсон, преди да се скрие зад комина, — не казвай на пожарникарите, че живея тук! Нали аз съм най-добрият пожарникар в света и те ще вземат да ме викат, когато някъде пламне някой дом.

Пожарникарят беше вече близко.

— Стой на място и не мърдай! — заповядала той на Дребосъчето. — Чуваш ли, да не мърдаш от мястото си! Аз ей сега ще се изкача и ще те снема от покрива!

Дребосъчето помисли, че от страна на пожарникаря беше много мило, но безсмислено да го предупреждава. Нали цяла вечер Дребосъчето се разхожда по покривите и, разбира се, и сега би могъл да направи няколко крачки, за да стигне до стълбата.

— Мама ли те изпрати? — попита Дребосъчето пожарникарят, когато онът го взе на ръце и почна да се спуска.

— Да, майка ти. Разбира се. Но... стори ми се, че на покрива бяха две малки момчета.

Дребосъчето си спомни молбата на Карлсон и каза сериозно:

— Да, — ответил Малыш, — моей маме. Знаешь, у неё нервы...

Когда Малыш подумал об этом, он пожалел маму, и ему очень захотелось поскорее вернуться домой.

— А было бы неплохо слегка поразвлечься с пожарными... — заметил Карлсон.

Но Малыш не хотел больше развлекаться. Он тихо стоял и ждал, когда наконец доберётся до крыши пожарный, который уже лез по лестнице.

— Ну что ж, — сказал Карлсон, — пожалуй, мне тоже пора ложиться спать. Конечно, мы вели себя очень тихо, прямо скажу — примерно. Но не надо забывать, что у меня сегодня утром был сильный жар, не меньше тридцати — сорока градусов.

И Карлсон поскакал к своему домику.

— Привет, Малыш! — крикнул он.

— Привет, Карлсон! — отозвался Малыш, не отводя взгляда от пожарного, который поднимался по лестнице всё выше и выше.

— Эй, Малыш, — крикнул Карлсон, прежде чем скрыться за трубой, — не рассказывай пожарным, что я здесь живу! Ведь я лучший в мире пожарный и боюсь, они будут посыпать за мной, когда где-нибудь загорится дом.

Пожарный был уже близко.

— Стой на месте и не шевелись! — приказал он Малышу. — Слышишь, не двигайся с места! Я сейчас поднимусь и сниму тебя с крыши.

Малыш подумал, что со стороны пожарного предостерегать его было очень мило, но бессмысленно. Ведь весь вечер он разгуливал по крышам и, уж конечно, мог бы и сейчас сделать несколько шагов, чтобы подойти к лестнице.

— Тебя мама послала? — спросил Малыш пожарного, когда тот, взяв его на руки, стал спускаться.

— Ну да, мама. Конечно. Но... мне показалось, что на крыше было два маленьких мальчика.

Малыш вспомнил просьбу Карлсона и серьёзно сказал:

— Не, тук нямаше друго момче.

Наистина майката на Дребосъчето имаше „нерви“. Тя и бащата, и Босе, и Бетан, и още много други чужди хора стояха на улицата и чакаха Дребосъчето. Майка му се хвърли към него, прегърна го; тя и плачеше, и се смееше. После бащата взе Дребосъчето на ръце и го понесе към къщи, притиснал го силно към себе си.

— Как ни изплаши! — каза Босе.

И Бетан заплака и проговори през сълзи:

— Никога вече не прави така. Запомни, Дребосъче, никога!

Сложиха Дребосъчето в кревата и цялото семейство се събра около него, сякаш днес беше рожденият му ден. Но бащата каза много сериозно:

— Не можеше ли да разбереш, че ще се беспокоим? Не знаеше ли, че майка ти ще скърби и ще плаче?

Дребосъчето се сви в леглото.

— А за какво се беспокоихте? — промърмори той.

Майка му го прегърна силно.

— Помисли само! — каза тя. — Ами ако беше паднал от покрива? Ако те изгубехме?

— Щяхте ли да скърбите?

— А ти как мислиш? — отговори майка му. — За никакви съкровища на света не бихме се съгласили да се разделим с тебе. Ти сам знаеш това.

— И дори за сто хиляди милиона крони ли? — попита Дребосъчето.

— Дори и за сто хиляди милиона крони.

— Значи аз толкова скъпо струвам! — зачуди се Дребосъчето.

— Разбира се — каза майка му и го прегърна още веднъж.

Дребосъчето почна да размисля: сто хиляди милиона крони — какъв огромен куп пари! Наистина ли той може да струва толкова скъпо? Нали едно кученце, истинско, прекрасно кученце, може да се купи всичко за десет крони...

— Чуй ме, татко — каза изведнъж Дребосъчето, — ако аз наистина струвам сто хиляди милиона, не мога ли да получа още сега срещу тях десет крони в брой, за да си купя малко кученце?

— Нет, здесь не было другого мальчика.

У мамы действительно были "нервы". Она, и пapa, и Боссе, и Бетан, и ещё много всяких чужих людей стояли на улице и ждали Малыша. Мама кинулась к нему, обняла его; она и плакала, и смеялась. Потом пapa взял Малыша на руки и понёс домой, крепко прижимая к себе.

— Как ты нас напугал! — сказал Боссе.

Бетан тоже заплакала и проговорила сквозь слёзы:

— Никогда больше так не делай. Запомни, Малыш, никогда!

Малыша тут же уложили в кровать, и вся семья собралась вокруг него, как будто сегодня был день его рождения. Но пapa сказал очень серьёзно:

— Неужели ты не понимал, что мы будем волноваться? Неужели ты не знал, что мама будет вне себя от тревоги, будет плакать?

Малыш съёжился в своей постели.

— Ну, чего вы беспокоились? — пробормотал он.

Мама очень крепко обняла его.

— Подумай только! — сказала она. — А если бы ты упал с крыши? Если бы мы тебя потеряли?

— Вы бы тогда огорчились?

— А как ты думаешь? — ответила мама. — Ни за какие сокровища в мире мы не согласились бы расстаться с тобой. Ты же и сам это знаешь.

— И даже за сто тысяч миллионов крон? — спросил Малыш.

— И даже за сто тысяч миллионов крон!

— Значит, я так дорого стою? — изумился Малыш.

— Конечно, — сказала мама и обняла его ещё раз!

Малыш стал размышлять: сто тысяч миллионов крон — какая огромная куча денег! Неужели он может стоить так дорого? Ведь щенка, настоящего, прекрасного щенка, можно купить всего за пятьдесят крон...

— Послушай, пapa, — сказал вдруг Малыш, — если я действительно стою сто тысяч миллионов, то не могу ли я получить сейчас наличными пятьдесят крон, чтобы купить себе маленького щеночка?

Карлсон — призрак

Едва на другия ден през време на обяд родителите попитаха Дребосъчето как все пак беше попаднал на покрива.

— Да не си изпълзял през таванското прозорче? — попита майка му.

— Не, аз полетях с Карлсон, който живее на покрива — отговори Дребосъчето.

Майката и бащата се спогледаха.

— Не, така не може да продължава повече! — извика майката. — Тоя Карлсон ще ме накара да обезумея.

— Чуй ме, Дребосъче — каза бащата, — не съществува никакъв Карлсон, който да живее на покрива.

— „Не съществува!“ — повтори Дребосъчето. — Всеки случай вчера той съществуваше.

Майката поклати загрижено глава:

— Добре, че наближава ваканцията и ти ще отидеш при баба си. Надявам се, че там Карлсон няма да те преследва.

Дребосъчето не беше още мислил за тази неприятност. Нали скоро ще го изпратят да прекара лятото при баба си на село! А това значи два месеца да не вижда Карлсон.

Разбира се, лете при баба е много хубаво, там всяко става весело, но Карлсон... Ами ако Карлсон не живее вече на техния покрив, когато Дребосъчето се върне в града?

Дребосъчето седеше облакътен на масата, обърнал с ръце главата си. Той не можеше да си представи своя живот без Карлсон.

— Не знаеш ли, че не бива да се облягаш с лакти на масата? — попита Бетан.

— Ти гледай себе си! — озъби се Дребосъчето.

— Дребосъче, вдигни лактите си от масата — каза майката. — Да ти сложа ли цветно зеле?

— Не, по-скоро ще умра, отколкото да ям зеле!

— Ох! — въздъхна бащата. — Трябва да кажеш: „Не, благодаря!“

„Защо така се надпреварват да командват момчето, което струва сто хиляди милиона?“ — помисли си

КАРЛСОН ИГРАЕТ В ПРИВИДЕНИЯ

Только на следующий день, во время обеда, родители спросили Малыша, как он всё-таки попал на крышу.

— Ты что ж, пролез через слуховое окно на чердаке? — спросила мама.

— Нет, я полетел с Карлсоном, который живёт на крыше, — ответил Малыш.

Мама и папа переглянулись.

— Так дальше продолжаться не может! — воскликнула мама. — Этот Карлсон сведёт меня с ума!

— Послушай, Малыш, — сказал папа, — никакого Карлсона, который бы жил на крыше, не существует.

— "Не существует!" — повторил Малыш. — Вчера он, во всяком случае, существовал.

Мама озабоченно покачала головой:

— Хорошо, что скоро начнутся каникулы и ты уедешь к бабушке. Надеюсь, что там Карлсон не будет тебя преследовать.

Об этой неприятности Малыш ещё не думал. Ведь скоро его на всё лето пошлют в деревню к бабушке. А это значит, что он два месяца не увидит Карлсона.

Конечно, летом у бабушки очень хорошо, там всегда бывает весело, но Карлсон... А вдруг Карлсон уже не будет жить на крыше, когда Малыш вернётся в город?

Малыш сидел, опервшись локтями о стол и обхватив ладонями голову. Он не мог себе представить жизни без Карлсона.

— Ты разве не знаешь, что нельзя класть локти на стол? — спросила Бетан.

— Следи лучше за собой! — огрызнулся Малыш.

— Малыш, убери локти со стола, — сказала мама. — Положить тебе цветной капусты?

— Нет, лучше умереть, чем есть капусту!

— Ох! — вздохнул папа. — Надо сказать: "Нет, спасибо".

"Чего это они так раскомандовались мальчиком, который стоит сто тысяч миллионов", — подумал

Дребосьчето, но не изказа гласно мисълта си.

— Вие сами прекрасно разбираете, че когато казвам: „По-скоро ще умра, отколкото да ям зеле“, аз искам да кажа: „Не, благодаря“ — поясни той.

— Възпитаните хора никога не говорят така — каза бащата. — А ти нали искаш да станеш възпитан човек?

— Не, татко, по-добре да стана такъв, какъвто си ти — отговори Дребосьчето.

Майката, Босе и Бетан се разсмяха.

Дребосьчето не разбра за какво се смеят, но реши, че се смеят на баща му, а това Дребосьчето не можеше да претърпи.

— Да, аз искам да бъда такъв, какъвто си ти, татко! Ти си толкова добър! — произнесе Дребосьчето, като гледаше баща си.

— Благодаря ти, мое момче — каза баща му. — Значи наистина не искаш цветно зеле?

— Не, по-скоро ще умра, отколкото да ям зеле!

— Но то е много полезно — въздъхна майката.

— Навярно — каза Дребосьчето. — Отдавна съм забелязала: колкото едно ядене е по-безвкусно, толкова е по-полезно. Бих искал да зная защо всички тия витамини ги има само в това, което не е вкусно?...

— Витамините, разбира се, трябва да бъдат в шоколада и дъвката — забеляза духовито Босе.

— Това е най-умното от всичко, което си казвал напоследък — рече Дребосьчето.

След обяда Дребосьчето тръгна към стаята си. Той желаеше от все сърце Карлсон да долети по-скоро. След някой и друг ден Дребосьчето ще отпътува от града. Затова сега трябва да се срещат колкото се може по-често.

Навярно Карлсон почувства, че Дребосьчето го чака: едва-що беше подал носа си през прозорчето, и Карлсон пристигна.

— Сега ти нямаш температура, нали? — попита Дребосьчето.

— Температура ли? Аз да съм имал температура!... Никога не съм имал температура. Това беше внушение.

— Значи ти си беше внушил, че имаш температура? — зачуди се Дребосьчето.

Малыш, но вслух этого не высказал.

— Вы же сами прекрасно понимаете, что, когда я говорю: "Лучше умереть, чем есть капусту", я хочу сказать: "Нет, спасибо", — пояснил он.

— Так воспитанные люди не говорят, — сказал папа.

— А ты ведь хочешь стать воспитанным человеком?

— Нет, папа, я хочу стать таким, как ты, — ответил Малыш.

Мама, Боссе и Бетан расхохотались.

Малыш не понял, над чем они смеются, но решил, что смеются над его папой, а этого он уже никак не мог терпеть.

— Да, я хочу быть таким, как ты, папа. Ты такой хороший! — произнёс Малыш, глядя на отца.

— Спасибо тебе, мой мальчик, — сказал папа. — Так ты действительно не хочешь цветной капусты?

— Нет, лучше умереть, чем есть капусту!

— Но ведь она очень полезна, — вздохнула мама.

— Наверно, — сказал Малыш. — Я давно заметил: чем еда невкусней, тем она полезней. Хотел бы я знать, почему все эти витамины содержатся только в том, что невкусно?

— Витамины, конечно, должны быть в шоколаде и в жевательной резинке, — сострил Боссе.

— Это самое разумное из всего, что ты сказал за последнее время, — огрызнулся Малыш.

После обеда Малыш отправился к себе в комнату. Всем сердцем он желал, чтобы Карлсон прилетел поскорее. Ведь на днях Малыш уедет за город, поэтому теперь они должны встречаться как можно чаще.

Должно быть, Карлсон почувствовал, что Малыш его ждёт: едва Малыш высунул нос в окошко, как Карлсон уже был тут как тут.

— Сегодня у тебя нет жара? — спросил Малыш.

— У меня? Жара?.. У меня никогда не бывает жара! Это было внушение.

— Ты внущил себе, что у тебя жар? — удивился Малыш.

— Не, аз ти внуших, че имам температура — отговори радостно Карлсон и се засмя. — Познай кой е най-големият в света хитрец?

Карлсон не остана ни за минута на едно място. Като разговаряше, през цялото време обикаляше из стаята, пипаше, каквото му попадне под ръка, отваряше и затваряше с любопитство шкафовете и разглеждаше всичко с голям интерес.

— Не, сега нямам температура. Сега съм необикновено здрав и съм склонен да мисля за развлечения.

И Дребосъчето нямаше нищо против да се поразвлече. Но той искаше преди това баща му, майка му, Босе и Бетан да видят най-после Карлсон, та да престанат да му досаждат, като го убеждават, че Карлсон не съществува.

— Почакай ме една минутка — каза бързо Дребосъчето, — ей сегичка ще се върна.

И той се втурна през глава в гостната. Босе и Бетан не бяха външи — това, разбира се, беше твърде неприятно, — но майка му и баща му седяха до камината. Дребосъчето им каза, силно развълнуван:

— Мамо и татко, елате по-скоро в моята стая!

Той реши да не им говори предварително нищо за Карлсон — по-добре ще е, ако го видят без предупреждение.

— Может ли ще поседиш при нас? — предложи майка му.

Но Дребосъчето я потегли за ръката:

— Не, вие трябва да дойдете при мене. Там ще видите нещо...

Не особено дългите преговори завършиха успешно. Баща му и майка му тръгнаха с него. Щастливото Дребосъче радостно разтвори вратата на своята стая. Най-после ще видят Карлсон!

Но Дребосъчето едва не заплака, толкова се беше обезсърчил. Стаята се оказа празна, както и миналия път, когато доведе цялото семейство да се запознае с Карлсон.

— Е, какво трябва да видим тук? — попита бащата.

— Нищо особено — измърмори Дребосъчето.

За щастие в тоя миг се раздаде телефонен звън.

— Нет, это я тебе внушил, что у меня жар, — радостно ответил Карлсон и засмеялся. — Угадай, кто лучший в мире выдумщик?

Карлсон ни минути не стоял на месте. Разговаривая, он всё время кружил по комнате, трогал всё, что попадалось под руку, с любопытством открывал и закрывал ящики и разглядывал каждую вещь с большим интересом.

— Нет, сегодня у меня нет никакого жара. Сегодня я здоров как бык и расположен слегка поразвлечься.

Малыш тоже был не прочь поразвлечься. Но он хотел, чтобы прежде папа, мама, Боссе и Бетан увидели наконец Карлсона и перестали бы уверять Малыша, что Карлсон не существует.

— Подожди меня минуточку, — поспешил сказал Малыш, — я сейчас вернусь.

И он стремглав побежал в столовую. Боссе и Бетан дома не оказалось — это, конечно, было очень досадно, — но зато мама и папа сидели у камина. Малыш сказал им, сильно волнуясь:

— Мама и папа, идите скорей в мою комнату!

Он решил пока ничего не говорить им о Карлсоне — будет лучше, если они увидят его без предупреждения.

— А может, ты посидиш с нами? — предложила, мама.

Но Малыш потянул её за руку:

— Нет, вы должны пойти ко мне. Там вы увидите одну вещь...

Недолгие переговоры завершились успешно. Папа и мама пошли вместе с ним. Счастливый Малыш радостью распахнул дверь своей комнаты — наконец-то они увидят Карлсона!

И тут Малыш едва не заплакал, так он был обескуражен. Комната оказалась пустой, как и в тот раз, когда он привёл всю семью знакомиться с Карлсоном.

— Ну, что же мы должны здесь увидеть? — спросил папа.

— Ничего особенного... — пробормотал Малыш.

К счастью, в эту минуту раздался телефонный

Бащата отиде да говори по телефона, а майка му си спомни, че във фурничката се пече сладка баница, и побърза към кухнята. Така че тоя път Дребосьчето мина, без да дава обяснения.

Като остана сам, Дребосьчето седна до прозореца. Той се разсърди много на Карлсон и реши: щом прилети отново, да му каже откровено всичко, каквото мисли.

Но никой не приляя. Вместо това двете крила на шкафа се отвориха и оттам се подаде лукавото лице на Карлсон.

Дребосьчето просто се вцепени от учудване.

— Какво правиш в моя шкаф?

— Да ти кажа, че там съм мътил пилета — ще те излъжа. Ако ти кажа, че съм мислил за греховете си — пак ще те излъжа. Може би ако ти кажа, че съм лежал на полицата и съм почивал — това ще бъде истина! — отговори Карлсон.

Дребосьчето тозчас забрави, че е сърдит на Карлсон. Той беше толкова радостен, дето Карлсон се намери отново.

— Това е прекрасен гардероб, сякаш създаден нарочно за игра на криеница. Хайде да поиграем! Аз пак ще легна на полицата, а ти ще ме търсиш — каза Карлсон.

И не дочакал отговора на Дребосьчето, Карлсон се скри в гардероба. Дребосьчето чу как той се катери там, види се, на горната полица.

— Търси ме сега! — извика Карлсон.

Дребосьчето разтвори двете крила на гардероба и, разбира се, веднага видя Карлсон, който лежеше на полицата.

— Фу, какъв си противен! — завика Карлсон. — Не можа ли отначало поне малко да ме потърсиш под кревата, зад бюрото или някъде другаде? Щом си такъв, няма повече да играя с тебе. Фу, какъв си противен!

В тази минута се позвъни на входната врата и в антрето се чу гласът на майка му:

— Дребосьче, Кристер и Гунила дойдоха.

Това съобщение беше достатъчно, за да се подобри настроението на Карлсон.

— Почакай, сега ще им изиграем една шега! — пошепна той на Дребосьчето. — Я затвори по-

звонок. Папа пошёл говорить по телефону, а мама вспомнила, что в духовке у неё сидит сладкий пирог, и поспешила на кухню. Так что на этот раз Малышу не пришлось объясняться.

Оставшись один, Малыш присел у окна. Он очень сердился на Карлсона и решил высказать ему всё начистоту, если тот снова прилетит.

Но никто не прилетел. Вместо этого открылась дверца шкафа, и оттуда высунулась лукавая физиономия Карлсона.

Малыш просто осталбенел от изумления:

— Что ты делал в моём шкафу?

— Сказать тебе, что я там высиживал цыплят? Но это было бы неправдой. Сказать, что я думал о своих грехах? Это тоже было бы неправдой. Может быть, сказать, что я лежал на полке и отдыхал? Вот это будет правда! — ответил Карлсон.

Малыш тотчас же забыл, что сердился на Карлсона. Он был так рад, что Карлсон нашёлся.

— Этот прекрасный шкаф прямо создан для игры в прятки. Давай поиграем? Я опять лягу на полку, а ты будешь меня искать, — сказал Карлсон.

И, не дожидаясь ответа Малыша, Карлсон скрылся в шкафу. Малыш услышал, как он там карабкается, забираясь, видимо, на верхнюю полку.

— Ну, а теперь ищи! — крикнул Карлсон.

Малыш распахнул дверцы шкафа и, конечно, сразу же увидел лежащего на полке Карлсона.

— Фу, какой ты противный! — закричал Карлсон. — Ты что, не мог сначала хоть немножко поискать меня под кроватью, за письменным столом или ещё где-нибудь? Ну, раз ты такой, я с тобой больше не играю. Фу, какой ты противный!

В эту минуту раздался звонок у входной двери, и из передней послышался мамин голос:

— Малыш, к тебе пришли Кристер и Гунилла.

Этого сообщения было достаточно, чтобы у Карлсона улучшилось настроение.

— Подожди, мы сейчас с ними сыграем штуку! — прошептал он Малышу. — Притвори-ка за мной

плътно гардероба...

Едва успя да затвори гардероба, и в стаята влязоха Гунила и Кристер. Те живееха на същата улица, където живееше Дребосъчето, и учеха с него в един клас. Дребосъчето много харесваше Гунила и често разказваше на майка си колко е „ужасно хубава“.

Дребосъчето обичаше и Кристер и отдавна му беше простил за подутината на челото. Наистина с него често се посбиваха, но веднага се и помиряваха. Впрочем Дребосъчето не се биеше само с Кристер, а с почти всичките деца от тяхната улица. Само Гунила никога не биеше.

— Как така досега да не си ударил нито веднъж Гунила? — попита го майка му.

— Тя е така „ужасно хубава“, че няма защо да я бия.

Но и Гунила можеше да изкара някога Дребосъчето из търпение. Вчера например, когато тримата се връщаха от училище и Дребосъчето разказваше за Карлсон, Гунила се разсмя високо и каза, че всичко това е негова измислица. Кристер се съгласи с нея и Дребосъчето се принуди да го цапне. Кристер му отвърна тогава, като го замери с камъка.

Но сега, ни лук яли, ни лук мирисали, дойдоха на гости у Дребосъчето, а Кристер доведе дори и своето кученце Йофа. Дребосъчето толкова много се зарадва, че забрави за Карлсон, който лежеше на полицата в гардероба. „Няма на света по-хубаво нещо от кучето“ — помисли си Дребосъчето. Йофа скачаше и лаеше, а Дребосъчето го прегръщаше и милваше, Кристер стоеше наблизо и съвсем спокойно наблюдаваше как Дребосъчето гали Йофа. Той знаеше, че Йофа е негово кученце и на никого другиго, затова Дребосъчето можеше да играе с него колкото си иска.

Изведнъж в самия разгар на играта на Дребосъчето с Йофа Гунила попита, като се подсмиваше лукаво:

— А къде е твойт Карлсон, който живее на покрива? Ние мислеме, че ще го заварим при тебе.

И чак сега Дребосъчето си спомни, че Карлсон лежи на полицата в неговия гардероб. Но тъй като не знаеше каква лудория е измислил сега Карлсон, нищо не каза на Кристер и Гунила.

— Ти пък, Гунила, мислиш, че аз съм съчинил про-

поплотнее дверцу шкафа...

Малыш едва успел закръстър шкаф, как в комната вошли Гунила и Кристер. Они жили на той же улице, что и Малыш, и учились с ним в одном классе. Малышу очень нравилась Гунила, и он часто рассказывал своей маме, какая она "ужасно хорошая".

Кристера Малыш тоже любил и давно уже простили ему шишку на лбу. Правда, с Кристером они частенько дрались, но всегда тут же мирились. Впрочем, дрался Малыш не только с Кристером, а почти со всеми ребятами с их улицы. Но вот Гуниллу он никогда не бил.

— Как это получается, что ты ещё ни разу не стукнул Гуниллу? — спросила как-то мама.

— Она такая ужасно хорошая, что её незачем бить, — ответил Малыш.

Но всё же и Гунила могла иногда вывести Малыша из себя. Вчера, например, когда они втроймъ возвращались из школы и Малыш рассказывал им о Карлсоне, Гунила расхохоталась и сказала, что всё это выдумки. Кристер с ней согласился, и Малыш был вынужден его стукнуть. В ответ на это Кристер и швырнул в него камнем.

Но сейчас они как ни в чём не бывало пришли к Малышу в гости, а Кристер привёл даже своего щенка Ёффу. Увидев Ёффу, Малыш так обрадовался, что совсем забыл про Карлсона, который лежал на полке в шкафу. "Ничего нет на свете лучше собаки", — подумал Малыш. Ёффа прыгал и лаял, а Малыш обнимал его и гладил. Кристер стоял рядом и совершенно спокойно наблюдал, как Малыш ласкает Ёффу. Он ведь знал, что Ёффа — это его собака, а не чья-нибудь ещё, так что пусть себе Малыш играет с ней сколько хочет.

Вдруг, в самый разгар возни Малыша с Ёффой Гунила, ехидно посмеиваясь, спросила:

— А где же твой друг Карлсон, который живёт на крыше? Мы думали, что застанем его у тебя.

И только теперь Малыш вспомнил, что Карлсон лежит на полке в его шкафу. Но так как он не знал, какую проделку на этот раз затеял Карлсон, то ничего не сказал об этом Кристеру и Гунилле.

— Вот ты, Гунила, думаешь, что я всё сочинил про

всичко за Карлсон, който живее на покрива. Вчера ти разправяше, че той бил измислица...

— Разбира се, че е измислица — отговори Гунила и се разсмя; на бузите ѝ се появиха трапчинки.

— Ами ако не е измислица? — попита хитро Дребосъчето.

— Но той е наистина измислица! — намеси се в разговора Кристер.

— Не е! — викна Дребосъчето.

Той не беше успял още да размисли дали си струва да разреши препирната с думи, а не с юмруци — например да вземе изведнъж да цапне Кристер, — когато от гардероба се раздаде гръмко и ясно:

— Ку-ку-ри-гу!

— Какво е това? — извика Гунила и нейната червена като вишна устица се разтвори широко от учудване.

— Ку-ку-ри-гу! — чу се отново от гардероба, сякаш пропя истински петел.

— Я, петел ли живее в гардероба ти? — учуди се Кристер.

Йофа заскимтя и се обърна към гардероба.

— Ей сега ще отворя гардероба и ще видя какво има там — каза Гунила и го отвори.

Кристер изтича при нея и също надникна в гардероба. Отначало не видяха нищо друго освен окачени дрехи. Но после от горната полица се разнесе кикотене. Кристер и Гунила погледнаха горе и видяха на полицата малко дебело човече. То се беше излегнало удобно по корем, с подпряна глава на ръка и клатеше десния си крак. Веселите му сини очи сияха.

Кристер и Гунила гледаха мълчешком човечето, изгубили ума и дума. Само Йофа продължаваше тихо да ръмжи.

Когато Гунила се опомни, тя продума:

— Кой е тоя?

— Една малка фантазийка — отговори чудното човече и още по-енергично заклати краката си. —

Карлсона, койтот живёт на крыше. Вчера ты говорила, что он — выдумка...

— Конечно, он и есть выдумка, — ответила Гунилла и расхохоталась; на её щеках появились ямочки.

— Ну, а если он не выдумка? — хитро спросил Малыш.

— Но ведь он в самом деле выдумка! — вмешался в разговор Кристер.

— А вот и нет! — закричал Малыш.

И не успел он обдумать, стоит ли попытаться разрешить этот спор словами, а не кулаками или лучше сразу стукнуть Кристера, как вдруг из шкафа раздалось громко и отчётливо:

— Ку-ка-ре-ку!

— Что это такое? — воскликнула Гунилла, и её красный, как вишня, ротик широко раскрылся от удивления.

— Ку-ка-ре-ку! — послышалось снова из шкафа, точь-в-точь как кричат настоящие петухи.

— У тебя что, петух живёт в гардеробе? — удивился Кристер.

Ёффа заворчал и покосился на шкаф.

Малыш расхохотался. Он так смеялся, что не мог говорить.

— Ку-ка-ре-ку! — раздалось в третий раз.

— Я сейчас открою шкаф и погляжу, что там, — сказала Гунилла и отворила дверцу.

Кристер подскочил к ней и тоже заглянул в шкаф. Вначале они ничего не заметили, кроме висящей одежды, но потом с верхней полки раздалось хихиканье. Кристер и Гунилла посмотрели наверх и увидели на полке маленького толстого человечка. Удобно примостившись, он лежал, подперев рукой голову, и покачивал правой ножкой. Его весёлые голубые глаза сияли.

Кристер и Гунилла молча смотрели на человечка, не в силах вымолвить ни слова, и лишь Ёффа продолжал тихонько рычать.

Когда к Гунилле вернулся дар речи, она проговорила:

— Это кто такой?

— Всего лишь маленькая выдумка, — ответил странный человечек и стал ещё энергичнее болтать

Малка фантазийка, която лежи и си почива. Накъсо казано — една измислица!

— Това... това е... — проговори Кристер, като се запъваше.

— ... малка измислица, която си лежи и си кукурига — каза човечето.

— Това е Карлсон, който живее на покрива! — пошепна Гунила.

— Че кой друг, разбира се! Да не мислиш, че старата деветдесет и две годишна баба Густавсон се е промъкнала тук и се е разположила в гардероба?

Дребосьчето просто примираше от смях — толкова глупаво изглеждаха смяните Кристер и Гунила.

— Те сякаш онемяха — промълви Дребосьчето.

С един скок Карлсон скочи от полицата долу. Той се приближи до Гунила и я щипна по бузата:

— Ами тая малка измислица каква е?

— Ние... — промърмори Кристер.

— Е, ти навярно се казваш Август, нали? — попита Карлсон.

— Съвсем не се казвам Август — отговори Кристер.

— Добре. Да продължим!... — каза Карлсон.

— Те се казват Гунила и Кристер — поясни Дребосьчето.

— Да трудно ти е просто да повярваш как понякога на хората не им върви. Но сега с нищо не може да им се помогне. Пък освен това всички хора не могат да се казват Карлсоновци, я!...

Карлсон погледна любопитно наоколо и побърза да добави:

— А сега не бих имал нищо против да се позабавляваме. Може да метнем един-два стола през прозореца или да измислим друга подобна игра, а?

Дребосьчето не смяташе, че това ще бъде весела игра. Той положително знаеше, че майка му и баща му няма да одобрят такава игра.

— Да, виждам, че сте страховици. Ако сте такива нерешителни, нищо няма да излезе. Ако не ви харесва моето предложение, измислете нещо друго. Иначе с вас няма да се спогаждам. Аз трябва

ножкой. — Маленькая фантазия, которая лежит себе да отдыхает. Короче говоря, выдумка!

— Это... это... — проговорил Кристер, запинаясь.

— ...маленькая выдумка, которая лежит себе и кричит по-петушиному, — сказал человечек.

— Это Карлсон, который живёт на крыше! — прошептала Гунилла.

— Конечно, а кто же ещё! Уж не думаешь ли ты, что старая фру Густавсон, которой девяносто два года, незаметно пробралась сюда и разлеглась на полке?

Малыш просто зашёлся от смеха — уж очень глупо выглядели растерянные Кристер и Гунилла.

— Они, наверное, онемели, — едва выговорил Малыш.

Одним прыжком Карлсон соскочил с полки. Он подошёл к Гунилле и ушипнул её за щеку:

— А это что за маленькая выдумка?

— Мы... — пробормотал Кристер.

— Ну, а тебя, наверно, зовут Август? — спросил Карлсон у Кристера.

— Меня зовут вовсе не Август, — ответил Кристер.

— Хорошо. Продолжим!.. — сказал Карлсон.

— Их зовут Гунилла и Кристер, — объяснил Малыш.

— Да, просто трудно поверить, до чего иногда не везёт людям. Но теперь уж ничего не попишешь. А кроме того, не могут же всех звать Карлсонами!..

Карлсон огляделся, словно что-то ища, и поспешно объяснил:

— А теперь я был бы не прочь немножко поразвлечься. Может, пошвыряем стулья из окна? Или затеем ещё какую-нибудь игру в этом роде?

Малыш не считал, что это будет очень весёлая игра. К тому же он твёрдо знал, что мама и папа не одобрят такой забавы.

— Ну, я вижу, вы трусы. Если вы будете такими нерешительными, у нас ничего не выйдет. Раз вам не нравится моё предложение, придумайте что-нибудь другое, а то я с вами не буду водиться. Я

с нещо да се забавлявам — каза Карлсон и обиден наду устни.

— Почакай, ние ей сегичка ще измислим нещо! — пошепна с умоляващ глас Дребосъчето.

Но както изглеждаше, Карлсон беше решил да бъде сериозно обиден.

— Я веднага да отлетя оттука... — измърмори той.

И тримата разбраха каква голяма беда ще бъде, ако Карлсон си отлети, и се заеха в един глас да го увещават.

Карлсон мълча една минута, като продължаваше да се надува.

— Това, разбира се, не е сигурно, но аз бих могъл да остана, ако ей тая — и Карлсон показа с дебелото си пръстче Гунила — ме погали по главата и каже: „Мили Карлсон“.

Гунила го погали на драго сърце и го помоли:

— Миличък Карлсон, остани! Ние непременно ще измислим нещо!

— Добре — каза Карлсон. — Съгласявам се да остана.

Децата въздъхнаха облекчено.

Майката и бащата на Дребосъчето обикновено отиваха на разходка надвечер. И сега майката извика от антрето:

— Дребосъче! Кристер и Гунила могат да останат при тебе до осем часа. После веднага си легни. Като се върнем, ще дойда при тебе да ти кажа „лека нощ“.

И децата въздъхнаха облекчено.

— А защо тя не каза до колко часа аз мога да остана тук? — попита Карлсон и издаде напред долната си устна. — Ако всички са така несправедливи към мен, и аз няма да другарувам с вас.

— Ти можеш да останеш тук, докато си искаш — отговори Дребосъчето.

Карлсон още повече издаде напред устната си.

— А защо и мене не отратят оттука точно в осем, както всичките? — каза Карлсон с обиден глас. — Не, аз така не играю!

должен че-нибудь позабавиться, — сказал Карлсон и обиженно надул губы.

— Погоди, мы сейчас что-нибудь придумаем! — умоляюще прошептал Малыш.

Но Карлсон, видимо, решил обидеться всерьёз.

— Вот возьму и улечу сейчас отсюда... — проворчал он.

Все трое понимали, какая это будет беда, если Карлсон улетит, и хором принялись уговаривать его остаться.

Карлсон с минуту сидел молча, продолжая дуться.

— Это, конечно, не наверняка, но я, пожалуй, смог бы остаться, если вот она, — и Карлсон показал своим пухлым пальчиком на Гуниллу, — погладит меня по голове и скажет: "Мой милый Карлсон".

Гунилла с радостью погладила его и ласково попросила:

— Миленький Карлсон, останься! Мы обязательно что-нибудь придумаем.

— Ну ладно, — сказал Карлсон, — я, пожалуй, останусь.

У детей вырвался вздох облегчения.

Мама и папа Малыша обычно гуляли по вечерам. Вот и теперь мама крикнула из прихожей:

— Малыш! Кристер и Гунилла могут оставаться у тебя до восьми часов, потом ты быстро ляжешь в постель. А когда мы вернёмся, я зайду к тебе пожелать "спокойной ночи".

И дети услышали, как хлопнула входная дверь.

— А почему она не сказала, до какого часа я могу здесь оставаться? — спросил Карлсон и выпятил нижнюю губу. — Если все ко мне так несправедливы, то я с вами не буду водиться.

— Ты можешь оставаться здесь до скольких хочешь, — ответил Малыш.

Карлсон ещё больше выпятил губу.

— А почему меня не выставляют отсюда ровно в восемь, как всех? — сказал Карлсон обиженным тоном. — Нет, так я не играю!

— Добре, ще помоля мама да отпрати и тебе в осем часа — обеща Дребосьчето. — Е, а ти измисли ли на какво ще играем?

Лошото настроение на Карлсон моментално изчезна.

— Ще играем на призраци и ще плашим хората. Вие дори не можете да си представите какво мога да направя с помощта на един малък чаршаф. Ако всички хора, които съм изплашвал до смърт, ми бяха давали по пет йоре, можех да купя цяла планина шоколад. Аз съм най-добрият в света призрак — каза Карлсон и очите му заблестяха весело.

Дребосьчето, Кристер и Гунила с радост се съгласиха да играят на призраци. Но Дребосьчето каза:

— Не е задължително да плашим ужасно хората.

— Спокойствие и само спокойствие! — отвърна Карлсон. — Няма да учиш най-добрия в света призрак как трябва да се държи призракът. Аз само лекичко ще изплаща всички до смърт и никой няма дори да забележи това. — Той дойде до кревата на Дребосьчето и взе чаршафа. — От това може да се направи твърде прилична дреха за призрака.

Карлсон извади от чекмеджето на бюрото пастелчета и нарисува върху единия ъгъл на чаршафа страшно лице. После взе ножици и преди Дребосьчето да успее да го спре, бързо изряза две дупки за очи.

— Чаршафът е дреболия, обикновено нещо. А призракът трябва да вижда какво става наоколо, иначе той ще почне да блуждае и ще попадне в края на краищата кой знае къде.

После Карлсон се зави презглава с чаршафа, така че навън останаха само малките му дебели ръчички.

Макар децата да знаеха, че това под чаршафа е Карлсон, те все пак се поуплашиха. Йофа бясно залая. Когато Карлсон включи своето моторче и закръжи около лампата, чаршафът се развя наоколо и стана още по-страшно. Това беше наистина ужасно зрелище.

— Аз съм малък призрак с мотор! — викаше той. — Див съм, но съм симпатичен.

— Хорошо, я попрошу маму, чтобы она отправила тебя домой в восемь часов, — пообещал Малыш. — Ну, а ты придумал, во что мы будем играть?

Дурното настроение Карлсона как рукой сняло.

— Мы будет играть в привидения и пугать людей. Вы даже не представляете себе, что я могу сделать с помощью одной небольшой простыни. Если бы все люди, которых я пугал до смерти, давали мне за это по пять эре, я мог бы купить целую гору шоколада. Ведь я лучшее в мире привидение! — сказал Карлсон, и глаза его весело заблестели.

Малыш, Кристер и Гунила с радостью согласились играть в привидения. Но Малыш сказал:

— Вовсе не обязательно так ужасно пугать людей.

— Спокойствие, только спокойствие! — ответил Карлсон. — Не тебе учить лучшее в мире привидение, как должны вести себя привидения. Я только слегка попугаю всех до смерти, никто этого даже и не заметит. — Он подошёл к кровати Малыша и взял простыню. — Материал подходящий, можно сделать вполне приличную одежду для привидения.

Карлсон достал из ящика письменного стола цветные мелки и нарисовал в одном углу простыни страшную рожу. Потом он взял ножницы и, прежде чем Малыш успел его остановить, быстро прорезал две дырки для глаз.

— Простыня — это пустяки, дело житейское. А привидение должно видеть, что происходит вокруг, иначе оно начнёт блуждать и попадёт в конце концов невесть куда.

Затем Карлсон закутался с головой в простыню, так что видны были только его маленькие пухлые ручки.

Хотя дети и знали, что это всего-навсего Карлсон, закутанный в простыню, они всё же слегка испугались; а что касается Ёффи, то он бешено залаял. Когда же Карлсон включил свой моторчик и принял летать вокруг люстры — простыня на нём так и развевалась, — стало ещё страшнее. Это было и вправду жуткое зрелище.

— Я небольшое привидение с мотором! — кричал он.
— Дикое, но симпатичное!

Децата притихнаха и следяха боязливо неговия полет. А Йофа просто се скъсваше от лай.

— Изобщо — продължи Карлсон — аз обичам да слушам, когато летя, бръмченето на мотора си, но докато съм призрак, навярно трябва да включаш глушителя. Ето така!

Той направи няколко кръга съвсем безшумно и заприлича още повече на призрак.

Сега оставаше да се намери някой, когото да изплашат.

— Не може ли да отидем на най-долната площадка на стълбището? Някой ще влезе въкъщи и до смърт ще се изплаши!

В това време телефонът зазвъня, но Дребосъчето реши да не се обажда. Нека си звъни!

Тогава Карлсон почна да въздиша и стene.

— Пет пари не струва онзи призрак, който не умеет да въздиша и стene — поясни той. — Това е първото нещо, на което учат младите призраци в тяхното училище.

Всички тия приготовления отнеха немалко време. Когато те стояха вече пред входната врата и се готвеха да излязат и застанат на стълбището, за да плашат минувачите, изведнъж се чу леко дращене. Дребосъчето помисли, че майка му и баща му се връщат въкъщи. Но изведнъж той видя как в отвора на кутията за писма някой провира стоманена тел. Дребосъчето веднага разбра, че у тях се промъкват крадци. Той си спомни, че преди няколко дни баща му бе прочел на майка му съобщение, че в града са се появили много крадци по квартирите. Отначало звънят по телефона. Като се убедят, че въкъщи няма никого, крадците разбиват ключалката и изнасят от квартирата всичко ценно.

Дребосъчето се изплаши страшно, като разбра какво става, но не по-малко се изплашиха Кристер и Гунила. Кристер беше затворил Йофа в стаята на Дребосъчето, за да не развали играта на призраци, и сега много съжаляваше за това. Само Карлсон никак не се изплаши.

— Спокойствие и само спокойствие! — прошепна той. — В такива случаи призракът е незаменим. Хайде да се промъкнем тихичко в гостната стая, където твоите баща навярно пази златото и брилянтите.

Дети притихли и боязливо следили за него полетом. А Ёффа просто надръвался от лая.

— Вообще говоря, — продолжал Карлсон, — я люблю, когда во время полёта жужжит мотор, но, поскольку я привидение, следует, вероятно, включить глушитель. Вот так!

Он сделал несколько кругов совершенно бесшумно и стал еще больше похож на привидение.

Теперь дело было лишь за тем, чтобы найти, кого пугать.

— Может быть, мы отправимся на лестничную площадку? Кто-нибудь войдет в дом и испугается до смерти!

В это время зазвонил телефон, но Малыш решил не подходить. Пусть себе звонит!

Между тем Карлсон принял громко вздыхать и стонать на разные лады.

— Грош цена тому привидению, которое не умеет как следует вздыхать и стонать, — пояснил он. — Это первое, чему учат юное привидение в привиденческой школе.

На все эти приготовления ушло немало времени. Когда они уже стояли перед входной дверью и собирались выйти на лестничную площадку, чтобы пугать прохожих, послышалось какое-то слабое царапанье. Малыш было подумал, что это мама и папа возвращаются домой. Но вдруг он увидел, как в щель ящика для писем кто-то просовывает стальную проволоку. И Малыш сразу понял, что к ним лезут воры. Он вспомнил, что на днях папа читал маме статью из газеты. Там говорилось, что в городе появилось очень много квартирных воров. Они сперва звонят по телефону. Убедившись, что дома никого нет, воры взламывают замок и выносят из квартиры всё ценное.

Малыш страшно испугался, когда понял, что происходит. Кристер и Гунила испугались не меньше. Кристер запер Ёффи в комнате Малыша, чтобы он своим лаем не испортил игру в привидения, и теперь очень пожалел об этом. Один только Карлсон ничуть не испугался.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал он. — Для такого случая привидение — незаменимая вещь. Давайте тихонько пойдём в столовую — наверно, там твой отец хранит золотые слитки и бриллианты.

Карлсон, Дребосьчето, Гунила и Кристер влязоха на пръсти в гостната и като внимаваха да не вдигнат шум, те се изпокриха кой където свари зад мебелите. Карлсон влезе в красивия старинен буфет, дято майката слагаше покривките и кърпите за ядене, и притвори как да е вратичката зад себе си. Не успя да я затвори както трябва, защото тъкмо в този миг в гостната влязоха дебнешком крадците. Дребосьчето, който лежеше под дивана при камината, се подаде предпазливо и погледна: сред стаята стояха двама младежи, доста съмнителни на вид. И представете си, това бяха Филле и Рулле!

— Сега трябва да разберем къде са скрити парите — каза Филле с хриплив шепот.

— Ясно е, тука — отвърна Рулле, като посочи стапинно бюро с много чекмеджета.

Дребосьчето знаеше, че в едно от тия чекмеджета майка му държеше парите за покупки, а в другото пазеше скъпоценни пръстени и брошки, които й беше подарила майка ѝ, и бащините му медали, получени за точна стрелба. „Колко ужасно ще е, ако крадците задигнат всичко“ — помисли Дребосьчето.

— Я потърси тук — каза Филле, — пък аз ще отида в кухнята да прегледам дали там няма сребърни лъжици и вилици.

Филле изчезна, а Рулле почна да отваря чекмеджетата на бюрото и изведнъж той направо подсвири от възторг.

„Навярно е намерил парите“ — помисли Дребосьчето.

Рулле измъкна друго чекмедже и отново подсвири — там той видя пръстените и брошките.

Но не можа още веднъж да свирне, защото в този миг вратичката на буфета се разтвори и оттам изхвъркна призракът, като издаваше ужасни стенания.

Когато Рулле се обърна и видя призрака, той изгрухтя от ужас и изтърва на пода парите, пръстените, брошките и всичко останало. Призракът подхвърчаше около него, стенеше и въздишаше; после изведнъж се насочи към кухнята. След секунда в гостната се вмъкна Филле. Беше бледен като платно.

— Пруле, там има ризрак! — запища той.

Той искаше да извика „Рулле, там има призрак!“, но

Карлсон, Малыш, Гунила и Кристер на цыпочках пробрались в столовую и, стараясь не шуметь, спрятались за мебелью, кто где. Карлсон залез в красивый старинный буфет — там у мамы лежали скатерти и салфетки — и кое-как прикрыл за собой дверцу. Плотно закрыть он её не успел, потому что как раз в этот момент в столовую крадучись вошли воры. Малыш, который лежал под диваном у камина, осторожно высунулся и посмотрел: посреди комнаты стояли двое парней весьма мерзкого вида. И представьте себе, это были Филле и Рулле!

— Теперь надо узнать, где у них лежат деньги, — сказал Филле хриплым шёпотом.

— Ясное дело, здесь, — отозвался Рулле, указывая на старинный секретер со множеством ящиков.

Малыш знал, что в одном из этих ящиков мама держала деньги на хозяйство, а в другом хранил красивые драгоценные кольца и брошки, которые е: подарила бабушка, и папины золотые медали, полученные им в награду за меткую стрельбу. "Как будет ужасно, если всё это унесут воры", — подумал Малыш.

— Поищи-ка здесь, — сказал Филле, — а я пойду на кухню, посмотрю, нет ли там серебряных ложек и вилок.

Филле исчез, а Рулле начал выдвигать ящики секретера, и вдруг он прямо свистнул от восторга.

"Наверно, нашёл деньги", — подумал Малыш.

Рулле выдвинул другой ящик и снова свистнул — он увидел кольца и брошки.

Но больше он уже не свистел, потому что в это мгновение распахнулись дверцы буфета и оттуда, издавая страшные стоны, выпорхнуло привидение.

Когда Рулле обернулся и увидел, он хрюкнул от ужаса и уронил на пол деньги, кольца, брошки и всё остальное. Привидение порхало вокруг него, стонало и вздыхало; потом оно вдруг устремилось на кухню. Секунду спустя в столовую ворвался Филле. Он был бледен как полотно.

— Пруле, там привидение! — завопил он.

Он хотел крикнуть: "Рулле, там привидение!", но от

от страх езикът му се заплете и се получи „Пруле, там има рирак!“

Пък и здравата се беше уплашил! След него в стаята влетя призракът и почна така зловещо да въздиша и стене, че дъхът ти просто да спре.

Руле и Филе хукнаха към вратата, а призракът се виеше около тях. Обезумели от страх, те изскочиха в антрето, а оттам на стълбищната площадка. Призракът ги преследваше по петите, погна ги надолу по стълбата и от време на време викаше с глух и страшен глас:

— Спокойствие и само спокойствие! Сега ще ви настигна и ще ви стане много весело!

Но призракът се умори и се върна в гостната стая. Дребосьчето събра от пода парите, пръстените, брошките и ги сложи обратно в бюрото. А Гунила и Кристер прибраха всички вилици и лъжици, които беше разпилял Филе, когато бягаше от кухнята до гостната.

— Най-добрият в света призрак — това е Карлсон, който живее на покрива — каза призракът и сне от себе си чаршафа.

Децата се смееха. Те бяха щастливи.

А Карлсон добави:

— Нищо не може да замени призрака, когато трябва да се плашат крадци. Ако хората знаеха това, непременно биха прикачили по един малък злобен призрак към всяка каса в града.

Дребосьчето скачаше от радост, че всичко взе такъв добър обрат.

— Хората са толкова глупави, че вярват в призраци. Просто смешно! — извика той. — Татко казва, че изобщо нищо свръхестествено не съществува — и Дребосьчето, сякаш да потвърди тия думи, кимна с глава. — Глупаци са тия крадци. Те помислиха, че призрак излетя от буфета! А всъщност това беше само Карлсон, който живее на покрива. Нищо свръхестествено!

страха у него заплетался язы́к, и получилось: "Прулле, там ривидение!"

Да и немудрено было испугаться! Следом за ним в комнату влетело привидение и принялось так жутко вздыхать и стонать, что просто дух захватывало.

Рулле и Филле бросились к двери, а привидение вилось вокруг них. Не помня себя от страха, они выскочили в прихожую, а оттуда на лестничную площадку. Привидение преследовало их по пятам, гнало вниз по лестнице и выкрикивало время от времени глухим, страшным голосом:

— Спокойствие, только спокойствие! Сейчас я вас настигну, и тут-то вам будет весело!

Но потом привидение устало и вернулось в столовую. Малыш собрал с пола деньги, кольца, брошки и положил всё это обратно в секретер. А Гунилла и Кристер подобрали все вилки и ложки, которые уронил Филле, когда он метался между кухней и столовой.

— Лучшее в мире привидение — это Карлсон, который живёт на крыше, — сказало привидение и сняло с себя простыню.

Дети смеялись; они были счастливы.

А Карлсон добавил:

— Ничто не может сравниться с привидением, когда надо пугать воров. Если бы люди это знали, то непременно привязали бы по маленькому злобному привидению к каждой кассе в городе.

Малыш прыгал от радости, что всё обернулось так хорошо.

— Люди настолько глупы, что верят в привидения. Просто смешно! — воскликнул он. — Папа говорит, что вообще ничего сверхъестественного не существует. — И Малыш, как бы в подтверждение этих слов, кивнул головой. — Дураки эти воры — они подумали, что из буфета вылетело привидение! А на самом деле это был просто Карлсон, который живёт на крыше. Ничего сверхъестественного!

**Карлсон играе на сцена с дресираното куче
Алберг**

На следното утро, още сънено, чорлавото момче със синя пижама на райета дошлия босо при майка си в кухнята. Баща му беше отишъл вече на работа, а Босе и Бетан — на училище. Дребосъчето почваше училище по-късно и това беше много удобно, защото той обичаше да остава ей така, насаме сутрин с майка си, макар и не задълго. В такива минути е хубаво да си поприказвате, да си попеете песни или да си разкажете някоя и друга приказка. Макар че Дребосъчето е вече голямо момче и ходи на училище, той седи с радост в ската на майка си, стига само никой да не го вижда.

Когато Дребосъчето влезе в кухнята, майка му седеше до кухненската маса, четеше вестник и пиеше кафе. Дребосъчето се намести в ската ѝ. Майка му го прегърна и нежно го притисна към себе си. Така те седяха, докато Дребосъчето напълно се разсъни.

Снощи майката и бащата се върнаха от разходка по-късно, отколкото предполагаха. Дребосъчето вече лежеше в своето креватче и спеше. Той се мяташе на сън. Когато го завиваше, майка му забеляза дупките на чаршафа. А самият чаршаф беше толкова измърсен, сякаш някой нарочно го беше изцапал с въглища. И тогава майката помисли: „Никак не е чудно, че Дребосъчето тъй скоро е заспал.“ А сега, когато пакостникът седеше на коленете ѝ, тя реши твърдо да не го пушта, докато не ѝ обясни кой е сторил новата пакост.

— Слушай, Дребосъче, бих искала да зная кой е изрязал дупките на твоя чаршаф. Само не се опитвай, моля ти се, да казваш, че това е сторил Карлсон, който живее на покрива.

Дребосъчето мълчеше и мислеше напрегнато. Какво да стори? Нали тъкмо Карлсон изряза дупките, а майка му забрани да говори за него. Дребосъчето реши да не разказва също така и за крадците, защото и тогава майка му нямаше да повярва.

— Е, каки кой! — повтори настойчиво майката, като не получи отговор.

— Не би ли могла да попиташи за това Гунила? — каза хитро Дребосъчето и помисли: „По-добре е Гунила да разкаже на мама как беше всичко. На нея мама ще повярва повече, отколкото на мене.“

**КАРЛСОН ВЫСТУПАЕТ
С УЧЁНОЙ СОБАКОЙ АЛЬБЕРГ**

На следующее утро, едва проснувшись, взъерошенный мальчуган в полосатой голубой пижаме пришёл босиком к маме на кухню. Папа уже ушёл на службу, а Боссе и Бетан — в школу. У Малыша уроки начинались позже, и это было очень кстати, потому что он любил оставаться вот так по утрам вдвоём с мамой, пусть даже ненадолго. В такие минуты хорошо разговаривать, вместе петь песни или рассказывать друг другу сказки. Хотя Малыш уже большой мальчик и ходит в школу, он с удовольствием сидит у мамы на коленях, но только если этого никто не видит.

Когда Малыш вошёл в кухню, мама, примостившись у кухонного стола, читала газету и пила кофе. Малыш молча влез к ней на колени. Мама обняла его и нежно прижала к себе. Так они и сидели, пока Малыш окончательно не проснулся.

Мама и папа вернулись вчера с прогулки позже, чем предполагали. Малыш уже лежал в своей кроватке и спал. Во сне он разметался. Укрывая его, мама заметила дырки, прорезанные в простыне. А сама простыня была такая грязная, словно её кто-то нарочно исчертил углём. И тогда мама подумала: "Неудивительно, что Малыш поспешил лечь спать". А теперь, когда озорник сидел у неё на коленях, она твёрдо решила не отпускать его без объяснений.

— Послушай, Малыш, мне бы хотелось знать, кто прорезал дырки в твоей простыне. Только не вздумай, пожалуйста, говорить, что это сделал Карлсон, который живёт на крыше.

Малыш молчал и напряжённо думал. Как быть? Ведь дырки прорезал именно Карлсон, а мама запретила о нём говорить. Малыш решил также ничего не рассказывать и о ворах, потому что мама всё равно этому не поверит.

— Ну, так что же? — настойчиво повторила мама, так и не дождавшись ответа.

— Не могла бы ты спросить об этом Гуниллу? — хитро сказал Малыш и подумал: "Пусть-ка лучше Гунилла расскажет маме, как было дело. Ей мама скорее поверит, чем мне".

„А! Значи Гунила е разрязала чаршафа“ — помисли майката на Дребосъчето. И помисли още, че нейното Дребосъче е добро момче, щом не иска да издава другите, а иска сама Гунила да разкаже всичко.

Майката прегърна Дребосъчето. Тя реши да не го разпитва сега повече, но при сгоден случай да говори с Гунила.

— Ти много ли обичаш Гунила? — попита майката на Дребосъчето.

— Да, много — отговори Дребосъчето.

Майката зачете отново вестника, а Дребосъчето седеше мълчешком на коленете ѝ и мислеше.

Кого всъщност той наистина обича? Преди всичко майка си... и татко си... Обича още и Босе и Бетан... Е, да, най-много все пак тях обича, особено Босе. Но понякога така им се сърди, че всичката обич пропада. Той обича и Карлсон, който живее на покрива, и Гунила също обича. Да, може би ще се ожени за нея, когато порасне, защото, щеш не щеш, трябва да имаш жена. Разбира се, най-много би желал да се ожени за майка си, но това е невъзможно.

Изведнъж в главата на Дребосъчето мина мисъл, която го разтревожи.

— Слушай, мамо, а когато Босе порасне голям и умре, трябва ли да се оженя за неговата жена?

Майка му притегли чашката към себе си и погледна Дребосъчето учудена.

— Защо мислиш така? — попита тя, като сдържа смеха си.

Дребосъчето се изплаши, че е изтърсил някоя голяма глупост, затова реши да замълчи. Но майка му настояваше:

— Кажи, отде ти дойде това наум?

— Ами когато Босе порасна, аз получих стария му велосипед и старите му ски... И кънките, с които той се е пързаял, когато е бил като мене... Аз износвам старите му пижами, неговите обуща и всичко останало...

— Да, но от неговата стара жена аз ще те избавя. Обещавам ти — каза майката сериозно.

— А не може ли да се оженя за тебе? — попита

“А! Значит, это Гунилла разрезала простыню”, — подумала мама. И ещё она подумала, что её Малыш — хороший мальчик, потому что он не желает наговаривать на других, а хочет, чтобы Гунилла сама всё рассказала.

Мама обняла Малыша за плечи. Она решила сейчас больше ни о чём его не расспрашивать, но при случае поговорить с Гуниллой.

— Ты очень любишь Гуниллу? — спросила мама.

— Да, очень, — ответил Малыш.

Мама вновь принялась читать газету, а Малыш молча сидел у неё на коленях и думал.

Кого же, собственно говоря, он действительно любит? Прежде всего маму... и папу тоже... Ещё он любит Боссе и Бетан... Ну да, чаще всего он их всё-таки любит, особенно Боссе. Но иногда он на них так сердится, что вся любовь пропадает. Любят он и Карлсона, который живёт на крыше, и Гуниллу тоже любят. Да, быть может, он женится на ней, когда вырастет, потому что хочешь не хочешь, а жену иметь надо. Конечно, больше всего он хотел бы жениться на маме, но ведь это невозможно.

Вдруг Малышу пришла в голову мысль, которая его встревожила.

— Послушай, мама, — сказал он, — а когда Боссе вырастет большой и умрёт, мне нужно будет жениться на его жене?

Мама подвинула к себе чашку и с удивлением взглянула на Малыша.

— Почему ты так думаешь? — спросила она, сдерживая смех.

Малыш, испугавшись, что сморозил глупость, решил не продолжать. Но мама настаивала:

— Скажи, почему ты это подумал?

— Ведь когда Боссе вырос, я получил его старый велосипед и его старые лыжи... И коньки, на которых он катался, когда был таким, как я... Я донашиваю его старые пижами, его ботинки и всё остальное...

— Ну, а от его старой жены я тебя избавлю; это тебе обещаю, — сказала мама серьёзно.

— А нельзя ли мне будет жениться на тебе? —

Дребосъчето.

— Това е невъзможно — отговори майка му, — защото аз вече съм омъжена за татко ти.

Да, това беше така.

— Какво несполучливо съвпадение е това, че аз и татко те обичаме — рече недоволен Дребосъчето.

Тука майка му се разсмя и каза:

— Щом двамата ме обичате, значи аз съм добра.

— Е, тогава ще се оженя за Гунила — въздъхна Дребосъчето. — Щом все пак ще трябва да се женя!

И Дребосъчето отново се замисли. Той мислеше за това, че навсярно няма да му е много приятно да живее с Гунила, защото понякога с нея трудно се погаждаха. Пък изобщо на него повече му се искаше да живее заедно с майка си, баща си, Босе и Бетан, а не с някаква си там жена.

— Повече ми се иска да си имам куче, отколкото жена — каза Дребосъчето. — Мамо, ти не можеш ли да ми подариш едно кученце?

Майка му въздъхна. Ето на, Дребосъчето пак отвори дума за своето желано кученце! Но тоя разговор и беше почти толкова непоносим, колкото и разговорите за Карлсон, който живее на покрива.

— Знаеш ли какво, Дребосъче? — каза майката. — Време е вече да се обличаш, за да не закъснееш за училище.

— Да, ясно ми е — отговори Дребосъчето. — Щом спомена за кученце, ти веднага отваряш дума за училище.

Тоя ден на Дребосъчето му беше приятно да отиде на училище, защото имаше да обсъди много неща с Кристер и Гунила.

Върви те се връщаха, както всяка, заедно. И това сега много радваше Дребосъчето, защото и Кристер, и Гунила вече познаваха Карлсон.

— Той е толкова весел, нали? Как мислиш, днес ще долети ли пак?

— Не зная — отговори Дребосъчето. — Той каза, че ще долети „горе-долу“ днес. А това значи — когато му хрумне.

— Надявам се да долети „горе-долу“ днес — каза Кристер. — Може ли да дойдем с Гунила при тебе?

спросил Малыш.

— Пожалуй, это невозможно, — ответила мама. — Ведь я уже замужем за папой.

Да, это было так.

— Какое неудачное совпадение, что и я и папа любим тебя! — недовольно произнёс Малыш.

Тут мама рассмеялась и сказала:

— Раз вы оба меня любите, значит, я хорошая.

— Ну, тогда я женюсь на Гунилле, — вздохнул Малыш. — Ведь надо же мне будет на ком-нибудь жениться!

И Малыш вновь задумался. Он думал о том, что ему, наверно, будет не очень приятно жить вместе с Гуниллой, потому что с ней иногда трудно ладить. Да и вообще ему больше всего хотелось жить вместе с мамой, папой, Боссе и Бетан, а не с какой-то там женой.

— Мне бы гораздо больше хотелось иметь собаку, чем жену, — сказал Малыш. — Мама, ты не можешь мне подарить щенка?

Мама вздохнула. Ну вот, опять Малыш заговорил о своей вожделенной собаке! Это было почти так же невыносимо, как и разговоры о Карлсоне, который живёт на крыше.

— Знаешь что, Малыш, — сказала мама, — тебе пора одеваться, а то ты опоздаешь в школу.

— Ну, ясно, — ответил Малыш. — Стоит мне только заговорить о собаке, как ты заводишь разговор о школе!

...В тот день Малышу было приятно идти в школу, потому что ему многое надо было обсудить с Кристером и Гуниллой.

Домой они шли, как всегда, вместе. И Малыша это особенно радовало, потому что теперь Кристер и Гунилла тоже были знакомы с Карлсоном.

— Он такой весёлый, правда? Как ты думаешь, сегодня он опять прилетит? — спросила Гунилла.

— Не знаю, — ответил Малыш. — Он сказал, что прилетит "приблизительно". А это значит — когда ему вздумается.

— Надеюсь, что он прилетит "приблизительно" сегодня, — сказал Кристер. — Можно, мы с Гуниллой пойдём к тебе?

— Разбира се — отговори Дребосъчето.

В това време се появи още едно същество, което също пожела да върви с тях: когато децата трябваше да пресекат улицата, при Дребосъчето дотича малък черен пудел. Той подуши крака на Дребосъчето и дружески джафна.

— Вижте какво славно кутренце! — извика радостно Дребосъчето. — То навярно се е уплашило от уличното движение и ме моли да го преведа на отсрещната страна.

Дребосъчето щеше да е щастлив, ако му паднеше да преведе кученцето през всички кръстовища в града. Изглежда, кученцето почувства това: то тичаше и подскачаше по улицата, като гледаше все да се притисне в краката на Дребосъчето.

— Колко е миличко! — каза Гунила. — Ела тук, малко кученце!

— Не, то иска да върви с мене — каза Дребосъчето и хвана кучето за нашийника. — То мене обикна.

— И мене обикна — каза Гунила.

Малкото кученце изглеждаше така, сякаш беше готово да обича всички хора по света, стига и те да го обичат. И Дребосъчето обикна това кученце. О, как го обикна! Той се наведе към кученцето и започна да го милва и да го гали, като тихично подсвиркваше и цъкаше с уста. Всички тези нежни звуци трябваше да означават, че черният пудел е най-милото, най-прекрасното куче на света. Кученцето въртеше опашка и даваше по всевъзможни начини да се разбере, че и то мисли така. Радостно скачаше и лаеше, а когато децата кривнаха в своята улица, то припна след тях.

— Може да е бездомно — каза Дребосъчето. Това беше последната му надежда: той за нищо на света не искаше да се раздели с кученцето. — Може да си няма и стопанин?

— Е, да, навярно си няма — съгласи се Кристер.

— Ти да мълчиш! — прекъсна го раздразнено Дребосъчето. — Откъде знаеш?

Нима Кристер, който си имаше Йофа, можеше да разбере какво значи да нямаш куче, никакво кученце?

— Ела тук, мило кученце! — подвикна

— Конечно, можно, — сказал Малыш.

Тут появилось еще одно существо, которое тоже захотело пойти вместе с ними. Когда ребята собирались перейти улицу, к Малышу подбежал маленький чёрный пудель. Он обнюхал коленки Малыша и дружески тявкнул.

— Поглядите, какой славный щенок! — радостно воскликнул Малыш. — Он, наверно, испугался уличного движения и просит меня перевести его на ту сторону.

Малыш был бы счастлив переводить щенка через все перекрёстки города. Должно быть, щенок это почувствовал: он бежал вприпрыжку по мостовой, норовя прижаться к ноге Малыша.

— Какой он симпатичный, — сказала Гунилла. — Иди сюда, маленький ёсик!

— Нет, он хочет идти рядом со мной, — сказал Малыш и взял щенка за ошейник. — Он меня полюбил.

— Меня он тоже полюбил, — сказала Гунилла.

У маленького щенка был такой вид, будто он готов любить всех на свете, только бы его любили. И Малыш полюбил этого щенка. О, как он его полюбил! Он нагнулся к щенку и принял его ласкать, и гладить, и тихонько присвистывать, и причмокивать. Все эти нежные звуки должны были означать, что чёрный пудель — самый симпатичный, самый прекрасный ёс на свете. Щенок вилял хвостом, всячески давая понять, что он тоже так думает. Он радостно прыгал и лаял, а когда дети свернули на свою улицу, побежал вслед за ними.

— Может быть, ему негде жить? — сказал Малыш, цепляясь за последнюю надежду: он ни за что не хотел расставаться с щенком. — И, может быть, у него нет хозяина?

— Ну да, наверно, нет, — согласился с Малышом Кристер.

— Да замолчи ты! — раздражённо оборвал его Малыш. — Ты-то откуда знаешь?

Разве мог понять Кристер, у которого был Ёффа, что значит не иметь собаки — совсем никакой собаки!

— Иди сюда, милый ёсик! — позвал Малыш, всё

Дребосьчето, като все повече се убеждаваше, че кученцето е бездомно.

— Гледай да не тръгне по петите ти! — предупреди го Кристер.

— Нека. Та аз искам да тръгне с мене.

И кученцето тръгна след него. Така се озова пред входа на дома, в който живееше Дребосьчето. Дребосьчето взе кученцето на ръце и го понесе по стълбата. „Сега ще попитам мама мога ли да си го задържа.“ Но майка му не беше вкъщи. В бележката, която Дребосьчето намери на кухненската маса, се съобщаваше, че тя е в пералнята и че той може да я намери там, ако му дотрябва.

В това време кученцето се втурна като ракета в стаята на Дребосьчето. Децата хукнаха след него.

— Виждате ли, то иска да живее при мене! — завика Дребосьчето, обезумял от радост.

В същия миг през прозореца долетя Карлсон, който живееше на покрива.

— Здравейте! — извика той. — Да не сте боядисали кучето? Цялото е черно!

— Не виждаш ли, че това не е Йофа? — каза Дребосьчето. — Това е мое куче!

— Не, не е твоето — възрази Кристер.

— Ти нямаш куче — потвърди Гунила.

— Пък аз имам горе хиляди кучета — каза Карлсон.

— Най-доброят в целия свят кучевъд — това съм аз...

— Ами че аз не видях никакви кучета при тебе — прекъсна го Дребосьчето.

— Те просто не си бяха вкъщи. Всичките се бяха разлетели — обясни Карлсон. — Моите кучета са летящи.

Дребосьчето не слушаше Карлсон. Хилядите летящи кучета не значеха нищо за него в сравнение с това малко мило кученце.

— Не, не вярвам да си има стопанин — каза отново Дребосьчето.

Гунила се наведе над кучето.

— Всеки случай върху нашийника му е написано Алберг — рече тя.

больше убеждая себя в том, что щенку негде жить.

— Смотри, как бы он не увязался за тобой, — предупредил Кристер.

— Пусть идёт. Я и хочу, чтобы он шёл за мной, — ответил Малыш.

И щенок пошёл за ним. Так он оказался у дверей дома, где жил Малыш. Тут Малыш взял его на руки и понёс по лестнице. "Сейчас я спрошу у мамы, можно ли мне оставить его у себя". Но мамы не было дома. В записке, которую Малыш нашёл на кухонном столе, было сказано, что она в прачечной и что он может туда зайти, если ему что-нибудь понадобится.

Тем временем щенок, как ракета, ворвался в комнату Малыша. Ребята помчались за ним.

— Видите, он хочет жить у меня! — закричал Малыш, обезумев от радости.

В эту самую минуту в окно влетел Карлсон, который живёт на крыше.

— Привет! — крикнул он. — Вы что, постирали эту собаку? Ведь у неё вся шерсть села!

— Это же не Ёффа, разве ты не видишь? — сказал Малыш. — Это моя собака!

— Нет, не твоя, — возразил Кристер.

— У тебя нет собаки, — подтвердила Гунилла.

— А вот у меня там, наверху, тысячи собак, — сказал Карлсон. — Лучший в мире собаковод — это...

— Что-то я не видел у тебя никаких собак, — перебил Малыш Карлсона.

— Их просто не было дома — они все разлетелись. Ведь у меня летающие собаки.

Малыш не слушал Карлсона. Тысячи летающих собак ничего не значили для него по сравнению с этим маленьким милым щенком.

— Нет, не думаю, чтобы у него был хозяин, — вновь сказал Малыш.

Гунилла склонилась над собакой.

— Во всяком случае, на ошейнике у него написано "Альберг", — сказала она.

— Ясно, това е фамилното име на неговия стопанин — подхвана Кристер.

— Може би тоя Алберг е вече умрял! — възрази Дребосъчето и помисли, че дори и да съществува този Алберг, той навярно не обича кученцето. И изведнъж му хрумна прекрасна мисъл. — Може пък кученцето да се казва Алберг? — попита той, като погледна с умоляващ поглед Кристер и Гунила.

Но те тъй се разсмяха, та чак обидно да ти стане.

— Аз имам няколко кучета, които се обаждат на името Алберг — каза Карлсон. — Здравей, Алберг!

Кученцето подскочи към Карлсон и весело залая.

— Ето, виждате ли — извика Дребосъчето, — то си знае името... Алберг, Алберг, тука!

Гунила хвани кученцето.

— Тука на нашийника е отбелязан телефонният номер — каза безжалостно тя.

— Разбира се, че кученцето си има личен телефон — обясни Карлсон. — Кажи му да позвъни на своята прислужница и да я предупреди, че ще се върне късно. Моите кученца винаги звънят по телефона, когато закъсняват.

Карлсон погали кученцето с дебеличката си ръка.

— Едно от моите кучета, което също така се казваше Алберг, закъсня преди няколко дена — продължи Карлсон. — То решило да позвъни вкъщи, за да ме предупреди, но сгрешило номера и попаднало на един стар майор в оставка, който живеел в Кунгсхолм. „Някое от кучетата на Карлсон ли е на телефона?“ — попитало то. Майорът се обидил и започнал да ругае: „Магаре! Аз съм майор, а не куче!“ „Защо тогава се нахвърляте върху ми с лай?“ — попитало учтиво моето куче Алберг. Виждате ли колко умно е то?

Дребосъчето не слушаше какво говори Карлсон. Сега нищо друго не го интересуваше освен малкото кученце. И дори тогава, когато Карлсон каза, че не би било зле да се позабавлява, Дребосъчето не му обърна никакво внимание. Тогава Карлсон изди до липата си устна и заяви:

— Не, няма да играя така! През всичкото време ти се занимаваш само с това кученце, а пък и аз искам да се занимавам с нещо.

— Ясно, это фамилия его хозяина, — подхватил Кристер.

— Может быть, этот Альберг уже умер! — возразил Малыш и подумал, что, даже если Альберг существует, он, конечно, не любит щенка. И вдруг Малышу пришла в голову прекрасная мысль. — А может быть, самого щенка зовут Альберг? — спросил он, умоляюще взглянув на Кристера и Гуниллу.

Но те лишь обидно рассмеялись в ответ.

— У меня есть несколько собак по кличке Альберг, — сказал Карлсон. — Привет, Альберг!

Щенок подскочил к Карлсону и весело залаял.

— Вот видите, — крикнул Малыш, — он знает своё имя!.. Альберг, Альберг, сюда!

Гунилла схватила щенка.

— Тут на ошейнике выгравирован номер телефона, — безжалостно сказала она.

— Конечно, у собаки есть личный телефон, — объяснил Карлсон. — Скажи ей, чтобы она позвонила своей экономке и предупредила, что вернётся поздно. Мои собаки всегда звонят по телефону, когда задерживаются.

Карлсон погладил щенка своей пухлой ручкой.

— Одна из моих собак, которую, кстати, тоже зовут Альберг, как-то на днях задержалась, — продолжал Карлсон. — Она решила позвонить домой, чтобы предупредить меня, но спутала номер телефона и попала к одному старому майору в отставке, проживающему в Кунгсхольме. „Это кто-нибудь из собак Карлсона?“ — осведомилась Альберг. Майор обиделся и стал ругаться: „Осёл! Я майор, а не собака!“ — „Так чего ж вы меня обляяли?“ — вежливо спросила Альберг. Вот какая она умница!

Малыш не слушал Карлсона. Его сейчас ничто не интересовало, кроме маленького щенка. И даже когда Карлсон сказал, что он не прочь слегка поразвлечься, Малыш не обратил на это никакого внимания. Тогда Карлсон выпятил нижнюю губу и заявил:

— Нет, так я не играю! Ты всё время возишься с этой собакой, а я тоже хочу чем-нибудь заняться.

Гунила и Кристер подкрепиха Карлсон.

— Хайде да уредим „Забава на чудесата“ — предложи Карлсон, като престана да се сърди. — Познай кой е най-добрият в света фокусник?

— Разбира се, Карлсон! — завикаха в надпревара Дребосьчето, Кристер и Гунила.

— Значи решаваме да уредим „Забава на чудесата“?

— Да! — казаха децата.

— Решаваме също така входът за това представление да струва един бонбон?

— Да — потвърдиха децата.

— Решаваме още събранныте бонбони да отидат за благотворителни цели?

— Така ли? — попитаха учудени децата.

— А съществува само една истинска благотворителна цел — грижата за Карлсон.

Децата се спогледаха в недоумение.

— А може би... — започна Кристер.

— Не, ние решихме вече! — прекъсна го Карлсон.

— Иначе не играя.

И така, те решиха, че всички бонбони ще получи Карлсон, който живее на покрива.

Кристер и Гунила отърчаха на улицата и разказаха на всички деца, че още сега горе, в дома на Дребосьчето, ще започне голямо представление — „Забава на чудесата“. И всички, които имат поне пет йоре, да изтичат в магазинчето и да си купят там „входни бонбони“.

Пред стаята на Дребосьчето стоеше Гунила; тя събираще от всички зрители бонбоните и ги слагаше в кутия с надпис: „За благотворителни цели“.

Посред стаята Кристер нареди столове за зрителите. В единия ъгъл на стаята беше разпънато одеяло и оттам долитаха шепот и кучешки лай.

— Какво ще ни показват тук? — попита едно момче на име Кире. — Ако е някаква глупост, ще поискам да ми върнат бонбона.

Дребосьчето, Гунила и Кристер не обичаха този Кире. Той все беше недоволен от нещо.

Гунила и Кристер поддържали Карлсона.

— Давайте устроим "Вечер чудес", — сказал Карлсон, перестав дутъся. — Угадайте, кто лучший в мире фокусник?

— Конечно, Карлсон! — наперебой закричали Малыш, Кристер и Гунила.

— Значит, мы решили, что устроим представление под названием "Вечер чудес"?

— Да, — сказали дети.

— Мы решили также, что вход на это представление будет стоить одну конфетку?

— Да, — подтвердили дети.

— И ещё мы решили, что собранные конфеты пойдут на благотворительные цели.

— Как? — удивились дети.

— А существует только одна настоящая благотворительная цель — забота о Карлсоне.

Дети с недоумением переглянулись.

— А может быть... — начал было Кристер.

— Нет, мы решили! — перебил его Карлсон. — А то я не играю.

Итак, они решили, что все конфеты получит Карлсон, который живёт на крыше.

Кристер и Гунила выбежали на улицу и рассказали всем детям, что наверху у Малыша сейчас начнётся большое представление "Вечер чудес". И все, у кого было хотя бы пять эре, побежали в лавку и купили там "входные конфеты".

У двери в комнату Малыша стояла Гунила; она отбирала у всех зрителей конфеты и клала их в коробку с надписью: "Для благотворительных целей".

Посреди комнаты Кристер расставил стулья для публики. Угол комнаты был отгорожен одеялом, и оттуда доносились шёпот и собачий лай.

— Что нам здесь будут показывать? — спросил мальчик по имени Кирре. — Если какую-нибудь чепуху, я потребую назад свою конфетку.

Малыш, Гунила и Кристер не любили этого Кирре — он вечно был всем недоволен.

Но ето иззад одеялото излезе Дребосъчето. На ръце държеше малкото кученце.

— Сега ще видите най-добрия в целия свят фокусник и дресираното куче Алберг! — съобщи тържествено той.

— Както беше разгласено, пред вас ще се яви най-добрият в целия свят фокусник — чу се глас зад одеялото и пред зрителите се показа Карлсон.

На главата си беше разгледал цилиндъра на бащата на Дребосъчето, а плещите си беше наметнал с карираната престиилка на майката на Дребосъчето, като я беше вързал под брадата си в разкошен възел. Тая престиилка заместваше черното наметало, с което фокусниците обикновено излизат пред зрителите.

Всички дружно заръкоплясаха. Всички освен Кире.

Карлсон се поклони. Той имаше твърде самодоволен вид: но ето той сне от главата си цилиндъра и показа на всички, че цилиндърът е празен — точно така, както обикновено правят фокусниците.

— Бъдете добри, господа, да се убедите, че в цилиндъра няма нищо! Абсолютно нищо! — каза той.

„Сега ще извади оттам жив заек — помисли си Дребосъчето. Той беше гледал веднъж в цирка фокуснически номера. — Ще бъде много забавно, ако Карлсон наистина извади от цилиндъра заек!“

— Както ви се каза, в тоя цилиндър няма нищо — продължи мрачно Карлсон. — И никога няма да има нищо, ако вие не сложите нещо. Аз виждам, че пред мене седят малки лакомници и ядат бонбони. Сега ще пуснем тоя цилиндър да ви обиколи и нека всеки от вас пусне по един бонбон. Това ще направите с благотворителна цел.

Дребосъчето с цилиндър в ръка обиколи всички деца. Бонбоните се сипеха в цилиндъра. После той предаде цилиндъра на Карлсон.

— Някак подозрително хлопат в него бонбоните! — каза Карлсон и поклати цилиндъра. — Ако беше пълен, нямаше така да хлопат.

Карлсон пъхна в устата си един бонбон и почна да дъвчее.

— Ето това наричам аз благотворителност! — извика той и още по-enerгично заработи с

Но вот из-за одеяла вышел Малыш. На руках он держал маленького щенка.

— Сейчас вы все увидите лучшего в мире фокусника и учёную собаку Альберг, — торжественно произнёс он.

— Как уже было объявлено, выступает лучший в мире фокусник, — послышался голос из-за одеяла, и перед публикой появился Карлсон.

Его голову украшал цилиндр папы Малыша, а на плечи был накинут мамин клетчатый фартук, завязанный под подбородком пышным бантом. Этот фартук заменил Карлсону чёрный плащ, в котором обычно выступают фокусники.

Все дружно захлопали. Все, кроме Кирре.

Карлсон поклонился. Вид у него был очень самодовольный. Но вот он снял с головы цилиндр и показал всем, что цилиндр пуст, — точь-в-точь как это обычно делают фокусники.

— Будьте добры, господа, убедитесь, что в цилиндре ничего нет. Абсолютно ничего, — сказал он.

“Сейчас он вынет оттуда живого кролика, — подумал Малыш. Он видел однажды в цирке выступление фокусника. — Вот будет забавно, если Карлсон и правда вынет из цилиндра кролика!”

— Как уже было сказано, здесь ничего нет, — мрачно продолжал Карлсон. — И здесь никогда ничего не будет, если вы сюда ничего не положите. Я вижу, передо мной сидят маленькие обжоры и едят конфеты. Сейчас мы пустим этот цилиндр по кругу, и каждый из вас кинет в него по одной конфете. Вы сделаете это в благотворительных целях.

Малыш с цилиндром в руках обошёл всех ребят. Конфеты так исыпались в цилиндр. Затем он передал цилиндр Карлсону.

— Что-то он подозрительно гремит! — сказал Карлсон и потряс цилиндр. — Если бы он был полон, он бы так не гремел.

Карлсон сунул в рот конфетку и принялся жевать.

— Вот это, я понимаю, благотворительность! — воскликнул он и ещё энергичнее заработал

челюстите си.

Кире не пусна никакъв бонбон в шапката, макар че в ръцете си имаше цяло пакетче с бонбони.

— Та ето, мои скъпи другари, и ти, Кире — каза Карлсон, — пред нас е дресираното куче Алберг. То умеет да прави всичко: да звъни по телефон, да лети, да пече кифлички, да разговаря и повдига краче. С една дума — всичко.

В този миг кученцето наистина повдигна краче точно край стола на Кире и на пода се образува малка локвичка.

— Сега вие виждате, че аз не преувеличавам. Това е истинско дресирано куче.

— Празна работа! — каза Кире и отмести стола встрани от локвичката. — Всяко куче ще направи тоя фокус. Нека тоя Алберг поприказва малко. Това ще бъде по-трудничко, ха-ха!

Карлсон се обърна към кученцето:

— Трудно ли ти е да приказваш, Алберг?

— Не — отговори кученцето. — Трудно ми е да приказвам само когато пуша цигара.

Децата подскочиха от учудване. Но Дребосъчето реши в себе си, че зад него приказва Карлсон. И дори се зарадва от това, защото искаше да има обикновено куче, а не някакво си говорещо.

— Мили Алберг, не можеш ли да разкажеш нещо из кучешкия си живот на нашите другари и на Кире? — попита Карлсон.

— На драго сърце — отговори Алберг и почна своя разказ: — По-миналата вечер ходих на кино — каза Алберг и заподскача весело около Карлсон.

— Наистина ходи — потвърди Карлсон.

— Да! И наред с мене на стола седяха две бълхи — продължи Алберг.

— Какво приказваш? — учуди се Карлсон.

— Да, да! — потвърди Алберг. — И когато после излязохме на улицата, чух как едната бълха каза на другата: „Какво искаш да направим: пеш ли да си идем възьши, или с куче?“

Всички деца смятаха, че представлението е хубаво, макар и да не приличаше много на „Забава на чудесата“. Само Кире седеше недоволен.

челюстями.

Один Кирре не положил конфеты в шляпу, хотя в руке у него был целый кулёк.

— Так вот, дорогие мои друзья, и ты, Кирре, — сказал Карлсон, — перед вами учёная собака Альберг. Она умеет делать всё: звонить по телефону, летать, печь булочки, разговаривать и поднимать ножку. Словом, всё.

В этот момент щенок и в самом деле поднял ножку — как раз возле стула Кирре, и на полу образовалась маленькая лужица.

— Теперь вы видите, что я не преувеличиваю: это действительно учёная собака.

— Ерунда! — сказал Кирре и отодвинул свой стул от лужицы. — Любой щенок сделает такой фокус. Пусть этот Альберг немножко поговорит. Это будет потруднее, ха-ха!

Карлсон обратился к щенку:

— Разве тебе трудно говорить, Альберг?

— Нет, — ответил щенок. — Мне трудно говорить, только когда я курю сигару.

Ребята прямо подскочили от изумления. Казалось, говорит сам щенок. Но Малыш всё же решил, что за него говорит Карлсон. И он даже обрадовался, потому что хотел иметь обыкновенную собаку, а не какую-то говорящую.

— Милый Альберг, не можешь ли ты рассказать что-нибудь из собачьей жизни нашим друзьям и Кирре? — попросил Карлсон.

— Охотно, — ответил Альберг и начал свой рассказ.

— Позавчера вечером я ходил в кино, — сказал он и весело запрыгал вокруг Карлсона.

— Конечно, — подтвердил Карлсон.

— Ну да! И рядом со мной на стуле сидели две блохи, — продолжал Альберг.

— Что ты говоришь! — удивился Карлсон.

— Ну да! — сказал Альберг. — И когда мы вышли потом на улицу, я услышал, как одна блоха сказала другой: "Ну как, пойдём домой пешком или поедем на собаке?"

Все дети считали, что это хорошее представление, хотя и не совсем "Вечер чудес". Один лишь Кирре сидел с недовольным видом.

— Нали той каза, че това куче може да пече кифлички — обади се насмешливо Кире.

— Алберг, ще изпечеш ли кифлички? — попита Карлсон.

Алберг зина и легна на пода.

— Не, не мога... — отговори кучето.

— Ха-ха! Така си и мислех! — завика Кире.

— Не мога, защото нямам мая — поясни Алберг.

На всички деца Алберг се хареса много. Но Кире продължаваше да упорства.

— Тогава нека полети — каза той. — За това не трябва мая.

— Ще полетиш ли, Алберг? — попита Карлсон кученцето.

Кученцето изглеждаше задрямало, но все пак отговори на Карлсон:

— Защо не, но ако и ти полетиш с мене, защото обещах на мама никога да не летя без възрастни.

— Тогава ела тук, Албергчо — каза Карлсон и пое кученцето от пода.

След миг Карлсон и Алберг вече летяха. Найнапред те се издигнаха към тавана и направиха няколко кръга около лампата, а после отлетяха през прозореца. Кире дори побледня от учудване.

Всички деца се втурнаха към прозореца, за да гледат как Карлсон и Алберг летят над покрива на къщата.

А Дребосъчето изпадна в ужас и извика:

— Карлсон, Карлсон, върни се обратно с моето кученце!

Карлсон послуша. Тозчас се върна обратно и сложи кучето на пода. Алберг се разтърси. Той изглеждаше много учуден. Можеше да се допусне, че това беше първият полет в живота му.

— Хайде стига засега! Друго нещо няма да показваме. А това е за тебе. На! — И Карлсон блъсна Кире.

Кире не разбра веднага какво иска Карлсон.

— Дай бонбона! — рече сърдито Карлсон.

Кире извади своето пакетче и го даде на Карлсон,

— Он ведь уверял, что эта собака умеет печь булочки, — насмешливо проговорил Кирре.

— Альберг, ты испечёш булочку? — спросил Карлсон.

Альберг зевнул и лёг на пол.

— Нет, не могу... — ответил он.

— Ха-ха! Так я и думал! — закричал Кирре.

— ...потому что у меня нет дрожжей, — пояснил Альберг.

Всем детям Альберг очень понравился, но Кирре продолжал упорствовать.

— Тогда пусть полетает — для этого дрожжей не нужно, — сказал он.

— Полетаешь, Альберг? — спросил Карлсон собаку.

Щенок, казалось, спал, но на вопрос Карлсона всё же ответил:

— Что ж, пожалуйста, но только если ты полетишь вместе со мной, потому что я обещал маме никогда не летать без взрослых.

— Тогда иди сюда, маленький Альберг, — сказал Карлсон и поднял щенка с пола.

Секунду спустя Карлсон и Альберг уже летели. Сперва они поднялись к потолку и сделали несколько кругов над люстрой, а затем вылетели в окно. Кирре даже побледнел от изумления.

Все дети кинулись к окну и стали смотреть, как Карлсон и Альберг летают над крышей дома.

А Малыш в ужасе крикнул:

— Карлсон, Карлсон, лети назад с моей собакой!

Карлсон послушался. Он тут же вернулся назад и положил Альберга на пол. Альберг встряхнулся. Вид у него был очень удивлённый — можно было подумать, что это его первый в жизни полёт.

— Ну, на сегодня хватит. Больше нам нечего показывать. А это тебе. Получай! — И Карлсон толкнул Кирре.

Кирре не сразу понял, чего хотел Карлсон.

— Дай конфету! — сердито проговорил Карлсон.

Кирре вытащил свой кулёк и отдал его Карлсону,

като успя все пак да лапне още един бонбон.

— Позор на лакомото момче!... — каза Карлсон и очите му зашариха наоколо. — А къде е кутията с благотворителните вноски? — попита тревожно той.

Гунила му подаде кутията, в която събираще „входните билети“. Тя помисли, че сега, когато Карлсон се сдоби с толкова бонбони, ще почерпи всички деца. Но Карлсон не направи това. Той грабна кутията и почна да брои трескаво бонбоните.

— Петнадесет парчета — каза той. — Стигат за вечеря... Довиждане! Отивам да вечерям въкъщи.

И той отлетя през прозореца.

Децата тръгнаха да се разотиват. Гунила и Кристер също си излязоха. Дребосъчето и Алберг останаха сами. Това много зарадва Дребосъчето. Той взе кученцето на колене и му зашепна нещо. Кученцето го лизна по лицето и заспа, като сладко похъркваше.

После майката на Дребосъчето се върна от пералнята и всичко се измени. На Дребосъчето му стана много тъжно: майка му съвсем не смяташе, че Алберг е бездомно куче. Тя позвъни на номера, който беше издълбан върху нашийника на Алберг, и разказа, че нейният син е намерил черно кученце — пудел.

Дребосъчето стоеше до телефона, притискаше кученцето към гърдите си и шепнеше:

— Дано кученцето не е тяхно!

Но уви, кученцето излезе тяхно.

— Знаеш ли, синко, кой е притежателят на Боби? — каза майката, като сложи слушалката. — Момченце, което се казва Стефан Алберг.

— Боби ли? — попита Дребосъчето.

— Да, така се казва кученцето. Стефан се е съсипал да плаче. Към седем часа ще дойде за Боби.

Дребосъчето нищо не отговори, но силно побледня и очите му заблестяха. Той още по-силно притисна кученцето към себе си и тихичко, за да не чуе майка му, зашепна на ухото му:

— Миличък Алберг, как искам да си мое кученце!

успев, правда, сунуть себе в рот ещё одну конфету.

— Позор жадному мальчишке!.. — сказал Карлсон и стал поспешно искать что-то глазами. — А где коробка для благотворительных сборов? — с тревогой спросил он.

Гунилла подала ему коробку, в которую она собирала "входные конфеты". Она думала, что теперь, когда у Карлсона оказалось столько конфет, он угостит всех ребят. Но Карлсон этого не сделал. Он схватил коробку и принялся жадно считать конфеты.

— Пятнадцать штук, — сказал он. — На ужин хватит... Привет! Я отправляюсь домой ужинать. И он вылетел в окно.

Дети стали расходиться. Гунилла и Кристер тоже ушли. Малыш и Альберг остались вдвоём, чemu Малыш был очень рад. Он взял щенка на колени и стал ему что-то нашёптывать. Щенок лизнул Малыша в лицо и заснул, сладко посапывая.

Потом пришла мама из прачечной, и сразу всё изменилось. Малышу сделалось очень грустно: мама вовсе не считала, что Альбергу негде жить, — она позвонила по номеру, который был выгравирован на ошейнике Альберга, и рассказала, что её сын нашёл маленького чёрного щенка-пуделя.

Малыш стоял возле телефона, прижимая Альберга к груди, и шептал:

— Только бы это был не их щенок...

Но, увы, это оказался их щенок!

— Знаешь, сыночек, кто хозяин Бобби? — сказала мама, положив трубку. — Мальчик, которого зовут Стефан Альберг.

— Бобби? — переспросил Малыш.

— Ну да, так зовут щенка. Всё это время Стефан проплакал. В семь часов он придёт за Бобби.

Малыш ничего не ответил, но сильно побледнел, и глаза его заблестели. Он ещё крепче прижал к себе щенка и тихонько, так, чтобы мама не слышала, зашептал ему на ухо:

— Маленький Альберг, как бы я хотел, чтобы ты был моей собакой!

Когато удари седем часът, дойде Стефан Алберг и отнесе кученцето.

А Дребосъчето лежеше в кревата си и плачеше тъй горчиво, че просто сърцето да ти разкъса.

Карлсон на рожден ден

Настана лято. Училищните занятия приключиха и застягаха Дребосъчето да го изпратят при баба му на село. Но преди заминаването трябваше да мине едно важно събитие — рожденият ден на Дребосъчето, който навършваше осем години. О, откога Дребосъчето беше зачакал рождения си ден! Почти от оня ден, когато навърши седем години.

Чудно нещо, колко време изтича между два рождения дни — почти толкова, колкото между новогодишните празници.

Вечерта срещу рождения си ден Дребосъчето разговаря с Карлсон.

— Утре е моят рожден ден — каза Дребосъчето. — При мен ще дойдат на гости Гунила и Кристер и ще ни сложат трапеза в моята стая... — Дребосъчето помълча, изглеждаше мрачен. — Много ми се иска да поканя и тебе — продължи той, — но...

Майка му толкова много се сърдеше на Карлсон, че беше бесполезно да иска от нея разрешение.

Карлсон изду долгата си устна повече от всеки друг път:

— Няма да дружа с тебе, ако не ме поканиш! И аз искам да се повеселя.

— Добре, добре, ела — каза бързо Дребосъчето. Той реши да поговори с майка си. Каквото ще да става, но е невъзможно да празнува рождения си ден без Карлсон.

— А с какво ще ни гощават? — попита Карлсон, като престана да се сърди.

— То се знае, с торта, украсена с осем свещи.

— Добре! — извика Карлсон. — Знаеш ли, аз имам едно предложение.

— Какво? — попита Дребосъчето.

— Не може ли да помолиш майка си да ни пригответи вместо една торта с осем свещи, осем торти с една свещ?

Но Дребосъчето не вярваше, че майка му ще се съгласи.

Когда пробило седмь, пришёл Стافан Альберг и унёс щенка.

А Малыш лежал ничком на кровати и плакал так горъко, че просто сердце разривалось.

КАРЛСОН ПРИХОДИТ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Настало лято. Занятия в школе кончились, и Малыша собирались отправить в деревню, к бабушке. Но до отъезда должно было еще произойти одно важное событие — Малышу исполнялось восемь лет. О, как долго ждал Малыш своего дня рождения! Почти с того дня, как ему исполнилось седьмь.

Удивительно, как много времени проходит между днями рождения, — почти столько же, сколько между рождественскими праздниками.

Вечером накануне этого торжественного дня у Малыша был разговор с Карлсоном.

— Завтра день моего рождения, — сказал Малыш. — Ко мне придут Гунилла и Кристер, и нам накроют стол в моей комнате... — Малыш помолчал; вид у него был мрачный. — Мне бы очень хотелось и тебя пригласить, — продолжал он, — но...

Мама так сердилась на Карлсона, что бесполезно было просить у неё разрешения.

Карлсон выпятил нижнюю губу больше, чем когда бы то ни было:

— Я с тобой не буду водиться, если ты меня не позовёшь! Я тоже хочу повеселиться.

— Ладно, ладно, приходи, — торопливо сказал Малыш. Он решил поговорить с мамой. Будь что будет, но невозможно праздновать день рождения без Карлсона.

— А чем нас будут угождать? — спросил Карлсон, перестав дуться.

— Ну конечно, сладким пирогом. У меня будет именинный пирог, украшенный восемью свечами.

— Хорошо! — воскликнул Карлсон. — Знаешь, у меня есть предложение.

— Какое? — спросил Малыш.

— Нельзя ли попросить твою маму приготовить нам вместо одного пирога с восемью свечами восемь пирогов с одной свечой?

Но Малыш не думал, чтобы мама на это

— Ти навярно ще получиш хубави подаръци — попита Карлсон.

— Не зная — отвърна Дребосъчето и въздъхна. Той знаеше: това, което искаше, за което жадуваше, нямаше да получи...

— То се знае, няма да ми подарят куче, докато съм жив. Но, разбира се, ще получа много други подаръци. Затова реших целия ден да се веселя и никак да не си мисля за куче. А ако получва кутия с бонбони, ще ти я дам.

За Карлсон Дребосъчето беше готов на всичко, особено сега, когато предстоеше раздялата.

— Знаеш ли, Карлсон — рече Дребосъчето, — вдруги ден заминавам при баба за цяло лято.

Карлсон отначало се натъжи, но после каза с весел вид:

— И аз ще отида при баба си, и моята баба много повече прилича на истинска баба, отколкото твоята.

— А къде живее твоята баба? — попита Дребосъчето.

— В къща, че къде другаде! Да не мислиш, че живее на улицата и по цяла нощ се скита?

Те не можеха повече да говорят нито за бабата на Карлсон, нито за рождения ден на Дребосъчето, нито за каквото и да било друго, защото вече се стъмваше и Дребосъчето трябваше по-скоро да си легне, за да не се успи на рождения си ден.

Като се събуди на следното утро, Дребосъчето остана да лежи в кревата си и да чака как ще се отвори вратата и ще влязат всички при него в стаята да донесат тортата за рождения ден и другите подаръци. Минутите се влачеха мъчително дълго. Дребосъчето почувства, че на корема му прималя от очакване, толкова много му се искаше да види подаръците.

согласилась.

— Ты, наверно, получиш хорошие подарки? — спросил Карлсон.

— Не знаю, — ответил Малыш и вздохнул. Он знал то, чего он хотел, хотел больше всего на свете, он всё равно не получит...

— Собаку мне, видно, не подарят никогда в жизни, — сказал Малыш. — Но я, конечно, получу много других подарков. Поэтому я решил весь день веселиться и совсем не думать о собаке.

— А кроме того, у тебя есть я. Я куда лучше собаки, — сказал Карлсон и взглянул на Малыша, наклонив голову. — Хотелось бы знать, какие ты получишь подарки. Если тебе подарят конфеты, то, по-моему, ты должен их тут же отдать на благотворительные цели.

— Хорошо, если я получу коробку конфет, я тебе её отдам.

Для Карлсона Малыш был готов на всё, особенно теперь, когда предстояла разлука.

— Знаешь, Карлсон, — сказал Малыш, — послезавтра я уезжаю к бабушке на всё лето.

Карлсон сперва помрачнел, а потом важно произнёс:

— Я тоже еду к бабушке, и моя бабушка гораздо больше похожа на бабушку, чем твоя.

— А где живёт твоя бабушка? — спросил Малыш.

— В доме, а где же ещё! А ты небось думаешь, что она живёт на улице и всю ночь скачет?

Больше им не удалось поговорить ни о бабушке Карлсона, ни о дне рождения Малыша, ни о чём другом, потому что уже стемнело и Малышу нужно было поскорее лечь в постель, чтобы не проспать день своего рождения.

Проснувшись на следующее утро, Малыш лежал в кровати и ждал: он знал — сейчас отворится дверь, и все войдут к нему в комнату и принесут именинный пирог и другие подарки. Минуты тянулись мучительно долго. У Малыша даже живот заболел от ожидания, так ему хотелось скорее увидеть подарки.

И ето най-после в коридора се раздадоха стъпки и се чуха думите: „Да, навярно е вече буден.“ Вратата се разтвори и се появиха всички: майката, бащата, Босе и Бетан.

Дребосьчето седна на кревата и очите му заблестяха:

— Честито, мило Дребосьче! — каза майка му.

И баща му, и Босе, и Бетан също казаха: „Честито!“ Пред Дребосьчето поставиха табла. Върху нея имаше торта с осем свещи и други подаръци.

Много бяха подаръците — макар и да бяха може би по-малко, отколкото на миналите рождения дни: на таблата имаше четири пакета. Дребосьчето бързо ги преброя.

Но бащата каза:

— Не е задължително всички подаръци да се дадат сутринта. Може би ще получиш още нещо и през деня...

Дребосьчето много се зарадва на четирите пакета. В тях имаше: кутийка с бои, пистолет за игра, книга и нови сини гащета. Всичко му се хареса много. „Колко са мили и мама, и татко, и Босе, и Бетан! — помисли Дребосьчето. — Никой в света няма такива мили майка и баща, брат и сестра!“

Дребосьчето стреля няколко пъти с пистолета. Изстрелите бяха доста гръмки. Цялото семейство беше насядало край леглото му и слушаше как той стреля. О, как се обичаха всички помежду си!

— Само като си помисли човек, че преди осем години ти се появи на света — ей такова дребосьче... — каза бащата на Дребосьчето.

— Да — рече майката, — колко бързо тече времето! Какъв дъжд плющеше тоя ден в Стокхолм!

— Мамо, аз в Стокхолм ли съм се родил? — попита Дребосьчето.

— Разбира се — отговори майка му.

— А Босе и Бетан нали са родени в Малмьо?

— Да, в Малмьо.

— А ти, татко, нали си роден в Гьотеборг? Ти си ми разправял...

Но вот наконец в коридоре раздались шаги и послышались слова: "Да он, наверно, уже проснулся". Дверь распахнулась, и появились все: мама, папа, Боссе и Бетан.

Малыш сел на кровати, и глаза его заблестели.

— Поздравляем тебя, дорогой Малыш! — сказала мама.

И папа, и Боссе, и Бетан тоже сказали: "Поздравляем!" И перед Малышом поставили поднос. На нём был пирог с восемью горящими свечками и другие подарки.

Много подарков — хотя, пожалуй, меньше, чем в прошлые дни рождения: на подносе лежало всего четыре свёртка; Малыш их быстро сосчитал.

Но папа сказал:

— Не обязательно все подарки получать утром — может быть, ты получишь ещё что-нибудь днём...

Малыш был очень рад четырём свёрткам. В них оказались: коробка с красками, игрушечный пистолет, книга и новые синие штанишки. Всё это ему очень понравилось. "Какие они милые — мама, и папа, и Боссе, и Бетан! — подумал Малыш. — Ни у кого на свете нет таких милых мамы и папы и брата с сестрой".

Малыш несколько раз стрельнул из пистолета. Выстрелы получались очень громкие. Вся семья сидела у его кровати и слушала, как он стреляет. О, как они все друг друга любили!

— Подумай, восемь лет назад ты появился на свет — вот таким крошкой... — сказал папа.

— Да, — сказала мама, — как быстро идёт время! Помнишь, какой дождь хлестал в тот день в Стокгольме?

— Мама, я родился здесь, в Стокгольме? — спросил Малыш.

— Конечно, — ответила мама.

— Но ведь Боссе и Бетан родились в Мальмё?

— Да, в Мальмё.

— А ведь ты, папа, родился в Гётеборге? Ты мне говорил...

— Да, аз съм гьотеборгско момченце — каза бащата.

— А ти, мамо, къде си родена?

— В Ескилстун — отговори майка му.

Дребосъчето я прегърна горещо.

— Какво щастие, че сме се събрали! — рече той.

Всички се съгласиха с него.

После изпяха на Дребосъчето „За много години“, а Дребосъчето стреля с пистолета и се получи оглушителен трясък.

Сетне Дребосъчето зачака гости и през всичкото време стреляше с пистолета и размишляваше върху думите на баща си, че подаръци може да получи и през деня. За един миг той дори повярва, че ще стане чудо — ще му подарят кученце. Но тозчас разбра, че това е невъзможно, и дори се разсърди на себе си, дето така глупаво се е размечтал. Нали твърдо беше решил да не мисли днес за куче и да се радва на всичко останало.

И Дребосъчето наистина се радваше на всичко. Веднага след обядта майка му почна да нарежда масата в неговата стая. Сложи голям букет цветя във вазата и донесе най-красивите розови чашки — за трима души.

— Мамо — каза Дребосъчето, — нужни са четири чашки.

— Защо? — попита учудена майка му.

Дребосъчето се обърка. Тъкмо сега беше моментът да признае, че е поканил за рождения си ден Карлсон, макар че майка му ще бъде недоволна от това.

— Карлсон, който живее на покрива, ще дойде също така при мене — каза Дребосъчето и погледна смело майка си в очите.

— О! — въздъхна майка му. — О! Че какво, нека дойде! Нали днес е рожденият ти ден!

Тя погали по светлите коси Дребосъчето.

— Ти все още си оставаш с детските си фантазии. Не е за вярване, че си навършил осем години. На колко години си, Дребосъче?

— Аз съм мъж в разцвета на силите си — отговори важно Дребосъчето, точно като Карлсон.

— Да, я гётеборгски мальчишка, — сказал папа.

— А ты, мама, где родилась?

— В Эскильстуне, — сказала мама.

Малыш горячо обнял её.

— Какая удача, что мы все встретились! — проговорил он.

И все с этим согласились.

Потом они пропели Малышу "Многие лета", а Малыш выстрелил, и треск получился оглушительный.

Всё утро Малыш то и дело стрелял из пистолета, ждал гостей и всё время размышлял о словах папы, что подарки могут появиться и днём. На какой-то счастливый миг он вдруг поверил, что свершится чудо — ему подарят собаку. Но тут же понял, что это невозможно, и даже рассердился на себя за то, что так глупо размечтался. Ведь он твёрдо решил не думать сегодня о собаке и всему радоваться.

И Малыш действительно всему радовался. Сразу же после обеда мама стала накрывать на стол у него в комнате. Она поставила в вазу большой букет цветов и принесла самые красивые розовые чашки. Три штуки.

— Мама, — сказал Малыш, — нужно четыре чашки.

— Почему? — удивилась мама.

Малыш замялся. Теперь ему надо было рассказать, что он пригласил на день рождения Карлсона, хотя мама, конечно, будет этим недовольна.

— Карлсон, который живёт на крыше, тоже придёт ко мне, — сказал Малыш и смело посмотрел маме в глаза.

— О! — вздохнула мама. — О! Ну что ж, пусть приходит. Ведь сегодня день твоего рождения.

Мама провела ладонью по светлым волосам Малыша:

— Ты всё ещё носишься со своими детскими фантазиями. Трудно поверить, что тебе исполнилось восемь. Сколько тебе лет, Малыш?

— Я мужчина в самом расцвете сил, — важно ответил Малыш — точь-в-точь как Карлсон.

Бавно минаваше тоя ден. Вече отдавна настана това „през деня“, за което спомена бащата на Дребосъчето, но никой не донесе никакви нови подаръци.

В края на краищата Дребосъчето получи още един подарък.

Босе и Бетан, които не бяха разпуснати за лятната ваканция, се върнаха от училище и веднага се заключиха в Босевата стая. Не пуснаха Дребосъчето вътре. Той стоеше в коридора и слушаше как отвъд заключената врата се чуваха хихикането на сестрата и шумолене на хартия. Дребосъчето едва не се пръсна от любопитство.

След известно време те излязоха и Бетан, смеейки се, подаде на Дребосъчето един пакет. Той се зарадва много и искаше веднага да го разопакова, но Босе му каза:

— Не, по-напред прочети стиховете, които са залепени тук.

Стиховете бяха написани с едри печатни букви, за да може Дребосъчето сам да ги прочете. И той прочете:

От Босе и Бетан дар чакан и желан:

красиво кученце, що си кротува,

не лае, не скача, нито пък лудува.

На никого никога то не налита.

Не води то с кучета битка открита.

Опашки и лапи, глави и ушички

добре са ушити. От чер плюш са всички.

Дребосъчето мълчеше. Той сякаш се вкамени.

— А сега развържи пакета — каза Босе.

Но Дребосъчето захвърли пакета в ъгъла на стаята и сълзи като град рукаха по бузите му.

— Какво ти е, Дребосъче, какво ти е? — попита изплашено Бетан.

— Недей плака, не плачи, Дребосъче! — повтаряше смутен Босе; личеше, че е много натъжен.

Бетан прегърна Дребосъчето:

— Прости ни! Искахме само да се пошегуваме. Разбиращ ли?

Дребосъчето се изтръгна рязко от ръцете на Бетан.

Медленно катиля се този ден. Уже давно настала то "днём", о котором говорил папа, но никаких новых подарков никто не приносил.

В конце концов Малыш получил еще один подарок.

Боссе и Бегай, у которых еще не начались летние каникулы, вернулись из школы и тут же заперлись в комнате Боссе. Малыша они туда не пустили. Стоя в коридоре, он слышал, как за запертой дверью раздавалось хихиканье сестры и шуршание бумаги. Малыш чуть не лопнул от любопытства.

Некоторое время спустя они вышли, и Бетан, смеясь, протянула Малышу свёрток. Малыш очень обрадовался и хотел уже разорвать бумажную обёртку, но Боссе сказал:

— Нет, сперва прочти стихи, которые здесь наклеены.

Стихи были написаны крупными печатными буквами, чтобы Малыш смог их сам разобрать, и он прочёл:

Брат и сестра тебе дарят собаку.

Она не вступает с собаками в драку,

Не лает, не прыгает и не кусается,

Ни на кого никогда не бросается.

И хвостик, и лапы, и морда, и уши

У этой собаки из чёрного плюша.

Малыш молчал; он словно окаменел.

— Ну, а теперь развязи свёрток, — сказал Боссе.

Но Малыш швырнул свёрток в угол, и слёзы градом покатились по его щекам.

— Ну что ты, Малыш, что ты? — испуганно сказала Бетан.

— Не надо, не плачь, не плачь, Малыш! — растерянно повторял Боссе; видно было, что он очень огорчён.

Бетан обняла Малыша:

— Прости нас! Мы хотели только пошутить. Понимаешь?

Малыш резким движением вырвался из рук Бетан;

Лицето му беше мокро от сълзи.

— Вие знаехте — говореше той, като хълцаше, — вие знаехте, че аз си мечтаех за живо кученце! Нямаше защо да ме дразните...

Дребосьчето избяга в своята стая и се тръшна на кревата. Босе и Бетан се втурнаха след него. Но Дребосьчето не им обръщаше никакво внимание — целият се тресеше от плач.

Сега рожденият ден беше помрачен. Дребосьчето беше решил да бъде целия ден весел дори да не му подаряха кученце. Но да получи подарък плюшено куче — това беше вече прекалено! Щом си спомняше за това, неговият плач се превръщаше в истинско ридание и той все по-дълбоко завираше главата си във възглавницата.

Майката, Босе и Бетан стояха около кревата. На всички им беше много тъжно.

— Аз ей сега ще позвъня на татко ви и ще го помоля да си дойде по-рано от работа — каза майката.

Дребосьчето плачеше... Какво от това, че баща му ще си дойде. Сега всичко изглеждаше на Дребосьчето безнадеждно тъжно. Рожденият ден беше помрачен и нищо вече не можеше да помогне.

Дребосьчето слушаше как майка му отиде да се обади по телефона, но продължаваше да плаче. Чу, че баща му се върна върхи, но пак продължаваше да плаче. Не, никога вече Дребосьчето няма да бъде весел... Най-добре ще е още сега да умре и нека тогава Босе и Бетан си вземат плюшеното куче, за да помнят вечно колко са били жестоки към своя малък брат на рождения му ден, когато е бил още жив...

Изведнъж Дребосьчето забеляза, че всички — и майка му, и татко му, и Босе, и Бетан — стояха около леглото му, но той още по-дълбоко зарови главата си във възглавницата.

— Слушай, Дребосьче, там на входната врата някой те чака... — каза бащата.

Дребосьчето не отговори. Татко му го бутна за рамото.

— Не чуваш ли, че при входа те чака един приятел?

— Навсякъде Гунила и Кристер — измънка Дребосьчето.

лицо его было мокрым от слёз.

— Вы же знали, — бормотал он, всхлипывая, — вы же знали, что я мечтал о живой собаке! И нечего было меня дразнить...

Малыш побежал в свою комнату и бросился на кровать. Боссе и Бетан кинулись вслед за ним. Прибежала и мама. Но Малыш не обращал на них никакого внимания — он весь трялся от плача.

Теперь день рождения был испорчен. Малыш решил быть целый день весёлым, даже если ему и не подарят собаку. Но получить в подарок плюшевого щенка — это уж слишком! Когда он об этом вспоминал, его плач превращался в настоящий стон, и он всё глубже зарывался головой в подушку.

Мама, Боссе и Бетан стояли вокруг кровати. Всем им было тоже очень грустно.

— Я сейчас позвоню папе и попрошу его пораньше прийти с работы, — сказала мама.

Малыш плакал... Что толку, если папа придёт домой? Всё сейчас казалось Малышу безнадёжно грустным. День рождения был испорчен, и ничем уже нельзя было тут помочь.

Он слышал, как мама пошла звонить по телефону, но он всё плакал и плакал. Слышал, как папа вернулся домой, но всё плакал и плакал. Нет, никогда Малыш теперь уже не будет весёлым. Лучше всего ему сейчас умереть, и пусть тогда Боссе и Бетан возьмут себе плюшевого щенка, чтобы вечно помнить, как они зло подшутили над своим маленьким братом в тот день рождения, когда он был ещё жив...

Вдруг Малыш заметил, что все — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан — стоят вокруг его постели, но он ещё глубже зарылся лицом в подушку.

— Послушай, Малыш, там возле входной двери тебя кто-то ждёт... — сказал папа.

Малыш не ответил. Папа потряс его за плечо:

— Ты что, не слышишь, что тебя у двери ждёт один приятель?

— Наверно, Гунилла или там Кристер, — ворчливо отозвался Малыш.

— Не, тоя, който те чака, се казва Бимбо — каза майката.

— Не познавам никакъв Бимбо! — промърмори Дребосьчето.

— Възможно е — рече майка му. — Но той много иска да се запознае с тебе.

Тъкмо в тази минута в антрето се чу тихо джафкане.

Дребосьчето напрегна всичките си мускули, като упорстваше да се вдигне от възглавницата. Не, крайно време е да се отучи от всякакви фантазии...

Но ето че от антрето отново се раздаде джафкане. С рязко движение Дребосьчето седна на леглото.

— Това кученце ли е? Живо кученце? — попита той.

— Да — каза баща му. — Това е кученце. Твое кученце.

Босе се втурна в антрето и след миг влетя в стаята на Дребосьчето — о, навсярно на Дребосьчето му се присънва, — Босе държеше в ръцете си малко кученце с къс косъм, от породата на дакелите.

— Нали това живо кученце е мое? — прошепна Дребосьчето.

Сълзи премрежваха очите му, когато протегна ръце към Бимбо. Изглежда, че се боеше да не би изведнъж кученцето да се превърне в дим и да изчезне.

Но Бимбо не изчезна. Дребосьчето държеше Бимбо на ръце, а той лижеше бузите му, гръмко джафкаше и душеше ушите му. Бимбо беше наистина жив.

— Е, сега щастлив ли си, Дребосьче? — попита бащата.

Дребосьчето само въздъхна. Как можеше баща му да пита за това! Дребосьчето беше толкова щастлив че нещо му премаля отвътре. А може би винаги така става, когато си щастлив.

— Това плюшено куче ще бъде играчка за Бимбо.

— Разбиращ ли Дребосьче? Ние не искахме да те дразним... така ужасно — каза Бетан.

Дребосьчето прости за всичко. Пък и той почти не слушаше какво му говорят, защото си приказваше с Бимбо:

— Бимбо, миличък Бимбо, ти си мое кученце.

— Нет, того, кто тебя ждёт, зовут Бимбо, — сказала мама.

— Не знаю я никакого Бимбо! — пробурчал Малыш.

— Возможно, — сказала мама. — Но он очень хочет с тобой познакомиться.

Именно в эту минуту из передней донеслось негромкое тявканье.

Малыш напряг все свои мускулы и упрямо не отрывался от подушки. Нет, ему и в самом деле пора бросить все эти выдумки...

Но вот опять в прихожей раздалось тявканье. Резким движением Малыш сел на постели.

— Это что, собака? Живая собака? — спросил он.

— Да, — сказал папа, — это собака. Твоя собака.

Тут Боссе кинулся в прихожую и минуту спустя влетел в комнату Малыша, держа на руках — о, наверно, Малышу это всё только снится! — маленьку короткошёрстную таксу.

— Это моя живая собака? — прошептал Малыш.

Слёзы застилали ему глаза, когда он протянул свои руки к Бимбо. Казалось, Малыш боится, что щенок вдруг превратится в дым и исчезнет.

Но Бимбо не исчез. Малыш держал Бимбо на руках, а тот лизал ему щёки, громко тявкал и обнюхивал уши. Бимбо был совершенно живой.

— Ну, теперь ты счастлив, Малыш? — спросил папа.

Малыш только вздохнул. Как мог папа об этом спрашивать! Малыш был так счастлив, что у него заняло где-то внутри, то ли в душе, то ли в животе. А может быть, так всегда бывает, когда ты счастлив?

— А эта плюшевая собака будет игрушкой для Бимбо. Понимаешь, Малыш! Мы не хотели дразнить тебя... так ужасно, — сказала Бетан.

Малыш всё прости. И вообще он почти не слышал, что ему говорят, потому что разговаривал с Бимбо:

— Бимбо, маленький Бимбо, ты — моя собака!

После Дребосъчето каза:

— Аз мисля, че моят Бимбо е много по-мил от Алберг, защото кучетата от породата на дакелите са безспорно най-хубавите кучета на света.

Тогава Дребосъчето си спомни, че Гунила и Кристер трябва да пристигнат всяка минута...

О! Дребосъчето дори не можеше да си представи, че е възможно един само ден да му донесе толкова щастие. Помислете си само! Още тозчас ще узнаят, че си има кученце, и то най-прекрасното кученце в света!...

Но изведнъж Дребосъчето се обезпокои:

— Мамо, а ще мога ли да взема Бимбо при баба?

— Разбира се. Ти ще го занесеш в тая малка кошничка за пренасяне на кученца, която Босе донесе в стаята заедно с кученцето.

— О! — извика Дребосъчето. — О!

Позвъни се. Пристигнаха Гунила и Кристер. Дребосъчето се хвърли насреща им, като викаше силно:

— Подариха ми кученце! Имам си вече мое собствено кученце!

— Ой, какво е миличко! — извика Гунила, но изведнъж се сепна и произнесе тържествено: — Честит ти рожден ден! Ето ти подарък от Кристер и мене. — И тя поднесе на Дребосъчето торбичка с бонбони, а после клекна пред Бимбо и повтори: — Ой, колко е миличко!

На Дребосъчето беше много приятно да слуша това.

— Почти толкова мило, колкото Йофа — каза Кристер.

— Какво приказваш? То е много по-хубаво от Йофа и дори много по-хубаво от Алберг — каза Гунила.

— Да, то е по-хубаво от Алберг — съгласи се Кристер.

Дребосъчето си помисли, че и Гунила, и Кристер са му много добри другари, и ги покани да седнат на празнично наредената маса.

Точно в тая минута майката донесе чиния малки апетитни сандвичи с шунка и със сирене и голяма

Затем Малыш сказал маме:

— Я думаю, что мой Бимбо гораздо милее Алльберга, потому что короткошёрстые таксы наверняка самые лучшие собаки в мире.

Но тут Малыш вспомнил, что Гунилла и Кристер должны прийти с минуты на минуту...

О! Он и не представлял себе, что один день может принести с собой столько счастья. Подумать только, ведь они сейчас узнают, что у него есть собака, на этот раз действительно его собственная собака, да к тому же ещё самая-самая распектабельная в мире!

Но вдруг Малыш забеспокоился:

— Мама, а мне можно будет взять с собой Бимбо, когда я поеду к бабушке?

— Ну конечно. Ты повезёшь его в этой маленькой корзинке, — ответила мама и показала специальную корзинку для перевозки собак, которую вместе со щенком принёс в комнату Боссе.

— О! — сказал Малыш. — О!

Раздался звонок. Это пришли Гунилла и Кристер. Малыш бросился им навстречу, громко крича:

— Мне подарили собаку! У меня теперь есть своя собственная собака!

— Ой, какая она миленькая! — воскликнула Гунилла, но тут же спохватилась и торжественно произнесла:

— Поздравляю с днём рождения. Вот тебе подарок от Кристера и от меня. — И она протянула Малышу коробку конфет, а потом снова села на корточки перед Бимбо и повторила: — Ой, до чего же она миленькая!

Малышу это было очень приятно слышать.

— Почти такая же милая, как Ёффа, — сказал Кристер.

— Что ты, она куда лучше Ёффы и даже куда лучше Алльберга! — сказала Гунилла.

— Да, она куда лучше Алльберга, — согласился с ней Кристер.

Малыш подумал, что и Гунилла и Кристер очень хорошие друзья, и пригласил их к празднично убранныому столу.

Как раз в эту минуту мама принесла блюдо маленьких аппетитных бутербродов с ветчиной и

купа, пълна догоре с курабии. В средата на масата се виждаше празничната торта с осем запалени свещи. Майката взе голямата кана с какао и почна да налива в чашите.

— Няма ли да почакаме Карлсон? — попита предпазливо Дребосъчето.

Майка му поклати глава:

— Не, аз мисля, че не си струва да го чакаме. Уверена съм, че той няма да дойде сега. И изобщо нека му поставим кръст. Нали си имаш сега Бимбо?

Разбира се. Дребосъчето сега си има Бимбо, но все пак много му се искаше и Карлсон да дойде на неговия празник.

Гунила и Кристер седнаха на масата и майката на Дребосъчето почна да ги черпи със сандвичи. Дребосъчето сложи Бимбо в кошничката и също седна на масата.

Когато майката излезе и остави децата сами, Босе подаде носа си в стаята и извика:

— Да не изядете цялата торта! Да оставите за мене и Бетан!

— Добре, ще ви оставя по едно парче — отговори Дребосъчето. — Макар че, да си кажа правото, това е несправедливо. Вие толкова години сте яли торти, когато мене ме е нямало на тоя свят!...

— Само гледай да ни оставиш по-големички парчета! — извика Босе, като затвори вратата.

В този миг отвън се чу познатото бръмчене на мотор и през прозореца в стаята долетя Карлсон.

— Вие сте вече на трапезата? — извика той. — Изглежда, сте изяли всичко?

Дребосъчето го успокои, като каза, че масата е отрупана с ядене.

— Прекрасно! — каза Карлсон.

— А няма ли да честитиш на Дребосъчето рождения му ден? — попита го Гунила.

— Да-да, разбира се, честитя му! — отговори Карлсон. — Къде е моето място?

Майката на Дребосъчето не беше сложила четвърта чашка. Когато Карлсон забеляза това, той издуналата си устна и веднага се разсърди:

сыром и вазу с целой горой печенья. Посреди стола уже красовался именинный пирог с восемью зажжёнными свечами. Потом мама взяла большой кофейник с горячим шоколадом и стала разливать шоколад в чашки.

— А мы не будем ждать Карлсона? — осторожно спросил Малыш.

Мама покачала головой:

— Нет, я думаю, ждать не стоит. Я уверена, что он сегодня не прилетит. И вообще давай поставим на него крест. Ведь у тебя же теперь есть Бимбо.

Конечно, теперь у Малыша был Бимбо, но всё же он очень хотел, чтобы Карлсон пришёл на его праздник.

Гунилла и Кристер сели за стол, и мама стала их угождать бутербродами. Малыш положил Бимбо в корзинку и тоже сел за стол.

Когда мама вышла и оставила детей одних, Боссе сунул свой нос в комнату и крикнул:

— Не съедайте весь пирог — оставьте и нам с Бетан!

— Ладно, оставлю по кусочку, — ответил Малыш. — Хотя, по правде говоря, это несправедливо: ведь вы столько лет ели сладкие пироги, когда меня ещё и на свете не было.

— Только смотри, чтобы это были большие куски! — крикнул Боссе, закрывая дверь.

В этот самый момент за окном послышалось знакомое жужжание мотора, и в комнату влетел Карлсон.

— Вы уже сидите за столом? — воскликнул он. — Наверно, всё уже съели?

Малыш успокоил его, сказав, что на столе ещё полным-полно угощений.

— Превосходно! — сказал Карлсон.

— А ты разве не хочешь поздравить Малыша с днём рождения? — спросила его Гунилла.

— Да-да, конечно, поздравляю! — ответил Карлсон. — Где мне сесть?

Мама так и не поставила на стол четвёртой чашки. И когда Карлсон это заметил, он выпятил нижнюю губу и сразу надулся:

— Не, така не може! Това е несправедливо! Защо не са ми поставили чашка?

Дребосъчето му даде своята, а после тихичко се промъкна в кухнята и си донесе оттам друга чашка.

— Карлсон — каза Дребосъчето, като се върна в стаята, — подариха ми кученце. Казва се Бимбо. Ето го. — И Дребосъчето показа кученцето, което спеше в кошничката.

— Това е отличен подарък — каза Карлсон. — Подай ми, моля ти се, ето той сандвич, и оня, и другия... Да! — извика изведнъж Карлсон. — Без малко щях да забравя! Донесох ти подарък. Най-хубавия подарък на света... — Карлсон извади от джоба на панталоните си една свирка и я подаде на Дребосъчето. — Сега можеш да свириш на своя Бимбо. Аз свирия винаги на своите кучета. Макар моите кучета да се казват Алберговци и да умеят да летят...

— Че как така, всичките ли се казват Алберговци? — учуди се Кристер.

— Да, всичките — и хилядата! — отговори Карлсон.

— Сега какво, да не чакаме повече, аз мисля да пристъпваме вече към тортата.

— Благодаря, мили, мили Карлсон, за свирката. Толкова приятно ще ми бъде да свирия на моя Бимбо!

— Не забравяй — каза Карлсон, — че аз често ще ти взимам свирката.. Твърде, твърде често. — И изведнъж попита разтревожено: — Получи ли някакви бонбони?

— Разбира се — отвърна Дребосъчето. — От Гунила и Кристер.

— Всичките тия бонбони ще отидат за благотворителни цели — каза Карлсон и пъхна пликчето в джоба си. После отново запоглъща един след друг сандвичите.

Гунила, Кристер и Дребосъчето също ядяха бързо, защото се бояха, че няма да им остане нищо. Но за щастие майката на Дребосъчето беше приготвила много сандвичи.

През това време майката и бащата на Дребосъчето, Босе и Бетан седяха в трапезарията.

— Обърнете внимание колко тихо седят децата — каза майката. — Аз съм просто щастлива, че

— Нет, так я не играю! Это несправедливо. Почему мне не поставили чашку?

Малыш тут же отдал ему свою, а сам тихонько пробрался в кухню и принёс себе оттуда другую чашку.

— Карлсон, — сказал Малыш, вернувшись в комнату, — я получил в подарок собаку. Её зовут Бимбо Вот она. — И Малыш показал на щенка, который спал в корзинке.

— Это отличный подарок, — сказал Карлсон. — Передай мне, пожалуйста, вот этот бутерброд, и этот, и этот... Да! — воскликнул вдруг Карлсон. — Я чуть не забыл! Ведь и я принёс тебе подарок. Лучший в мире подарок... — Карлсон вынул из кармана брюк свисток и протянул его Малышу: — Теперь ты сможешь свистеть своему Бимбо. Я всегда свищу своим собакам. Хотя моих собак зовут Альбергами, и они умеют летать...

— Как, всех собак зовут Альбергами? — удивился Кристер.

— Да, всю тысячу! — ответил Карлсон. — Ну что ж теперь, я думаю, можно приступить к пирогу.

— Спасибо, милый, милый Карлсон, за свисток! — сказал Малыш. — Мне будет так приятно свистеть Бимбо.

— Имей в виду, — сказал Карлсон, — что я буду часто брать у тебя этот свисток. Очень, очень часто. — И вдруг спросил с тревогой: — Кстати, ты получил в подарок конфеты?

— Конечно, — ответил Малыш. — От Гуниллы и Кристера.

— Все эти конфеты пойдут на благотворительные цели, — сказал Карлсон и сунул коробку себе в карман; затем вновь принялся поглощать бутерброды.

Гунилла, Кристер и Малыш тоже ели очень торопливо, боясь, что им ничего не достанется. Но, к счастью, мама приготовила много бутербродов.

Тем временем мама, папа, Боссе и Бетан сидели в столовой.

— Обратите внимание, как тихо у детей, — сказала мама. — Я просто счастлива, что Малыш получил

Дребосьчето получи най-после кученце. Разбира се, с него ще си имаме големи разправии, но какво да се прави!

— Да, сега вярвам да забрави вече своите глупави измислици за Карлсон, който живее на покрива — каза башата.

В този миг от стаята на Дребосьчето долетя смях и детски брътвеж. Тогава майката предложи:

— Хайде да отидем при тях и да им се порадваме. Толкова са мили тези деца.

— Хайде, хайде да отидем! — подхвани Бетан.

И всички те: майката, башата, Босе и Бетан — се отправиха да погледат как Дребосьчето празнува своя рожден ден.

Башата отвори вратата. Но първа извика майката, защото тя първа видя малкото дебеличко човече, което седеше на масата до Дребосьчето.

Това малко дебело човече беше чак до ушите изцапано с маслен крем.

— Ще припадна... — каза майката.

Башата, Босе и Бетан мълчаха и гледаха с изблещени очи.

— Виждаш ли, мамо, Карлсон все пак ми дойде на гости. Ех, какъв чудесен рожден ден излезе!

Малкото дебело човече изтри с пръсти масления крем от устните си и така енергично замаха със своята дебела ръчичка към майката, башата, Босе и Бетан, че по всички страни се разлетя маслен крем.

— Здравейте! — извика той. — Досега вие нямахте честта да ме познавате. Аз се казвам Карлсон, който живее на покрива... Хей, Гунила, Гунила, ти твърде много си препълняш чинията! И аз искам торта.

И той хвана ръката на Гунила, която беше вече взела парче торта, и я накара да го сложи обратно.

— Никъде не съм виждал такова лакомо девойче — каза Карлсон и сложи в своята чиния голямо парче торта. — Най-добрият в света изтребител на торти — това е Карлсон, който живее на покрива — добави той и се усмихна радостно.

наконец собаку. Конечно, с ней будет большая взяня, но что поделаешь!

— Да, теперь-то уж, я уверен, он забудет свои глупые выдумки про этого Карлсона, который живёт на крыше, — сказал пapa.

В этот момент из комнаты Малыша донеслись смех и детская болтовня. И тогда мама предложила:

— Давайте пойдём и посмотрим на них. Они такие милые, эти ребята.

— Давайте, давайте пойдём! — подхватила Бетан.

И все они — мама, пapa, Боссе и Бетан — отправились поглядеть, как Малыш празднує свой день рождения.

Дверь открыла пapa. Но первой вскрикнула мама, потому что она первая увидела маленького толстого человечка, который сидел за столом возле Малыша.

Этот маленький толстый человечек был до ушей вымазан взбитыми сливками.

— Я сейчас упаду в обморок... — сказала мама.

Пapa, Боссе и Бетан стояли молча и глядели во все глаза.

— Видишь, мама, Карлсон всё-таки прилетел ко мне, — сказал Малыш. — Ой, какой у меня чудесный день рождения получился!

Маленький толстый человечек стёр пальцами с губ сливки и так энергично принялся махать своей пухлой ручкой маме, пapa, Боссе и Бетан, что хлопья сливок полетели во все стороны.

— Привет! — крикнул он. — До сих пор вы ещё не имели чести меня знать. Меня зовут Карлсон, который живёт на крыше... Эй, Гунилла, Гунилла, ты слишком много накладываешь себе на тарелку! Я ведь тоже хочу пирога...

И он схватил за руку Гуниллу, которая уже взяла с блюда кусочек сладкого пирога, и заставил её положить всё обратно.

— Никогда не видел такой прожорливой девочонки! — сказал Карлсон и положил себе на тарелку куда больший кусок. — Лучший в мире истребитель пирогов — это Карлсон, который живёт на крыше! — сказал он и радостно улыбнулся.

— Хайде да се махнем оттука — пошепна майката.

— Да, може. Идете си. Така ще бъде по-добре. Иначе при вас се стеснявам — заяви Карлсон.

— Обещай ми едно нещо — каза бащата, като се обърна към майката, когато излизаха от стаята на Дребосьчето. — Обещайте ми всички — и ти, Босе, и ти, Бетан. Обещайте ми никога никому да не разказвате за това, което сега видяхме.

— Защо? — попита Босе.

— Защото никой няма да ни повярва, ще ни разпитва, докато сме живи!...

Бащата, майката, Босе и Бетан си обещаха, че няма да разкажат нито на едно живо същество за чудноватия другар, който си бе намерил Дребосьчето.

И те изпълниха обещанието си.

Никога никой не чу дума за Карлсон. И тъкмо затова Карлсон продължава да живее в своята малка къщичка, за която никой нищо не знае, макар тая къщичка да се намира на най-обикновен покрив, на най-обикновена улица в Стокхолм. Затова Карлсон и до ден днешен се разхожда спокойно, където си пожелае, и върши лудории, колкото си иска. Защото е известно, че той е най-големият немирник в целия свят!

Когато сандвичите, сладкишите и тортата се свършиха и Кристер и Гунила си отидоха вкъщи, а Бимбо си спеше дълбоко в своята кошница, Дребосьчето взе да се прощава с Карлсон.

Карлсон беше седнал върху рамката на прозореца, готов всеки миг да отлети. Вятърът разлюляваше завеските, а въздухът беше топъл, защото вече беше настъпило лято.

— Миличък, премиличък Карлсон, нали ще си живееш пак на нашия покрив, когато се върна от бабини? Нали с положителност ще живееш там? — попита Дребосьчето.

— Спокойствие и само спокойствие! — каза Карлсон. — Ще остана да живея на покрива, ако ме пусне моята баба. А това още не се знае, защото те ме смятат за най-добрия внук на света.

— А ти наистина ли си най-добрият внук на света?

— Разбира се. И кой друг може да бъде, ако не аз?

— Давайте уйдём отсюда, — прошептала мама.

— Да, пожалуй, уходите, так будет лучше. А то я при вас стесняюсь, — заявил Карлсон.

— Обещай мне одну вещь, — сказал папа, обращаясь к маме, когда они вышли из комнаты Малыша. — Обещайте мне все — и ты, Боссе, и ты, Бетан. Обещайте мне никогда никому не рассказывать о том, что мы сейчас видели.

— Почему? — спросил Боссе.

— Потому, что нам никто не поверит, — сказал папа.

— А если кто-нибудь и поверит, то своими расспросами не даст нам покоя до конца наших дней!

Папа, мама, Боссе и Бетан пообещали друг другу, что они не расскажут ни одной живой душе об удивительном товарище, которого нашёл себе Малыш.

И они сдержали своё обещание.

Никто никогда не услышал ни слова о Карлсоне. И именно поэтому Карлсон продолжает жить в своём маленьком домике, о котором никто ничего не знает, хотя домик этот стоит на самой обыкновенной крыше самого обычного дома на самой обычной улице в Стокгольме. Поэтому Карлсон до сих пор спокойно гуляет, где ему вздумается, и показывает, сколько хочет. Ведь известно, что он лучший в мире проказник!

Когда с бутербродами, печеньем и пирогом было покончено и Кристер с Гуниллой ушли домой, а Бимбо крепко спал в своей корзинке, Малыш стал прощаться с Карлсоном.

Карлсон сидел на подоконнике, готовый к отлёту. Ветер раскачивал занавески, но воздух был тёплый, потому что уже наступило лето.

— Милый, милый Карлсон, ведь ты будешь по-прежнему жить на крыше, когда я вернусь от бабушки? Наверняка будешь? — спросил Малыш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Буду, если только моя бабушка меня отпустит. А это ещё неизвестно, потому что она считает меня лучшим в мире внуком.

— А ты и вправду лучший в мире внук?

— Конечно. А кто же ещё, если не я? Разве ты

Ти можеш ли да посочиш друг? — попита Карлсон.

Той натисна копчето на корема си и моторът забръмча.

— Когато отново долетя, ние ще изядем още повече торти! — извика Карлсон. — От торти не се дебелее!... Довиждане, Дребосъчето!

— Довиждане, Карлсон! — извика Дребосъчето.

И Карлсон отлетя.

Но в кошничката до креватчето на Дребосъчето лежеше Бимбо и спеше.

Дребосъчето се наведе към кученцето и го погали бавничко по главата със своята малка позагоряла ръка.

— Бимбо, утре ние ще отидем при баба — каза Дребосъчето. — Лека нощ, Бимбо! Спи спокойно.

можешь назвать кого-нибудь другого? — спросил Карлсон.

Тут он нажал кнопку на животе, и моторчик заработал.

— Когда я прилечу назад, мы съедим еще больше пирогов! — крикнул Карлсон. — От пирогов не толстеют!.. Привет, Малыш!

— Привет, Карлсон! — крикнул в ответ Малыш.

И Карлсон улетел.

Но в корзинке, рядом с кроваткой Малыша, лежал Бимбо и спал.

Малыш наклонился к щенку и тихонько погладил его по голове своей маленькой обветренной рукой.

— Бимбо, завтра мы поедем к бабушке, — сказал Малыш. — Доброй ночи, Бимбо! Спи спокойно.